

КИРИЛЛ СТОЛЯРОВ

Палачи и жертвы

ДОСЬЕ

Товарищу Толмачеву Л. П.
Товарищу Маленкову Г. М.

22/10/51

Л. П. и Г. М.

Сейчас уже более года, а мы
еще не сумели справиться
с задачей, поставленной перед
нами. Различные люди, разные
холодильники и методы
работы. Об этом вкратце
я все еще не могу сказать
ничего. В работе не

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Кирилл Столяров

**ПАЛАЧИ
И ЖЕРТВЫ**

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
1997

ББК 67.99(2)8
С 81

Исключительное право публикации книги
Кирилла Столярова «Палачи и жертвы»
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Столяров К. А.
С 81 Палачи и жертвы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС,
1997. — 365 с.: ил. — (Досье).
ISBN 5-87322-638-5

В книге известного публициста нашли правдивое отражение обстоятельства и причины гибели крупнейшего советского контрразведчика, начальника «Смерша» В. С. Абакумова («Голгофа»); в неожиданном ракурсе предстают Берия и его окружение («Преторианцы»). «Дело капитана Солженицына» — воссозданная на основе материалов из архива КГБ СССР подлинная история ареста и осуждения выдающегося русского писателя.

Комментарии генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева.

ББК 67.99(2)8

ISBN 5-87322-638-5

© К. Столяров, 1997.
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 1997.
© В. Горин, оформление, 1997.

ОТ АВТОРА

Прежде чем вовлечь читателя в лабиринт кремлевских интриг времен позднего сталинизма, стоит, по-моему, хотя бы вкратце объяснить, с чего это меня, писателя-беллетриста, прежде не тяготевшего к документальным исследованиям черных дыр отечественного истэблшмента, вдруг потянуло на историческую публицистику. Все началось с гласности, когда впервые в стране Советов нежданно-негаданно появилась возможность донести до читательской аудитории неприукрашенную правду и, стало быть, активно влиять на события, происходящие с нами и вокруг нас. За какой-нибудь год я с пылом заправского шестидесятника, на одном дыхании написал серию очерков, печатавшихся главным образом в «Неделе» и посвященных коррупции в высших эшелонах советской власти, а также попранию человеческого достоинства наших ни в чем не повинных сограждан. Тиражи «Недели» в то время достигали двух миллионов экземпляров, газету рвали из рук, и как-то раз тогдашний главный редактор В. Сырокомский вывел меня на балкон бывшего кабинета Бухарина, чтобы показать очередь, по пятницам змеившуюся от газетного киоска возле кинотеатра «Россия» вдоль всей Пушкинской площади до Тверской и загибавшуюся далеко за угол

здания «Известий». Может ли быть что-либо приятнее автору, нежели осознание непреложного факта, что его труд заслужил общественное признание?

Вскользь замечу, что у признания всегда есть горькая изнанка. Мой домашний телефон буквально накалялся от бессчетного числа звонков, а на улице, у подъезда, меня с раннего утра подстерегали разного рода бедолаги, во все горло требовавшие, чтобы я, отрешившись от остального, немедленно и вплотную занялся именно их делами — мало ли у нас обездоленных с изломанными судьбами и тщетными надеждами на восстановление справедливости? Кое-кто из них действительно пострадал ни за что ни про что, а другим, как это часто бывает, с субъективных позиций казалось, будто они праведники, по трагическому стечению обстоятельств ошибочно признанные грешниками. Помнится, один особенно настырный, не совладавший с эмоциями житель черноземной глубинки около месяца терроризировал меня, попеременно пуская в ход то мольбы, то угрозы — в случае отказа он поклялся отомстить мне на самурайский манер, покончив жизнь самоубийством под дверью моей квартиры. К счастью, все обошлось: он либо передумал, либо нашел себе более сговорчивого правозащитника.

Но нет худа без добра — я получил доступ в следственные изоляторы и, самое важное, в наглухо закрытые архивы, куда до меня еще не ступала писательская нога. Каким образом мне это удалось? Соль в том, что героями моих очерков, как правило, были талантливые следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, наглядно и выпукло проявившие себя в годы так называемой перестройки служителями Закона, в то время как множество ответственных

работников иных правоохранительных ведомств по-прежнему подвизалось на ролях obsługi у правящей элиты. К сожалению, впоследствии лидеры прокуратуры по ряду причин не сумели удержать эту высокую ноту и, фигурально выражаясь, влились в дружный хор, услаждающий слух новых российских олигархов, но это другая тема. А тогда, в обстановке подъема, я, отталкиваясь от конкретных уголовных дел, по достоинству воздал должное Прокуратуре СССР и, как показала практика, завоевал там определенное доверие. Не хотите ли ознакомиться с делом генерала Власова? — любезно предлагали мне. А нет, так изучите, например, интереснейшее дело героев-панфиловцев, которые, будучи по документам стопроцентными панфиловцами, оказались вовсе не героями, а плодом творческой фантазии журналиста Кривицкого, выдумавшего их подвиги в агитационно-пропагандистских целях. Словом, передо мной открылся широчайший выбор, в ответ на что я нескромно сказал: дайте мне дело Абакумова. И тотчас нарвался на настороженный вопрос — почему?

Действительно, откуда и почему у меня возникло необоримое желание разузнать все об Абакумове?

В детстве я краем уха слышал о том, что Абакумов в годы войны возглавлял контрразведку «Смерш», одно название которой бросало в дрожь, а в юности встречал эту фамилию в списке изменников Родины, рядом с Берией, Меркуловым и прочими. Любопытства у людей моего поколения подобные списки, прямо скажем, не вызывали: уж чего-чего, а изменников у нас было как собак нерезаных — меньшевики, эсеры, Троцкий, Зиновьев, Каменев, «шахтинцы», промпартия, Тухачевский с Егоровым и Блюхером, чьи портреты пришлось вырезать из школьных учеб-

ников, разные там троцкистские блоки, в общем, запросто собьешься со счета. И думали мы о них с явным отвращением — да пропади они пропадом!

Интерес обозначился гораздо позже, когда я уже взрослым человеком почти подряд прочел самиздатовский вариант «В круге первом» А. Солженицына и роман В. Богомолова «В августе сорок четвертого». И там, и там фигурировал Абакумов, но — абсолютно разный, диаметрально противоположный по авторским оценкам.

У Солженицына министр государственной безопасности Виктор Абакумов изображен эдаким куском мяса, затынутым в генеральский мундир. Правда, одушевленным, ибо ему ведомо чувство страха за свою шкуру: как только Абакумов раз в месяц по ночам предстал перед Сталиным, уши у него сперва леденели, а затем наливались огнем. Образования у Абакумова с гулькин нос, но Солженицын все же признает за ним кое-какой природный ум. Однако, цитирую, ум этот «от долгого неупражнения стал бесполезен», поскольку Абакумов «старался меньше напрягать голову». Короче говоря, быдло. И, примечательная деталь, Абакумов, по Солженицыну, вор — он «греб миллионы».

В романе Богомолова фамилия начальника ГУКР «Смерш» по понятным причинам не приводится, его называют исключительно по воинскому званию — генерал-полковником. А из текста в противовес Солженицыну явствует, что начальник ГУКР «Смерш» достаточно умен, знает розыск не понаслышке и обладает завидным хладнокровием — перед Сталиным у него не трясутся поджилки. Добавлю, что Богомолов известен редкостным, если не сказать больше, пристрастием к предельной достоверности. Он никогда не напишет, что, допустим, в такой-то день августа

1944 года шел дождь, предварительно не сверившись с фронтовой метеосводкой в Подольском архиве Министерства обороны. Эта скрупулезность, подчеркиваю, не могла не породить у меня сомнений в правоте Солженицына.

Разумеется, я был далек от мысли, что Солженицын сознательно искажил облик Абакумова — в русской литературе двадцатого столетия едва ли найдется писатель, отображавший нашу жизнь более правдиво. Вместе с тем, роман «В круге первом» вышел из-под пера Солженицына по свежим следам пережитого и, как мне тогда показалось, не был лишен известных пристрастий. Поэтому избыток черной краски в портрете Абакумова, на определенном этапе олицетворявшего карательную систему, вполне мог иметь место. И еще — в мемуарах советских военачальников объективно признавались заслуги контрразведки «Смерш», а жизненный опыт подсказывал мне, что, образно говоря, стадо львов не возглавляется безмозглым бараном.

Итак, мой интерес разогрелся, на недостаток настойчивости я не жаловался, и месяцев через семь-восемь мое пожелание пусть со скрипом, но выполнили — с Лубянки в Прокуратуру Союза доставили четыре пыльных мешка с девятью десятками томов уголовного дела Абакумова.

У следственных и судебных документов социалистической эпохи есть одна особенность, чертовски затрудняющая разностороннее восприятие: там содержится только компромат, да и то подчас грубо сфальсифицированный. Другими словами, если старушка Фемида, по замыслу древних греков, с завязанными глазами взвешивала на весах зло и добро, сотворенное тем или иным подсудимым, и лишь потом пускала в ход меч, то ее, скажем так, духовные наследники

из числа советских юристов действовали куда проще, по трафарету — сперва ничтоже сумняшеся решали судьбу человека, а уж затем подводили под это решение наспех состряпанную правовую базу. Из-за этого я, не скрою, долго пробирался сквозь ворох лжи, прежде чем с пожелтевших страниц передо мной возник совсем другой Абакумов...

Чтобы как можно глубже и полнее разобраться в магнитном поле страстей, определявших поступки Сталина и его ближайших соратников, мне волей-неволей пришлось перелопатить уголовные дела Берии, Рюмина и множества других лиц, обобщенно названных мною «преторианцами». И тут неожиданно выяснилось, что Берия тоже отнюдь не соответствует тому жуткому образу мракобеса, который в качестве ложной цели десятилетиями вдалбливала в наше сознание коммунистическая пропаганда. Украшением рода человеческого истинного Берию, безусловно, не назовешь, это было бы изрядным перебором, однако сколько-нибудь существенной разницы между ним и его коллегами по Политбюро ЦК КПСС я не усмотрел. Да, Берия, пожалуй, больше других понимал толк в сексе, но и в этом отношении не был рекордсменом, уступив пальму первенства С. Кирову...

А за всем этим скопищем больших и малых вождей, как бы высвеченный ими самими изнутри, перед моим мысленным взором воочию предстал конструктивный остов казарменного социализма с его вертикальными и горизонтальными связями и опорами, и я уяснил себе, почему он, этот остов, не выдержал нагрузки...

Нет, пора остановиться. Полтора года я изо дня в день нюхал архивную пыль, чтобы написать эту книгу, а делать выводы и высказывать оценки — это прерогатива читателей. Так что, будьте добры, судите сами.

ГОЛГОФА

***Генерал-полковник
АБАКУМОВ***

Факты и комментарии

Часть I

В «МАТРОССКОЙ ТИШИНЕ»

АРЕСТЫ

Его отстранили от работы 4 июля, а восемь дней спустя (по стилистике тех лет в документах было указано — «1951 года, июля 12 дня») вызвали в Прокуратуру СССР, чтобы ознакомить с двумя постановлениями — о возбуждении уголовного дела по признакам статьи 58 — I «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военным служащим) и об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей в Сокольнической тюрьме МВД, известной в народе как «Матросская тишина». Оба постановления вынес и объявил арестованному Генеральный прокурор, государственный советник юстиции I класса Г. Сафонов, с учетом особых, из ряда вон выходящих обстоятельств принявший дело к своему производству, то есть, в переводе с канцелярита на русский язык, возложивший на себя прямые обязанности следователя.

Известно, что когда человека подвергают аресту, на него заполняют специальную анкету, где должны быть фотографии в фас и в профиль, отпечатки пальцев и некоторые сведения об арестованном. Привожу выдержки из этой анкеты:

«Фамилия, имя, отчество — Абакумов Виктор Семенович; год рождения — 1908; место рождения — г. Москва; национальность — русский; пар-

тийность — член ВКП(б) с 1930 г.; социальное происхождение — из рабочих; образование — низшее, окончил городское училище в Москве, время окончания не помнит; занимаемая должность до ареста — министр государственной безопасности СССР; участие в Великой Отечественной войне — начальник Главного управления контрразведки РККА (ГУКР «Смерш») с начала и до конца войны...»

Был там и словесный портрет: «Рост — высокий; плечи — опущенные; цвет волос — темно-русые; глаза — карие; лицо — прямоугольное; лоб — высокий; брови — дугообразные; нос — широкий, спинка носа — прямая, основание носа — приподнятое; рот — большой; губы — толстые; подбородок — прямой; уши — большие, овальные».

Поскольку словесный портрет составляют для профессионалов, а не для людей, далеких от розыска преступников, следует, вероятно, добавить, что генерал-полковник Абакумов был представительным, знавшим себе цену мужчиной с приятной внешностью, жестким, пронизывающим взглядом, наводившим на мысль, что этот человек мало кому верит.

Анкету, как водится, подшили в дело, а Абакумова, с соблюдением всех предосторожностей, доставили в «Матросскую тишину» и поместили в одиночку. В целях конспирации только начальника тюрьмы поставили в известность, кем был его новый узник, тогда как для всех остальных он отныне обозначался как «заключенный № 15».

На следующий день арестовали жену Абакумова — Антонину Николаевну, тридцати одного года, иждивенку, ранее работавшую в центральном аппарате МГБ СССР, — и с двухмесячным

сыном на руках заключили в Сретенскую тюрьму МВД. Вскользь замечу, что грудной ребенок причинил сотрудникам Прокуратуры Союза массу хлопот — у матери сразу же пропало молоко, равноценная замена его тюремным рационом, естественно, не предусматривалась, и, чтобы мальчик выжил, волей-неволей пришлось позаботиться об искусственном питании.

Пока одни следователи за свои деньги покупали на Центральном рынке коровье молоко, другие, более бдительные, внесли предложение взять под стражу и бывшую жену Абакумова — Т. Смирнову. Однако Генеральный прокурор страны не усмотрел достаточных оснований для ее ареста, и после серии продолжительных допросов Т. Смирнову оставили в покое, предварительно выселив из квартиры и разрешив забрать оттуда только личные вещи.

Вскоре были арестованы начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, генерал-майор А. Леонов, три его заместителя — полковники М. Лихачев, В. Комаров и Л. Шварцман, а также начальник Секретариата министерства полковник И. Чернов и его заместитель полковник Я. Броверман. Как явствовало из формулы обвинения, все они во главе с Абакумовым представляли собой преступную группу, занимавшуюся враждебной деятельностью против Большевицкой партии и Советского государства.

Что же послужило поводом к их разоблачению и аресту? Для них самих это не было секретом — полтора месяца назад старший следователь Следчасти по особо важным делам, подполковник госбезопасности М. Рюмин донес в Центральный Комитет партии, что его высокопоставленные коллеги «смазывают» террористические замыслы

вражеской агентуры, направленные против членов Политбюро и лично товарища Сталина, нарушают социалистическую законность, грубо игнорируя требования, изложенные в постановлении ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, и сознательно не протоколируют все допросы подследственных, что позволяет ловко скрывать от Вождя народов множественные промахи в борьбе с происками международного империализма и ставить органы госбезопасности вне партийного контроля. А дальше, для полноты впечатления, Рюмин сообщал, что министр Абакумов недобросовестно обогатился за счет присвоения трофейного имущества и проявил нескромность в быту. В частности, при разводе с первой женой он оставил ей пятикомнатную квартиру в Телеграфном переулке и приказал роскошно оборудовать новую квартиру жилой площадью 300 квадратных метров в Колпачном переулке, для чего спешно расселили 16 семей численностью 48 человек и потратили государственные средства в сумме 800 тысяч рублей.

Отправив донос, Рюмин этим отважился на отчаянный, и, быть может, даже безрассудный шаг. Ведь между ним, рядовым сотрудником, каких в МГБ насчитывалось сотни, если не тысячи, и всеильным министром простиралась дистанция поистине невообразимого размера, и, случись промах, Абакумову ничего не стоило стереть Рюмина в порошок. Более того, ликвидация Рюмина не вызвала бы вопросов — мало ли людей загадочным образом исчезало в ту пору? Был человек и нету — растаял, точно пар над горшком с остывшими щами. Да и вероятность, что бумага попадет в руки Сталина, была равна нулю — Великого и Мудрого Отца народов плотным

кольцом окружали люди из органов: генерал-лейтенант Власик являлся начальником Главного управления охраны МГБ СССР, а помощник Вождя Поскребышев, фильтровавший входящую почту, тоже имел генеральское звание по линии ведомства, возглавляемого Абакумовым.

Однако случилось чудо: вопреки всем мыслимым и немыслимым соображениям, парфянская стрела прежде неизвестного подполковника Рюмина поразила «десятку» — Сталин ознакомился с тревожным сигналом и после зрелых раздумий отдал приказ арестовать Абакумова.

ДОПРОСЫ

Генеральному прокурору Сафонову не довелось лично расследовать дело Абакумова — только-только высохли чернила на подписанных им постановлениях, как он попал в автокатастрофу и был вынужден провести несколько месяцев в кремлевской больнице. Поэтому в роли следователя оказался его первый заместитель К. Мокичев, который и приступил к допросам, начав с приведенных Рюминым фактов «смазывания» террористических намерений еврейского националиста Этингера, английского шпиона Юдина, руководителей антисоветской молодежной организации «СДР» («Союза борьбы за дело революции»), а также перевербованных американской разведкой агентов МГБ Гаврилова, Лаврентьева и некоторых других изменников Родины.

Здесь, пожалуй, не обойтись без кратких пояснений и без выдержек из протоколов допросов, которые в какой-то мере раскрывают существо дела и, кроме этого, превосходно передают дух времени.

Итак, Этингер Яков Гилярович, 1887 года рождения, еврей, беспартийный, с 1908 по 1913 год учился в Берлинском университете, доктор медицинских наук, бывший профессор 2-го Московского мединститута, был арестован органами госбезопасности в ноябре 1950 года и вскоре умер в Лефортовской тюрьме от приступа грудной жабы. Следствие по его уголовному делу вел Рюмин, утверждавший, что Абакумов, во-первых, запретил ему, Рюмину, допрашивать Этингера как участника злодейского умерщвления кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. Щербакова и, во-вторых, распорядился перевести подследственного из Внутренней тюрьмы в Лефортовскую, отчего тот скоропостижно скончался и унес в могилу бесценные сведения о широко задуманном терроре.

Вот что на допросе показал Абакумов в отношении Этингера:

«В о п р о с: Почему вы долго не арестовывали Этингера, а после ареста запретили допрашивать его о терроре, сказав Рюмину, что Этингер «заведет в дебри»?

О т в е т: Руководство 2-го управления доложило мне, что Этингер является враждебно настроенным. Я поручил подготовить записку в ЦК. В записке были изложены данные, которые убедительно доказывали, что Этингер — большая сволочь¹. Это было в первой половине 1950 года, месяца не помню. Но санкции на арест мы не получили... А после того как сверху спустили санкцию, я попросил доставить Этингера ко мне,

¹ Абакумов имел в виду антисталинские высказывания профессора Этингера в разговоре с сыном, что предусматривало состав контрреволюционного преступления, квалифицированного ст. 58—10 УК РСФСР. Отец с сыном говорили с глазу на глаз, но беседа была записана на магнитную пленку. (Здесь и далее примеч. автора.)

так как знал, что он активный еврейский националист, резко антисоветски настроенный человек. «Говорите правду, не кривите душой», — предложил я Этингеру. На поставленные мною вопросы он сразу же ответил, что его арестовали напрасно, что евреев у нас притесняют. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского, моего заместителя, а затем Щербакова. Тогда я заявил, что ему придется рассказать, как он залечил Щербакова. Тут он стал обстоятельно доказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком...

В процессе допроса я понял, что ничего, совершенно ничего, связанного с террором, здесь нет. А дальше мне докладывали, что чего-то нового, заслуживающего внимания, Этингер не дает.

Вопрос: Вам известно, что Этингер был переведен в Лефортовскую тюрьму с созданием необычного для него режима?

Ответ: Это неправильно. И Внутренняя, и Лефортовская тюрьма одинаковы, никакой разницы нет.

Вопрос: Вы давали указание о том, чтобы содержать Этингера в особых, опасных для его жизни условиях?

Ответ: В каких особых?

Вопрос: В более жестких, чем всех остальных? Ведь Этингера поместили в сырую и холодную камеру.

Ответ: Ничего особенного здесь нет, потому что он — враг. Мы можем и бить арестованных — в ЦК ВКП(б) меня и моего первого заместителя Огольцова неоднократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся

применять меры физического воздействия к шпионам и другим государственным преступникам, когда это нужно... Арестованный — есть арестованный, а тюрьма — есть тюрьма. Холодных и теплых камер там нет. Говорилось о каменном полу — так, насколько мне известно, пол везде каменный... Я говорил следователю, что нужно добиваться от арестованного правды, и мог сказать, чтобы тот не заводил нас в дебри...»

А теперь об «английском шпионе» Юдине. Историю его дела, на мой взгляд, лучше всего пересказать слогом служебных документов начала пятидесятых годов: Юдин Сергей Сергеевич, 1891 года рождения, русский, беспартийный, сын фабриканта, до ареста — главный хирург Института им. Склифосовского, действительный член Академии наук СССР, взят под стражу 23 декабря 1948 года, уличен в преклонении перед Англией — был избран там членом Королевского хирургического общества, замешан в контрреволюционном заговоре, которым руководил главный маршал артиллерии Воронов. Цель заговора — свержение Советского правительства и передача власти в стране маршалу Жукову.

Парадоксальная ситуация, не правда ли? Агент английской разведки Интеллидженс Сервис замешан в опаснейшем заговоре, а органы госбезопасности, по утверждению Рюмина, не удосужились выяснить, какие террористические замыслы вынашивал предавший родину хирург. И сидящего в «Матросской тишине» Абакумова усердно допрашивают о терроре, задуманном узником Внутренней тюрьмы Юдиным:

« В о п р о с : Вам известно, что в определенных материалах разработки Юдина было два агентурных донесения источника «Французенка» о зло-

бных террористических высказываниях Юдина против Вождя народа?

О т в е т: Я этих материалов не знал и не знаю.

В о п р о с: В донесении от 27 ноября 1934 года «Француженка» сообщала, что Юдин заявлял: «Если бы, например, этот... (следует ругань в адрес Вождя народа) был болен и меня случайно позвали бы к нему, я бы сделал все возможное... (далее следует циничное выражение), чтобы он погиб поскорее». Что вы на это скажете?

О т в е т: Впервые слышу...»

Не менее категорично Абакумов отрицал и террористические намерения других лиц, упомянутых в доносе Рюмина. Слуцкий, Гуревич и остальные члены группы «СДР», объяснил Абакумов, являлись учащимися 9—10 классов или же студентами-первокурсниками, им было по 15—17 лет, они, в основном, дети репрессированных, способные только на болтовню. Однажды кто-то кому-то сказал, что хорошо бы убить Маленкова, раз он такой ярый антисемит, вот и все. Серьезных террористических намерений у них не было и быть не могло. А про Гаврилова с Лаврентьевым вообще не о чем толковать: арестованные были педерастами, американцы, с которыми они якшались, — тоже педерасты, и вся связь у них была, главным образом, на этой почве. Достаточно поглядеть на них — больные люди.

Сейчас, когда с той поры минуло сорок с лишним лет и мы достоверно знаем, что профессор Этингер и в мыслях не держал уничтожение Щербакова, что выдающийся советский хирург Юдин не имел ничего общего с английскими спецслужбами, не говоря уж об участии в мифическом заговоре маршалов Жукова и Воронова, и что террор в деле «СДР» мог пригрезиться только

сверхбдительным крестинам, чрезвычайно трудно поверить в реальность описанных здесь событий. Между тем все было именно так. И если я ненароком что-то упустил, то эта недосказанность объясняется исключительно издержками, неизбежными при сокращенном пересказе подлинных документов.

Надо сказать, что силы при допросе оказались неравными. Заместитель Генерального прокурора Мокичев был правоведом высшей квалификации с аттестатом профессора, тогда как, напоминая, образовательный багаж Абакумова ограничивался четырьмя классами начальной школы. И все же у меня исподволь сложилось впечатление, что в протоколах допросов их следовало поменять местами — уж больно все это похоже на диалог профана с жестким, вполне компетентным собеседником.

Вот что Абакумов напоследок сказал Мокичеву:

«...у меня были ошибки, недостатки и неудачи в работе. Это все, в чем я виноват... Утверждаю, что никаких преступлений против партии и Советского правительства я не совершал. Я был весь на глазах у ЦК ВКП(б). Там повседневно знали, что делается в ЧК...»

ТАКТИЧЕСКИЙ ХОД

От природы наделенный проницательностью Абакумов за десять лет работы в непосредственном подчинении у Сталина изучил коварный, переменчивый характер своего хозяина. В том, что он арестован по распоряжению Сталина, Абакумов, конечно, ни секунды не сомневался, иное противоречило бы действовавшим тогда желез-

ным правилам. Нисколько не упрощая своего положения и не теша себя зряшными иллюзиями, Абакумов, однако, не считал, что обречен на неизбежную гибель, потому что не раз видел, как попавшие в опалу люди возвращались из тюрем и лагерей на прежние посты. Все зависело от смены настроения Сталина, от дополнительной информации, отовсюду стекавшейся к нему, от времени года и местонахождения — на юге хозяин обычно был более суров, нежели в Москве. И отнюдь не в последнюю очередь от того, кто оказывался на посту подвергнутого опале и в какой мере новичок заслуживал хозяйского доверия.

Вычислить все это наперед было, разумеется, немислимо, но в то же самое время требовалось внести какую-то ясность, как-то объясниться, и Абакумов, догадываясь, что хозяин ждет от него первого шага, пишет письмо Сталину в камере «Матросской тишины».

«...Теперь по поводу заявления тов. Рюмина о том, что я якобы намекнул Этингеру, чтобы он отказался от показаний по террору. Этого не было и быть не могло. Это неправда. При наличии каких-либо конкретных фактов, которые дали бы возможность зацепиться, мы бы с Этингера шкуру содрали, но этого дела не упустили бы...

Должен прямо сказать Вам, товарищ Сталин, что я сам не являюсь таким человеком, у которого не было бы недостатков. Недостатки имеются и лично у меня, и в моей работе... В то же время с открытой душой заверяю Вас, товарищ Сталин, что отдаю все силы, чтобы послушно и четко проводить в жизнь те задачи, которые Вы ставите перед органами ЧК. Я живу и работаю, руководствуясь Вашими мыслями и указаниями, товарищ Сталин, стараюсь твердо и настойчиво решать

вопросы, которые ставятся передо мной. Я дорожу тем большим доверием, которое Вы мне оказывали и оказываете за все время моей работы как в период Отечественной войны — в органах Особых отделов и «Смерш», так и теперь — в МГБ СССР.

Я понимаю, какое большое дело Вы, товарищ Сталин, мне доверили, и горжусь этим, работаю честно и отдаю всего себя, как подобает большевику, чтобы оправдать Ваше доверие. Заверяю Вас, товарищ Сталин, что какое бы задание Вы мне ни дали, я всегда готов выполнить его в любых условиях. У меня не может быть другой жизни, как бороться за дело товарища Сталина. В. Абакумов».

От внимательных читателей наверняка не укрылось, что Абакумов в письме Сталину, всячески избегая слов «арест» и «тюрьма», тонко намекает на незыблемость их взаимоотношений и упоминает лишь о досадных недоразумениях, возникших по злой воле или по близорукости третьих лиц. Тем самым Сталин мог выступить в подобающем ему амплу высшего арбитра и безошибочно рассудить, кто прав, а кто виноват.

Нынешнего читателя, быть может, изрядно покоробит верноподданический тон Абакумова. Советую не торопиться с выводами — все познается в сравнении и, конечно же, в контексте своего времени, когда заживо обожествленный диктатор затмил в глазах народа Иисуса Христа, пророка Магомета, Иегову, Брахму, Вишну, Шиву и кого хотите. Так что Абакумов, по тогдашним меркам, не раболепствует перед Сталиным, а склоняется в глубоком, почтительном поклоне, в то время как кремлевские царедворцы середины XX столетия, фигурально выражаясь, падали ниц и истово

били челом, превознося мудрую прозорливость и ангельскую доброту гениального Вождя и Учителя.

Письмо Абакумова без задержки попало к адресату. Сталин прочитал его и оставил у себя, не соизволив дать каких-либо повелений, — он не любил поспешности. А спустя три недели в Прокуратуру СССР поступила записка следующего содержания:

«Тов. Мокичев. В 3 часа позвонил тов. Маленков и передал, что получено указание — завтра же послать товарищу Сталину протокол допроса Абакумова». Ниже стояли: дата — 19.08.1951, время — 3 ч. 10 мин. и подпись С. Игнатьева, нового министра госбезопасности.

И машина завертелась: следственный персонал день и ночь перелопачивал протоколы допросов арестованных и свидетелей, формируя дело по эпизодам, государственный советник юстиции 3 класса Л. Смирнов (в прошлом — помощник главного советского обвинителя на Нюрнбергском процессе, а в будущем — председатель Верховного суда Союза ССР при Брежневe) подготовил докладную записку на одиннадцати страницах, а Мокичев скрепил ее росчерком пера и, приложив три тома следственных материалов, 21 августа отправил по назначению. В тот же день копии докладной со всеми приложениями фельдсвязью доставили еще двум заинтересованным лицам — Берии и Маленкову.

С тех пор исчерпывающая информация о ходе следствия по делу Абакумова в трех экземплярах поступала навстречу не реже раза в месяц.

Заклученный № 15 наверняка предвидел такое развитие событий, но, естественно, всего знать не мог. Не знал он и о том, что распоряжениями

Совета Министров СССР от 25 июля 1951 года № 12537 и от 26 июля 1951 года № 12636 квартиры № 2 в доме 11 по Колпачному переулку и № 8 в доме 8 по Телеграфному переулку, а также дача МГБ в поселке Петрово-Дальнее передавались в резерв Совмина и что оба эти документа были подписаны Сталиным.

Что думал Абакумов, по ночам ворочаясь на жесткой койке в одиночке «Матросской тишины», — это нераскрытая тайна. Но к Сталину он больше не обращался.

МАСТЕРА «ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ»

Между тем следствие день ото дня набирало темп, вовлекая в свою орбиту множество новых лиц. Производились обыски, устанавливались связи и контакты Абакумова чуть ли не с довоенных времен, из архива извлекались бесчисленные донесения штатных и внештатных осведомителей, так называемых «источников», агентов и резидентов НКВД и НКГБ, допрашивались и передопрашивались сослуживцы, родственники, знакомые, знакомые знакомых и т. д.

А Мокичев продолжал единоборство с Абакумовым. Привожу краткие выдержки из допросов:

«В о п р о с: Почему рассмотрение дел и сроки следствия в МГБ недопустимо затягивались?»

О т в е т: Действительно, есть такие дела, групповые и одиночные, которые затягивались. Делалось это по специальному указанию ЦК ВКП(б) или же диктовалось оперативными соображениями. Приведу примеры... Имеется дело генерала Телегина и других — 8 человек. Дело это весьма важное и его впредь тоже следует держать и не

заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком...

В о п р о с: Вашими сотрудниками систематически нарушалось постановление ЦК ВКП(б), согласно которому необходимо оформлять каждый протокол допроса. С какой целью нарушалось постановление от 17 ноября 1938 года?

О т в е т: Пора ставить перед ЦК вопрос об его отмене, оно устарело.

В о п р о с: Ответьте, почему на допросах следователи МГБ делали лишь черновые заметки, а впоследствии составлялись «обобщенные» протоколы?

О т в е т: В Следственной части по особо важным делам есть хорошие следователи, но такие, которые не умеют писать. И есть, напротив, грамотные следователи, которые не умеют допрашивать. Отсюда и «обобщенные» протоколы.

В о п р о с: Кому поручалось составление «обобщенных» протоколов?

О т в е т: Леонову — как руководителю Следственной части по особо важным делам, Шварцману — как его заместителю и грамотному человеку.

В о п р о с: Шварцман был лицом, особо приближенным к вам? Почему вы приблизили его к себе?

О т в е т: Я бы сказал наоборот — отдаленным. Этот человек был приближенным к Меркулову¹ и пользовался очень большим его доверием. Он известен в ЦК с положительной стороны...»

Характеризуя деловые качества работников следственного аппарата министерства, Абакумов

¹ В. Меркулов (1895—1953) — народный комиссар госбезопасности СССР (1940—1946), министр Госконтроля СССР (1946—1953), расстрелян в декабре 1953 г. вместе с Берией.

говорил правду. Там действительно издавна культивировались два типа следователей: «забойщики» и «писари». Проследим это на колоритных фигурах полковников Комарова и Шварцмана.

Знакомство вновь начнется с тюремной анкеты:

«Фамилия, имя, отчество — Комаров Владимир Иванович; год рождения — 1916; место рождения — г. Ленинград; национальность — русский; партийность — член ВКП(б) с 1942 г.; социальное происхождение — из рабочих; образование — 7 классов; профессия — слесарь; занимаемая должность до ареста — заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР...

Словесный портрет:

Рост — очень высокий; фигура — полная; плечи — опущенные; шея — короткая; цвет волос — с проседью; цвет глаз — карие; лицо — овальное; лоб — высокий; брови — прямые, широкие; нос — большой, основание носа — приподнятое; рот — малый, углы рта — опущены; губы — толстые; подбородок — прямой; уши — малые, овальные, мочка уха — сросшаяся».

А вот что Комаров сообщил о себе на допросе в «Матросской тишине»:

«...после ФЗУ я работал помощником машиниста на московском заводе «Каучук», комсоргом ЦК ВЛКСМ в школе № 34 г. Москвы, а в 1938 году по решению пленума Фрунзенского РК ВЛКСМ перешел в органы НКВД — сперва помощником оперуполномоченного в Особом отделе Центра, а с 1939 года — следователем. В 1942 году Абакумов взял меня к себе секретарем. А когда он перешел в МГБ СССР, я отпросился у него на следственную работу, к чему имел призвание...

Читая составленные мною протоколы допро-

сов, Абакумов часто говорил мне: «Ты — дуб». Я, по его мнению, писать совсем не умел. Должен по-честному признаться, что его упреки были справедливы, так как написание показаний арестованных у нас было слабым местом из-за общей малограмотности...»

Не зря народная мудрость гласит: сила есть — ума не надо. Малограмотность и микроскопический кругозор не помешали Комарову утвердиться в качестве удачливого следователя, ибо он мастерски орудовал кулаками и не менее виртуозно — резиновой дубинкой. Именно это безотказно срабатывало в «психологических» поединках между ним и подследственными, упорно не желавшими признаваться в контрреволюционных преступлениях, которых они не совершали. Примеров тому — несть числа, приведу лишь некоторые:

«Комаров бил меня смертным боем, — рассказывал А. Афанасьев, в прошлом министр морского флота СССР, — а когда я терял сознание, меня, почти раздетого, помещали в холодный карцер и морили голодом».

Технологию «смертного боя» раскрыл потерпевший И. Штейнберг, до ареста работавший директором авиационного завода № 339: «Полковник Комаров ударил меня по лицу, выбив два зуба, а затем вместе со следователем Рассыпкинским потащил меня к креслу и избил резиновой дубинкой... «Ну что же, спина у тебя вся синяя, перейдем на пятки, — заявил Комаров. — Теперь ни стоять, ни сидеть не сможешь». Сказано это было спокойным тоном, без злобы...»

Более сдержанно отозвался о Комарове подполковник Рюмин, допрошенный в качестве свидетеля:

«В конце 1949 года за антисоветскую деятельность был арестован член Союза советских писателей Агатов. На первом же допросе Комаров стал избивать Агатова, сломал ему зубной протез, хотя надобности в этом совершенно не было...»

Обратите внимание на изящество формулировки — надобности, оказывается, не было...

Сам Комаров не отрицал рукоприкладство и объяснял это высокой требовательностью Абакумова, который учил: «Мотай арестованного! Не забывай, что работаешь в ЧК, а не в уголовном розыске!» И Комаров «мотал», при одном упоминании его фамилии заключенных бросало в дрожь.

Ничего сколько-нибудь похожего на комплекс неполноценности он не испытывал, напротив, как-то в разговоре со своим секретарем, студентом-заочником юридического института, Комаров с усмешкой обронил, что образование не гарантирует карьеры.

«Забойщик» Комаров работал в паре с «писарем» Львом Леонидовичем Шварцманом, 1907 года рождения, евреем, членом партии, тоже окончившим 7 классов, но, в отличие от Комарова, в молодости освоившим не слесарное дело, а журналистику. Поначалу юный Шварцман оттачивал бойкое перо в газете «Киевский пролетарий», в конце двадцатых годов ведал отделом внутренней информации «Московского комсомольца», с 1930 года служил ответственным секретарем газеты «Рабочая Москва» и по совместительству — секретным сотрудником НКВД, а в 1937 году посвятил себя защите социализма от внутренних врагов. Последних было хоть отбав-

ляй, работа спорилась, и, небезуспешно потрудившись в Секретно-политическом отделе НКВД, Шварцман к 1940 году дорос до заместителя начальника Следственной части по особо важным делам.

Арестованных он не допрашивал и зачастую в глаза их не видел, предпочитая то, что с легкой руки Карла Маркса мы называем специализацией и кооперированием. «Забойщик» Комаров в поте лица выбивал признания и шел к Шварцману, в чью задачу входило оформление протоколов. Здесь, разумеется, недоставало одной лишь грамотности, требовался еще и особого рода дар. Просто изложить признательные показания арестованного — не проблема, а чтобы твою работу должным образом оценили наверху, в ЦК ВКП(б), непременно нужно передать эмоциональный накал, продемонстрировать филигранное искусство и интеллектуальную мощь следователей МГБ. На Лубянке это называлось «французской борьбой» и делалось по шаблону: сперва арестованный все напрочь отрицал, заявляя, что ни в чем не виновен, а затем, прозрев под влиянием следователя и раскаявшись в содеянном, шел на полное и безоговорочное признание.

Невзирая на поточно-конвейерный характер «обобщенных» протоколов, стремительно вылетающих из-под пера Шварцмана, нареканий на их качество не поступало, и содружество Комарова со Шварцманом устраивало обоих. Еще бы, друг без друга они мало чего могли, а вместе представляли собой грозную силу, наподобие пикирующего бомбардировщика, способного внезапно извергать огонь на головы обреченных. Правомерность такого сравнения очевидна, ибо «пилот»

Комаров знал, как летать, а «штурман» Шварцман — куда держать курс и в какой момент нажимать на кнопку бомбосбрасывателя.

В «Матросской тишине» слаженный дуэт распался, потому что сценарий следствия отводил каждому из них сольную партию. Тогда они запели на разные голоса.

Шварцман без сопротивления сознавался в том, что было и чего не было. Он дал показания, что, будучи ярким еврейским националистом, созывал под знамена со звездой Давида множество единоплеменников из всех подразделений МГБ, а также лично организовал убийство Кирова в Смольном. Следователи слово в слово фиксировали эти показания, а когда они сообразили, что их дурачат, — Шварцман имитировал сумасшествие и отказался принимать пищу, сославшись на то, что внутренний голос нашептывает ему, будто «суп сварен из бабы Цили», а его гражданская жена «вступила в интимную связь с управдомом Филипповым» — прибегли к помощи психиатров.

Назначенная следствием судебно-психиатрическая экспертиза, признав Шварцмана вменяемым, отметила, что он крайне впечатлительный, мнительный, трусливый человек, склонный к депрессивным реакциям; угнетенное состояние впервые возникло у него в 1945 году, в связи со смертью жены, что не помешало ему три месяца спустя сойтись с ее родной сестрой.

Сослуживцев Шварцман не щадил. В частности, о Комарове он отзывался с пренебрежением, называл его морально разложившимся типом, во всем подражавшим своему кумиру Абакумову и «сумевшим за сравнительно небольшие годы

трижды жениться, не считая связей с другими женщинами».

На допросах Комаров держался достойнее Шварцмана и объяснял свои ошибки полнейшим доверием к Абакумову, в ком, на свою беду, вовремя не распознал матерого врага народа. А после допросов он усаживался за стол и регулярно писал письма совершенно одинакового содержания:

«Милый товарищ Сталин! К Вам, отцу родному, Советский народ несет свои радости и горе. Разрешите и мне в тяжелые для меня дни обратиться к Вам со своим несчастьем... Мне очень хочется, родной Иосиф Виссарионович, чтобы у Вас не было и тени сомнения во мне. Я очень прошу Вас вернуть меня к жизни, к работе, по которой я так стосковался. Я хочу быть в строю советских тружеников, чтобы иметь возможность вложить свой честный труд в общее дело. Мне еще только 35 лет и я еще могу сделать много полезного для своей Родины. Товарищ Сталин — предоставьте мне такую возможность. Безгранично преданный Вам — Комаров».

Читаешь этот крик души, дошедший до наших дней на пожелтевшем листке дешевой бумаги, ощущаешь всю глубину отчаяния Комарова, его ужас перед приближавшейся смертью, а в голове далекие от сочувствия мысли. Интересно, что подразумевал Комаров, из «Матросской тишины» умолявший «милого товарища Сталина» вернуть его к жизни, к работе, по которой он так стосковался? Какой «честный труд» он хотел вложить в «общее дело»? Неужели тот — вершившийся посредством резиновой дубинки?

ВСПОМИНАЕТ И. А. ЧЕРНОВ,

бывший полковник

Арест Абакумова был для меня точно гром среди ясного неба. За что, почему? — об этом нам, аппаратным работникам, ни слова не сказали. И спросить не у кого — обстановка не располагает. Меня сразу же отстранили от должности начальника Секретариата и временно зачислили в резерв. Положение, сами понимаете, поганое. Как-то раз прихожу за зарплатой в Управление кадров, а там говорят: «Езжай, Иван Александрович, в Казахстан, будешь начальником управления лагерей в Караганде». Надо было соглашаться, а я отказался — хотелось на Север, чтобы забронировать московскую квартиру. Жалко было ее терять: только-только обжил, она первая была в моей жизни, раньше ютился в коммуналке. Жду назначения, а меня вызывают на Пушкинскую, в Прокуратуру Союза, и арестовывают. Привезли в «Матросскую тишину» и в тот же вечер повели на допрос. Как услышал, что обвиняют во вражеской деятельности, так чуть не раздавил в ладони граненый стакан с водой. Это я — враг?!

Девять дней ничего не ел — нет, голодовку не объявлял, просто кусок в горло не лез. Сижу, как истукан, и в растерянности думаю — какой же я враг, что же такого совершил против рабоче-крестьянской власти? Происхождения я самого что ни на есть пролетарского, в органах с 1932 года, после школы НКВД был на оперативной работе. В 1936 году проводил операцию в Китае — нужно было через Монголию доставлять оружие для воинских частей Мао Цзэ-Дуна в Яньани. А потом японцы напали на Китай, Чан

Кай-Ши обратился к нам за помощью, Мао сблизился с Гоминданом, и наша работа утратила смысл. Тогда Берзин возбудил ходатайство перед Ежовым о моем переводе в Разведупр РККА — так я попал туда. Перед войной был помощником начальника Отдела специальных операций в Генштабе, по-прежнему занимался там Китаем, а в сентябре 1941 года подал рапорт о направлении в действующую армию.

Вызвали меня в Управление особых отделов к Абакумову. Тот поглядел на меня в упор и говорит: «Вы отстали от чекистской жизни, будете замначотделения, большего дать не можем». А я в звании старшего батальонного комиссара, три шпалы в петлице. Но раз идет война — разве можно отказаться?

С наступлением холодов перебрался я на Лубянку, там оставалась группа управленцев и небольшая часть оперативного состава — основные силы были эвакуированы в Куйбышев. Работали днем и ночью, спали когда придется, урывками, а мылись во Внутренней тюрьме, где был душ. Эх, кабы знать, что через десяток лет меня...

Не прошло и полгода, как меня сделали начальником отделения, а в апреле 1943 года, вскоре после создания ГУКР «Смерш», — назначили начальником Секретариата. Я отнекивался, объяснял, что мне нравится оперативная работа, но Абакумов был непреклонен: «Нравится, не нравится — это не разговор!» По правде говоря, не тянуло меня туда потому, что Бровермана, прежде ведавшего Секретариатом, оставили там на должности зама. Он расставлял людей, был у них в чести, а тут пришлось опуститься ниже. Человек, может, затаил обиду, как с ним работать? Но ничего, сработались, в основном, думаю, по той

причине, что не пересекались: он занимался своим делом — готовил информацию для Ставки Верховного Главнокомандующего, а я обеспечивал остальное.

С тех самых пор и пришлось мне вплотную сталкиваться с Абакумовым. Виктор Семенович хоть и был молодой, а пользовался большим авторитетом, в ГУКР «Смерш» его очень уважали. Основное внимание он уделял розыскной работе, знал ее хорошо, и велась она активно. Начальников управлений в центре и на фронтах жестко держал в руках, послаблений никому не давал. Резковат — это да, бывало по-всякому, а вот чванства за ним не замечалось. Наоборот, если случалось ему обидеть кого-то, он потом вызывал к себе в кабинет и отработывал назад. По себе знаю: начнет иногда ругать при посторонних, чтобы те почувствовали ответственность, а ночью выберет минутку и скажет — не обращай внимания, это нужно было в воспитательных целях.

Кончилась война, Абакумова назначили министром госбезопасности вместо Меркулова, а я остался в ГУКР «Смерш». Прошло месяцев семь, точно не помню, я тогда в отпуск собирался, путевку получил в Кисловодск, и вдруг — вызов к Абакумову. Являюсь, а он мне говорит: «Выходи на работу начальником Секретариата МГБ». Я стал по стойке смирно и — «Слушаюсь, товарищ генерал-полковник!» Приступил к работе, а там — опять Броверман варит свою «кухню», готовит докладные записки Сталину.

Работать приходилось много, документооборот в министерстве куда больше, чем в ГУКР «Смерш». Абакумов — он требовательный, не-

терпимо относился к любым проявлениям небрежности, безграмотности, а я каждый день докладывал ему почту: письма, правительственные поручения, шифровки, записки по «ВЧ». Обычно принимал он меня в конце рабочего дня, часов в 5 утра, а доклад длился минут сорок-пятьдесят. После этого шел я домой — отоспаться, а в десять ноль-ноль снова был на работе. Крутился до вечера, в интервале между девятнадцатью и двадцатью двумя удавалось подремать часок-другой, а ночью вновь готовился к докладу. И так все пять лет...

Да, отвлекся я, пора возвращаться в «Матросскую тишину». Так вот, заметили там, что я ничего не ем, вызвали тюремного врача, и та дала мне касторку. Стал понемногу есть, не помню что, но жалоб на пищу не было. Допрашивали меня вежливо, без хамства и мордобоя. Военные прокуроры — народ образованный, церемонный, с ними чувствуешь себя человеком. Да и вопросы ставили понятные: что я знаю про Абакумова, какие у него привычки, с кем он при мне разговаривал по телефону, о чем велись эти разговоры, присваивал ли он трофейное имущество и так далее. Что характерно — записывали они в протокол только то, что я говорил, и с готовностью исправляли текст, если я был с чем-то не согласен. Потом задавали вопросы круче: принимал ли я участие в корректировке протоколов допросов арестованных, в чем это заключалось, были ли случаи нецелевого использования денежных средств, предназначенных на оперативные нужды, что докладывал мне Броверман про свою «кухню», почему я не пересылал по адресу письма, написанные заклю-

ченными Внутренней и Лефортовской тюрем МГБ?

На допросах я не юлил, давал показания в меру того, что было мне известно. К Следственной части по особо важным делам я никакого отношения не имел, с арестованными не работал, «обобщенных» протоколов допросов не составлял и не корректировал, «кухни» Бровермана на касался — тот напрямую выходил на министра, а письма заключенных докладывались Абакумову и передавались тем должностным лицам, кого он мне называл. Таков был порядок, установленный в МГБ до моего прихода, и я его неукоснительно соблюдал.

И насчет оперативных сумм ничего не скрыл — рассказал все, что слышал от ребят из личной охраны Абакумова. Надо сказать, что Виктор Семенович на машине ездить не любил, предпочитал ходить пешком, а на улицах приказывал сопровождающим давать по сто рублей нищим, преимущественно старухам. Ему нравилось, когда старухи крестились, благодаря за подавание. Еще припомнил, что охрана привозила Абакумову шашлыки из «Арагви» — к хорошим шашлыкам он был неравнодушен. Об этом следователи, оказывается, уже знали — они допросили начальника охраны Кузнецова, телохранителя Агуреева и водителей, обслуживавших министра.

В феврале 1952 года меня перевели на Лубянку, а через несколько дней — в Лефортово, где на смену военным прокурорам пришли следователи МГБ. Там допрашивали каждую ночь, чтобы лишить сна и сломать психику, а когда это не действовало — надели наручники. Наручники применялись «строгие» — как шевельнешь руками, они

«заскакивают», еще плотнее сжимаются. Как-то раз привели меня к Рюмину. Раньше я его не знал, видел мельком, а разговаривать не приходилось. «Вы, Чернов, неглупый человек, — заявил он. — Должны понять, что ваша участь предрешена. Выкладывайте все, что знаете. Вам так и так некуда деться. Не будете давать показания — вынесут вас ногами вперед. Мелкие факты нам не нужны — говорите о том, как Абакумов готовился захватить власть?» А дальше пошли в ход угрозы, матерщина и зуботычины.

Что со мной вытворяли — и сейчас вспомнить тяжело, хотя столько воды утекло. Коняхин — тот самый, что прежде был замзавом адмотдела ЦК ВКП(б), а теперь занял место Комарова, — пристал как с ножом к горлу: «Говори, как Абакумов наметил распределить министерские портфели?» — «Да вы что, — отвечаю, — какие портфели?!» — «Ах так, — процедил Коняхин. — Отправим тебя в 65-й кабинет, там заговоришь!»

Тогда я не ведал, что находилось в 65-м кабинете. Стою, жду, руки за спиной, в наручниках, отеки неимоверно, а он смотрит на меня, как кот на мышь, глаза блестят, — и зовет конвой. Повели — сзади два надзирателя, офицер рядом, держит меня за локоть, а у него самого, чувствую, рука дрожит. Довели до двери с цифрой «65», втолкнули туда, а там — Миронов, начальник Внутренней тюрьмы, и с ним трое «исполнителей». «Будешь давать показания, сволочь?!» — крикнул Миронов и, не дожидаясь ответа, подал знак тем троим. Они взялись за резиновые палки и скопом принялись меня обрабатывать. Сколько длилось истязание, не помню, ум за разум зашел, а кончилось выпадением прямой кишки...

КОММЕНТАРИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЮСТИЦИИ А. Ф. КАТУСЕВА

Следует, по-моему, заострить внимание на двух моментах, имеющих существенное значение для непредвзятого подхода к делу Абакумова: на доказательной базе, которой располагало следствие при предъявлении обвинений, и на личности Рюмина, бывшего, без сомнения, ключевой фигурой во всей этой истории.

Начну по порядку. Если не считать доноса Рюмина, для ареста Абакумова серьезного повода не было. Так что, строго говоря, сам арест был противозаконным. Это, кстати, нашло подтверждение в показаниях самого Рюмина, данных им на допросе в апреле 1953 года: «Я признаю себя виновным в том, что... нарушал принцип объективного расследования дел. Так, после ареста Абакумова, Леонова, Шварцмана и других, всех их обвиняли в организованной вредительской, шпионской и националистической деятельности, хотя никакими данными для такого обвинения ни следствие, ни я, в частности, не располагали. Точно так же расследовалось и дело евреев-врачей...»

После ареста в квартире и на госдаче Абакумова производились обыски с целью обнаружения доказательств его преступных деяний. Они дали определенный результат в виде, во-первых, массы избыточного имущества и, во-вторых, некоторых служебных документов, либо снабженных грифом, либо по своему содержанию носивших секретный характер. Это и послужило формальным основанием для предъявления Абакумову обвинения не только в измене Родине, но и в совершении преступлений, предусмотренных статьей 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня

1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а также статьей 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 года «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну».

Что же конкретно стояло за этими обвинениями? У Абакумова нашли 1260 метров различных тканей, много столового серебра, 16 мужских и 7 женских наручных часов, в том числе 8 золотых, около 100 пар обуви, чемодан мужских подтяжек, 65 пар запонок и т. д. Логически рассуждая, обычные советские люди покупают те же подтяжки на свои «кровные» рубли штуками, а не чемоданами. Значит, это было присвоено — такой вывод вроде бы напрашивался сам собой. С точки зрения тех лет, когда лишняя пара ботинок считалась роскошью, за 100 пар, руководствуясь революционным правосознанием, можно было без проволочек ставить к стенке. Здесь нет преувеличения — известно, например, что после ареста первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попкова в 1949 году распространялись слухи, будто при обыске у него обнаружили полтора десятка костюмов. Всеобщая нищета выработала нормальную шкалу, согласно которой один-два костюма у одного гражданина служили признаком честности, три (темный, светлый и выходной) — пробуждали подозрения, а четыре и больше вызывали лютую ненависть, многотысячные рабочие коллективы забурлили, загудели и — чему удивляться? — решительно потребовали расстрелять Попкова, что и было сделано.

Вместе с тем были и веские контрдоводы: тот

же чемодан подтяжек Абакумов, возможно, получил в подарок, а часы, сапоги, запонки и прочее, в конце концов, мог купить на зарплату — ему, как, кстати, всем сталинским министрам, ежемесячно платили по двадцать пять тысяч, которые он расходовал без остатка. И внушительное количество тканей тоже имело свое объяснение: по свидетельству полковника юстиции А. Лискина, в то время в звании майора служившего в ГВП и принимавшего участие в обыске у Абакумова, это были, в основном, дешевые сорта вискозного шелка, использовавшегося для декоративного оформления стен его квартиры. А упомянутые Рюминым баснословные траты, по тогдашним понятиям, на ремонт и отделку квартиры в Колпачном переулке, к хищениям подавно не относились: на допросе Абакумов пояснил Мокичеву, что не усматривал в этом ничего зазорного — в квартирах и на госдачах министров все делается только за казенный счет.

Почему я анализирую подозрения на уровне умозрительных соображений, вместо того чтобы оперировать доказательствами — откуда похищено то или иное государственное имущество, когда, кем и при чьем содействии или попустительстве? Только потому, что происхождение вещей Абакумова не было надлежащим образом исследовано — сверху поступила команда не размениваться на мелочи, и начатый поиск тотчас свернули. Точно так же поступили и со вторым дополнительным обвинением: обнаруженные дома у Абакумова секретные документы были настолько деликатного свойства, что не допущенным к святым святым прокурорам запретили вникать в подробности. Впрочем, к этим документам мы обязательно вернемся.

Так что квинтэссенцией обвинения по-прежнему оставалась измена Родине, презумпированная в доносе Рюмина. Что же представлял собой сам Рюмин? Михаил Дмитриевич Рюмин родился в 1913 году, одолел восемь классов средней школы, а затем краткосрочные бухгалтерские курсы, однако указывал в анкетах, что имеет незаконченное высшее образование. Когда же впоследствии его попросили рассказать, какие экзамены он сдавал в институте, Рюмин не смог назвать ни одного предмета. Перед войной он был начальником плано-финансового отдела в дирекции по строительству канала Москва-Волга, а в годы войны служил в отделе контрразведки Архангельского военного округа, где отличился: зверски избив ремнем с металлической пряжкой фотокорреспондента газеты «Патриот Родины» Ермолина, заставил последнего дать ложные показания в том, что он был английским шпионом. Рвение Рюмина было замечено: в 1944 году его берут в ГУКР «Смерш» в качестве прикомандированного, а позднее зачисляют в штат старшим следователем. В мирное время Рюмина перевели в МГБ СССР, но с карьерой у него не ладилось — никак ему не удавалось подняться выше старшего следователя. Он спал и видел себя помощником начальника Следственной части по особо важным делам, часто жаловался сослуживцам, что его беспричинно затирают, и находил отдушину только на допросах, давя каблуками пальцы ног арестованных. В 1950 году, на пути с Лубянки в Лефортово, он забыл в служебном автобусе папку со следственным делом, за что получил выговор в приказе и подвергся партийной проработке. И тогда... Нет, чтобы не пересказывать все своими словами, лучше я процитирую признание

Рюмина, данное им весной 1953 года на допросе у генерал-лейтенанта Влодзимирского, в том же году расстрелянного по делу Берии:

«Вопрос: Рюмин, что вас заставило выступить в роли разоблачителя преступлений Абакумова?

Ответ: На первый взгляд, мой поступок может показаться нелогичным, но... я все тщательно обдумал и взвесил. Дело в том, что к лету 1951 года я очутился в довольно неприятном, шатком положении. Помимо объявленного мне по партийной линии взыскания за допущенную мною халатность, в конце мая месяца Управление кадров МГБ заинтересовалось неправильными сведениями, которые я давал о своих близких родственниках. От меня потребовали объяснения — почему я скрываю компрометирующие данные о них? 31 мая я написал рапорт, однако и в нем скрыл, что мой отец торговал скотом, что мой брат и сестра осуждены за уголовные преступления, а мой тесть Паркачев в годы Гражданской войны служил интендантским офицером в армии Колчака.

Обдумывая сложившееся положение, я пришел к выводу, что мне удобно... выступить в роли разоблачителя Абакумова. Так я и поступил, обвинив Абакумова не в известных мне фактах фальсификации следствия, а в смазывании дел и, прежде всего, в злонамеренном сокрытии показаний по террору...»

На допросе Рюмин, по всей видимости, признался Влодзимирскому не во всем. Вряд ли, сочиняя донос на Абакумова, Рюмин обошелся без подсказки кого-то более сильного и коварного. Факт остается фактом, бредивший террором Сталин поверил Рюмину и щедро вознаградил его,

сразу же присвоив звание полковника и через три служебных ступеньки назначив исполняющим обязанности начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Рюмин мгновенно развернулся, и, очертив канву разветвленного заговора, так потрафил Сталину, что тот вновь возвысил его, сделав заместителем министра госбезопасности. Но торжество Рюмина было недолгим — всего девять месяцев.

Часть II

В ЛЕФОРТОВСКОЙ ТЮРЬМЕ

НИТИ ЗАГОВОРА

Рюмин, отдадим ему должное, обладал крылатой фантазией, отчего придуманный им заговор еврейских буржуазных националистов производил поистине жуткое впечатление. Одни евреи, преимущественно деятели культуры и науки, установили прочные связи с Америкой и, таким образом, обеспечили эффективную поддержку извне, другие — палачи в белых медицинских халатах! — нацелились на беспощадный террор и физическое уничтожение членов Политбюро ЦК ВКП(б), а общее руководство заговором и непосредственный захват власти, по легенде Рюмина, отводились Абакумову. Все было аккуратно начерчено в виде красочной схемы с кружочками для фамилий или кличек и стрелками, выявлявшими тип контактов и характер взаимодействия; Абакумов, как и подобает главарю, находился в центре паутины в окружении боевиков из МГБ, и Рюмину оставалось лишь нарастить на костях своей выдумки мясо документальных доказательств.

Рюмину, естественно, очень хотелось, чтобы следствие по делу Абакумова и его сообщников забрали у Прокуратуры Союза и передали ему в руки, для чего он предпринял осторожные шаги в этом направлении. Участвуя в допросах, проводимых ответственными сотрудниками Прокура-

туры СССР, он заметил, что бывший заместитель начальника Следственной части по особо важным делам Лихачев больше других деморализован арестом, и сумел воздействовать на него — Лихачев покорно подтвердил, что перед смертью профессор Этингер действительно признался в злодейском умерщвлении А. С. Щербакова. Это была грандиозная удача Рюмина, открывшая перед ним необозримые перспективы — ведь мертвый Этингер был всего лишь консультантом, в то время как лечил Щербакова профессор В. Н. Виноградов, давно уже выполнявший обязанности личного врача Сталина. А поскольку Этингер не мог уморить Щербакова без согласия Виноградова, это была их совместная акция!

Одновременно Рюмин написал докладную записку о враждебных намерениях С. А. Лозовского, бывшего начальника Совинформбюро, И. С. Фефера, бывшего ответственного секретаря Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), Л. С. Штерн, действительного члена Академии медицинских наук СССР, Б. А. Шимелиовича, бывшего главного врача Московской горбольницы им. Боткина, и их подручных (всего — 14 человек). В частности, там говорилось:

«Следствием установлено, что бывшие руководители ЕАК Михозлс и Фефер в 1943 году во время своего пребывания в Америке получили от еврейских реакционеров вражеское задание — добиться заселения Крыма евреями, создав там самостоятельную республику, которую американцы рассчитывали в нужный момент использовать как плацдарм против СССР».

В конце 1951 года на докладе у Сталина, куда он пришел вместе с шефом, заместителем министра госбезопасности генерал-полковником Гоглид-

зе, Рюмин высказал мотивированное сомнение, что вряд ли слишком вежливые прокуроры в состоянии размотать дело Абакумова. Вождь помолчал и разделил мнение Рюмина. «Они — чекисты, — вслух размышлял Сталин, подразумевая Абакумова и его людей. — От них уговорами ничего не добьешься, их надо...» — и он несколько раз стукнул ребром ладони по столешнице.

Именно тогда настал звездный час полковника Рюмина — он стал заместителем министра, курировавшим следствие в МГБ. А 22 февраля 1952 года росчерком коричневого карандаша он утвердил постановление, согласно которому расследование уголовного дела Абакумова отныне возлагалось на органы госбезопасности. Арестованных спешно увезли из «Матросской тишины» в Лефортово, чтобы любым способом выбить из них признательные показания.

Дело жены Абакумова, вместе с грудным ребенком ранее перемещенной из Сретенской тюрьмы в Бутырскую, тоже передали для дальнейшего ведения следствия в МГБ СССР. Подчиненные Рюмина ознакомились с содержимым тоненькой папки и официально запросили Прокуратуру Союза — почему в течение семи с лишним месяцев указанной гражданке не предъявлялось обвинение? В ответ последовало разъяснение за подписью Генерального прокурора Сафонова: «Лицам, имевшим связь с особо опасными государственными преступниками и арестованными по ст. 7—35 УК РСФСР как социально-опасный элемент, предъявлять обвинение не требуется».

Более выразительного доказательства «правовой защищенности» советских людей в годы сталинизма нарочно не придумаешь.

ЗАСТЕНОК

Став заместителем министра, курировавшим следствие в МГБ, Рюмин без промедления приступил к арестам. С согласия Сталина были взяты под стражу два заместителя министра госбезопасности — Селивановский и Питовранов, начальники Управления и их заместители — Шубняков, Утехин, Райхман, Белкин, Королев, Палкин и другие, а также несколько крупных кремлевских врачей.

Пока в Лефортово «доводили до кондиции» Абакумова, его старых подельцев и пополнение из новой волны арестованных чекистов, Рюмин насел на врачей и добыл искомые доказательства заговора — профессор В. Н. Виноградов, которому было под семьдесят, под угрозой избиения признался, что «вместе с профессором Я. Г. Этингером и по инициативе последнего умертвил товарища А. С. Щербакова», а бывший начальник Лечебно-санитарного управления Кремля профессор П. И. Егоров и врач-терапевт Г. И. Майоров, не выдержав пыток, показали, что по заданию английской разведки «неправильно диагностировали заболевание товарища А. А. Жданова, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому заболеванию режим, и в итоге умертвили его».

Тем временем еще одна группа следователей заново проделала экскурс в прошлое Абакумова, вплоть до начала тридцатых годов, полностью выявила всех знавших его женщин, включая даже тех, с кем он когда-то случайно перебросился парой слов (в их числе, например, оказались три студентки, с которыми Абакумов познакомился летом 1945 года у будки телефона-автомата на

улице Горького и которых с тех пор ни разу не видел), отобрала среди них евреек и с пристрастием допросила — Рюмин нуждался в аргументах, подтверждавших особое и притом разностороннее благоволение главного заговорщика к «некоренной» национальности. Физиологические контакты с одной еврейкой ничего не доказывали, а если их насчитывалось семь или восемь, то здесь четко прослеживалась система!

Как только Абакумов очутился в Лефортовской тюрьме, его сразу заковали в кандалы. «Слушай, Миронов, этого у нас раньше не было?» — спросил Абакумов у стоящего рядом начальника Внутренней тюрьмы. «Зато теперь есть», — ответил Миронов.

О кандалах я впервые услышал от Ивана Александровича Чернова и, признаюсь, усомнился в его словах, но вскоре мне попался документ, удостоверявший данный факт.

«Став замминистра, Рюмин... дал указание допрашивать меня без сна, — год спустя показал на допросе Комаров. — Меня держали в наручниках круглые сутки, заведя руки за спину, и говорили, что если я не дам требуемые показания, то мне, как и Абакумову, скуют и ноги...»

Не секрет, что показания арестованных о насилии над ними вызывает у некоторых из нас скептическую реакцию — мало ли что может сказать человек, до предела озлобленный арестом, длительным пребыванием в камере следственного изолятора и коломытными допросами? Что же, с этим нельзя не считаться и, чтобы развеять возможные сомнения, сошлюсь на свидетельства не жертв, а их мучителей.

«Бывший министр госбезопасности тов. Игнатьев сообщил нам на совещании, что ход след-

ствия по делам, находившимся в нашем производстве, оценивается правительством как явно неудовлетворительный, и сказал, что нужно «снять белые перчатки» и «с соблюдением осторожности» прибегнуть к избияниям арестованных, — указал в рапорте от 24 марта 1953 года полковник Федотов из Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. — Говоря это, тов. Игнатъев дал понять, что по этому поводу имеются указания свыше. Вскоре во Внутренней тюрьме было оборудовано отдельное помещение для избияния, а для осуществления пыток выделили группу работников тюрьмы...»

А вот не менее компетентное свидетельство бывшего начальника Внутренней тюрьмы МГБ подполковника Миронова (протокол допроса от 4 декабря 1953 года):

«...меня вызвал заместитель министра полковник Рюмин и предложил подобрать двух надежных и физически сильных сотрудников... для выполнения важных оперативных заданий. На другой день я вместе с отобранными сотрудниками Кунишниковым и Беловым зашел к Рюмину, который разъяснил, что важное оперативное задание состоит в том, что мы по указанию его, Рюмина, будем применять меры физического воздействия к арестованным. За это он пообещал в будущем предоставлять нам путевки в дом отдыха, денежное пособие и присвоить внеочередные воинские звания. В нашем присутствии Рюмин вызвал одного из сотрудников Следчасти по особо важным делам и предложил собрать и передать нам резиновые палки, что и было выполнено... В Лефортовской тюрьме мы разместились в кабинете № 29 и по указанию Рюмина подвергли избиянию арестованных Абакумова, Бровермана, Шварцмана, Белкина и других...»

Миронову почти слово в слово вторит его коллега подполковник Дуринов, бывший начальник Лефортовской тюрьмы (протокол допроса от 13 января 1954 года):

«...в кабинете № 65 Лефортовской тюрьмы к некоторым арестованным применялись меры физического воздействия. Причем применением таких мер к арестованному генерал-лейтенанту госбезопасности Белкину руководил лично Рюмин. Сам Рюмин ударов не наносил, но говорил Миронову, Белову, Кунишникову и мне, что бить надо посильнее...»

Попытаемся вникнуть в психологию исполнителей. Они получили команду бить и знали, что бьют изменников родины, предателей, врагов народа и товарища Сталина, а это означало, что о пощаде не могло быть и речи. Но одно дело враг, так сказать, неизвестный, доселе тебе не ведомый, и совсем другое, когда ты знал его в лицо, вытягивался перед ним в струнку, жадно внимал каждому его слову, громогласно звучащему с трибуны, в то время как ты сам сидел в последних рядах конференц-зала. Вот отсюда возникал личный момент, нечто вроде счета, предьявляемого бывшему хозяину Лубянки советскими чекистами. «Ах ты, гад! — с остервенением исторгал вопль оскорбленный рядовой исполнитель. — Я тебя, мать-перемать, боготворил, а ты предал Страну Советов, лучезарную, как май, надругался над святым чувством уважения младшего к старшему?! Ну держись, подлюга! Ты у меня заговоришь!» Однако избитый в кровь, изувеченный Абакумов ни в чем не признается. Что же — отступить от него и тем самым показать профнепригодность? «Не-ет, шалишь! — хрипит исполнитель. — Не на такого напал!» На-

прочь забыты путевки в дом отдыха, денежное пособие и моральные стимулы, теперь на передний план выходит принцип «кто — кого», настает черед нашей прославленной изобретательности, чем мы уже не раз срамили самонадеянных иноземцев. Но об этом — позже.

ЦЕПЬ УЛИК

Пристально вглядываясь из сегодняшнего далека в лефортовский мрак начала пятидесятых годов, мы понимаем, как нужны были Рюмину признания арестованных, служившие, по теории Вышинского, «царицей доказательств». Мало того, признания каждого должны были сомкнуться в единую, неразрывную цепь улик, изобличавших роль как отдельных заговорщиков, так и Абакумова, державшего в руках все нити заговора.

От Абакумова добывались выдачи связей с иностранными спецслужбами. На ежедневных допросах его обвиняли в том, что он был «прислужником вражеских разведок», предлагали не увиливать, а говорить, что заставляло его «так старательно служить англичанам и американцам», и однажды заявили: «Установлено, что вредительски-подрывную работу вы проводили и в военной контрразведке. Абакумов, прекратите лгать и раскрывайте ваши подлинные вражеские замыслы!» У изнуренного пытками Абакумова хватило сил усмехнуться и спросить: «Что же я, по вашему, и на немцев работал?»

Серьезность обвинений требовала их максимальной конкретизации, и тогда люди Рюмина обратили взоры на так называемое «ленинградское дело», задавшись, как им казалось, вполне логичным вопросом: почему Абакумов не выявил

шпионскую деятельность осужденных к высшей мере наказания врагов народа Кузнецова, бывшего секретарем ЦК ВКП(б) и членом Оргбюро ЦК, Вознесенского, занимавшего посты заместителя Председателя Совета Министров СССР и председателя Госплана СССР, и других? Причина странной пассивности Абакумова в «ленинградском деле» обнаружилась при анализе агентурных данных — оказывается, Абакумов дружил с Кузнецовым, они общались в неслужебной обстановке, устраивали семейные вечеринки и т. п. Это, в свою очередь, навело Рюмина на блестящую мысль: теперь ясно, почему Абакумов поручил вести дело Кузнецова своему приближенному Комарову — ведь благодаря ловкому приему ему удалось скрыть от партии преступную связь с Кузнецовым.

Допрошенный по этому поводу Комаров показал:

«Когда я доложил Абакумову план расследования дела Кузнецова и заговорил про шпионаж, тот, расхаживая по кабинету, принялся рассуждать вслух: «Собственно, какой у этих арестованных шпионаж? Они давно на виду, постоянно находились под охраной МГБ, каждый их шаг был известен... Начни мы ставить вопросы об их связи с границей, в ЦК будут смеяться...»

Абакумов часто говорил мне: «Мы солдаты, что прикажут, то и должны делать». Оттого я и не стал допрашивать Кузнецова про шпионаж — кто же осмелится пойти наперекор министру?»

Примерно в это же время Рюмин взял в архиве пятилетней давности дело по обвинению наркома авиационной промышленности Шахурина, главного маршала авиации Новикова, генерал-полковника Шиманова и других во вредительской

деятельности, выразившейся в том, что они не заботились о качестве моторов и тем самым нанесли огромный ущерб боеспособности нашей авиации. А поскольку в Государственном Комитете Обороны авиационную промышленность опекал Маленков, в 1943 году удостоенный звания Героя Социалистического Труда за заслуги «в области усиления производства самолетов и моторов», Рюмин сделал вывод, что Абакумов еще в 1946 году с вражеской целью замыслил обогатить высокоуважаемого Георгия Максимилиановича и ради этого поручил Лихачеву вместе с Броверманом фальсифицировать показания арестованных «авиаторов».

Абакумов решительно отрицал все эти обвинения и не подписывал протоколы допросов в тех случаях, когда в них содержались вопросы явно провокационного характера.

Тем не менее 3 ноября 1952 года Рюмин утвердил постановление о предъявлении дополнительного обвинения:

«Принимая во внимание, что следствием по делу Абакумова собраны доказательства, изобличающие его в том, что он:

а) вынашивал изменнические замыслы и, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу из еврейских националистов, с помощью которых обманывал и игнорировал ЦК КПСС¹, собирал материалы, порочащие отдельных руководителей Советского правительства, а также отгораживал чекистский аппарат от руководящих партийных органов;

б) опираясь на своих сообщников, проводил

¹ Так в тексте: документ выпущен вскоре после XIX съезда партии, на котором было принято решение об изменении ее названия.

вредительскую подрывную работу в области контрразведывательной деятельности...

— дополнительно предъявить Абакумову Виктору Семеновичу обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58—7, 17—58—8 и 58—11 УК РСФСР...»

Таким образом, Абакумову отныне вменялось в вину вредительство, соучастие в терроре и создание контрреволюционной организации.

ВСПОМИНАЕТ И. А. ЧЕРНОВ,

бывший полковник

Режим в Лефортовской тюрьме — хуже некуда: лишили прогулок, ларька, книг, кормили впроголодь, все время хотелось есть. И сильно донимал холод — зима на дворе, а в моей камере отключили отопление, стены покрывались инеем. А то, что не давали спать, с этим я как-то справлялся, сказалась давняя привычка отдыхать урывками, где придется и в любой позе. Втяну голову в плечи, укутаюсь в пиджак поплотнее и дремлю, а как услышу, что надзиратель подкрадывается к двери, чтобы заглянуть в глазок, — начинаю моргать. Сон у меня чуткий, да и слух в норме, а неслышно подойти к камере в Лефортово сложно, там галереи и лестницы из металла. Не дай бог, заметят, что ты спишь, — мигом загонят в карцер за нарушение режима. Чего от них ждать: все надзиратели — службисты, в особенности женщины.

Следователь Соколов поражался: «Как же это ты, Чернов, не сломался? Все ломаются, а ты держись. Похоже, днем незаметно кемаришь? Придется выставить у твоей камеры специальный пост, чтобы надзиратель не спускал с тебя глаз».

Но не выставил — либо позабыл об угрозе, либо меня пожалел. Их ведь до конца не поймешь: то матерятся и, ощерившись, лезут с кулаками, то покурить дают. Зажгут сигарету и сунут мне в зубы — в наручниках я беспомощный как младенец, почесаться и то не в состоянии.

Крепко наседали они, требуя разоблачить заговор Абакумова, а потом круто сменили тактику — решили сперва меня замарать с головы до ног, чтобы не на что было надеяться. Признавайся, говорят, что составлял фальсифицированные письма «авиаторов» к Вождю народа! Я — ни в какую, не было этого и все, хоть режьте на куски. Тогда они устроили очную ставку с Броверманом, который пробубнил, будто это моя работа. «Что ты плетешь?! — в сердцах крикнул я Броверману. — Счеты со мной сводишь за старое? Разве я виноват, что тебя понизили?» Броверман молчит, глаза отводит, а меня трясет. «Давно тебя бьют?» — спрашиваю у него. «Третий месяц», — выдавил он из себя. «Вы чего творите? — обращаюсь я к следователям. — Дубинками заставляете нас оговаривать друг дружку?!» А им — хоть бы что, составили протокол и моих слов туда не вписали.

Весь следующий день глаз не сомкнул — думал и думал. Раз в Следственной части по особо важным делам что-то не так расследовали, то им отвечать, Огольцову как первому замминистра, который их курировал, и, конечно, Абакумову — тот за всех в ответе, а я-то им зачем? По моей службе нарушений не выявлено, кроме разве что писем, написанных арестованными и не пересылавшихся по адресу... А Броверман — что Броверман? Он — сам за себя, я в его дела не вникал!.. В общем, думал, думал и ничего не надумал.

Откуда мне было знать, что Рюмину недоставало для заговора евреев в генеральских и полковничьих погонах, а на безрыбье и рак рыба: я-то русский, зато жена у меня еврейка!

После очной ставки недели две не допрашивали. Почему — ума не приложу. Говорю тогда Захарову, замначальника Лефортовской тюрьмы: «Если завтра не вызовут на допрос, разбежусь и проломлю голову об отопительную батарею!» Вызвали — и дают подписать протокол, где я признаюсь, что редактировал те письма «авиаторов». А как увидели, что я не подпишу, — взялись за дубинки.

Сколько-то дней я держался, а потом... Был у них отработан садистский прием — перевернут тебя на спину, снимут брюки, раздвинут ноги и давай хлестать сыромятной плетью. Боль невыразимая, особенно если бьют с оттяжкой. После такой пытки я графин воды выпивал, жажда была — все внутри полыхало. Тут подпишешь даже то, что придушил собственную маму годика за три до своего же рождения...

ПИСЬМА МЕРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

Аккуратно достаю их из черного пакета — маленькие серые конвертики с надписями: «Только лично. Товарищу Берия Л. П. от А.» И — примечательная деталь — на обратной стороне вдоль линии склейки фиолетовыми чернилами проведены волнистые черточки: если конверт был бы вскрыт до вручения адресату, то криминалистическая экспертиза могла установить этот факт. А что с Лаврентием Павловичем шутки плохи — об этом в МГБ знали все. Письма, однако, предназначались не только Берии.

«Товарищам Берия и Маленкову.

Дорогие Л. П. и Г. М.! Два месяца находясь в Лефортовской тюрьме, я все время настоятельно просил следователей и нач. тюрьмы дать мне бумагу написать письма Вам и тов. Игнатьеву...

Со мной проделали что-то невероятное. Первые восемь дней держали в почти темной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовывали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратительно. На всех допросах стоит сплошной мат, издевательство, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол... Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), я провел восемь суток. Установка включилась, холод все время усиливался. Я много раз... впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал — был обманут... Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг. 23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть, впрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой. Я все время спрашивал, кто разрешил проделать со мной такую штуку. Мне ответили: «Руководство МГБ». Путем расспросов я узнал, что это Рюмин, который делает что и как хочет...

Прошу Вас, Л. П. и Г. М.:

1) Закончить все и вернуть меня к работе... мне нужно лечение.

2) Если какое-то время будет продолжаться эта история, то заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей. Может быть, надо вернуть в Матросскую тюрьму и дать допрашивать прокурорам...

Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой, я Вам вечно буду за это благодарен. Она человек очень честный и хороший.

Уважающий Вас — В. Абакумов.
18 апреля 1952 г.»

Уж в чем, в чем, а в стойкости и в мужестве Абакумову не откажешь. Такие люди не плачут в чью-то жилетку. И если он, прошедший через лефортовский конвейер и не признавший себя заговорщиком, с мистическим ужасом пишет о холодильной камере, то здесь нет преувеличения.

Нашлась и медицинская справка, датированная 24 марта 1952 года:

«Заклученный № 15 еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение... Бледен, губы и слизистые с цианотичным оттенком. При пальпации спины болезненность мышц в области межреберных промежутков... Стопы гипермированы, пастозны... По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру.

Начальник санчасти Лефортовской тюрьмы МГБ СССР — подполковник медицинской службы — Яншин».

Сохранились и другие документы того периода с «гуманными» врачебными предписаниями: «Допрашивать только лежа в течение 2-х часов». Полагаю, что комментарии излишни.

А вот еще выдержки из писем, направленных «дорогим Л. П. и Г. М.» осенью того же 1952 года: «...прошло уже более года, а меня по-прежнему непрерывно допрашивают... Все это время мне ставили большое количество вопросов — странных, нелепых и просто провокационных. Например, вопрос о суде над «ленинградцами»: «Почему я добился расстрела Вознесенского, Кузнецова и других?» Вы же хорошо знаете, как все было. Следователь Рюмин должен знать, что такие вопросы решает ЦК, но почему-то спрашивает об этом у меня... Теперь новая линия. Продолжают меня мучить, называя «узурпатором». Приводят умопомрачительные показания различных лиц. Многие сидели в холодильнике и лгут кто как может. Об этом страшилище-холодильнике я писал Вам прошлый раз...»

«Сколько вранья, клеветы и грязи написано на бумаге. Они, очевидно, должны взять отказные протоколы от людей, которые врал и клеветали. Иначе как можно оставить бумаги с такими записями...

Может быть, было бы лучше закончить всю эту историю до отъезда тов. Сталина в отпуск? Говорю это потому, что иногда в период отпуска некоторые вопросы решались острее. Поймите мое положение и поэтому извините меня за такой совет.

Еще раз прошу вас о жене и ребенке. Верните их домой. У жены здоровье плохое, а ребенку нужен воздух. Иначе можно погубить и ее, и моего дорогого единственного сына. Прошу Вас, помогите мне в этом...

Л. П., записку, которую я написал Вам, оставьте у себя.

Всегда Ваш — В. Абакумов».

Два последних письма Абакумова приведены мною далеко не полностью, потому что в них множество смысловых повторов. В частности, о «ленинградском деле» и подозрительном к нему интересе со стороны Рюмина. У писем есть еще одна особенность: все они снабжены постскриптумами, в которых Абакумов заверяет Берия в неизменной преданности, клянется, что «всем сердцем любит тов. Сталина и тов. Берия», называет его «самым близким человеком», намекает, что «крепко пригодится в будущем», и т. п. Что это — искренние признания или вынужденная ложь? Мыслимо ли «всем сердцем любить» тех, кто обрек тебя на нечеловеческие муки?

Абакумов продолжает бороться за жизнь. Зная нравы людей, правивших страной и ни в чем не доверявших друг другу, он, по-видимому, исходит из верной посылки: «дорогие Л. П. и Г. М.» либо вместе, либо порознь непременно доведут до сведения Сталина, что он, Виктор Абакумов, с честью выстоял под пытками и, значит, чист перед партией. Молчать им невыгодно, опасно — каждый из них боится, что другой опередит его, а Вождь народа, чьи мысли непредсказуемы, истолкует молчание как симптом измены. Раз уж первое обращение из «Матросской тишины» не повлияло на ход событий, лучше самому не лезть к Сталину, а использовать посредничество Берии и Маленкова. У них завяжется разговор со Сталиным, и тогда, может быть, в его судьбе наметится какой-то поворот. Во всяком случае, хуже не будет, хуже уже некуда.

Абакумов, по всей вероятности, понимал, что Берия и Маленков не помогут, но выбора у не-

го не было: в застенке невозможно продержаться без какой-либо надежды, там даже один шанс из ста был мощнейшим стимулом для того, чтобы до последнего вздоха противостоять Рюмину.

Как отнеслись Берия и Маленков к просьбам Абакумова? О их чувствах судить не берусь, нет данных, но по существу ничего не изменилось — жена и сын Абакумова по-прежнему находились в Бутырской тюрьме, а его самого допрашивали теми же методами. Быть может, «дорогие Л. П. и Г. М.» этих писем не получали? Нет, отчего же — на каждом из них есть росчерки синего карандаша Берии и его резолюции: «Ознакомить тов. Маленкова Г. М., после чего возвратить в МГБ — тов. Игнатьеву С. Д.» — а ниже пометка, что Маленков ознакомлен, и росписи двух лиц — Игнатьева и Рюмина.

А теперь буквально два слова об изобретательности палачей. Сыромятная плеть — это техника вчерашнего дня, применявшаяся в Разбойных приказах времен Рюриковичей и первых представителей династии Романовых. И битие с оттяжкой — дело давно известное на Руси. А вот холодильная камера с компрессорной установкой — здесь, несомненно, чувствуется новаторство. Веет духом «коллективного творчества масс». Прежде из материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками мы знали про эксперименты с переохлаждением людей в концлагере Дахау, а нынче, располагая документацией о лэфортовских «изысках», вправе задать тот же вопрос, что и по отношению к закону Ломоносова — Лавуазье: интересно, за кем приоритет?

КОММЕНТАРИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЮСТИЦИИ А. Ф. КАТУСЕВА

В сопоставлении с протоколами допросов письма Абакумова позволяют точнее выявить особенности его натуры. На допросе у Мокичева по эпизодам дела Этингера он уверенно заявлял, что между Внутренней и Лефортовской тюрьмами нет разницы и что все камеры там одинаковы, не существует ни теплых, ни холодных. Чем это объяснить: неведением или изворотливостью в надежде уйти от наказания? Лефортовская тюрьма строилась задолго до Абакумова, не он сделал ее такой и не ему за это отвечать. Если Абакумов без уверток признавал, что арестованных избивали, то, с точки зрения уголовного преследования, это признание более серьезно, чем подтверждение нечеловеческих условий содержания под стражей того режима, который практиковали до его назначения министром государственной безопасности. И описание «каменного мешка» с холодильным устройством, приведенное в одном из его писем, свидетельствует о том, что это явилось новостью для Абакумова. Можно, конечно, предположить, что, ссылаясь на неведение, Абакумов пытался оправдаться перед Берией и Маленковым, но, на мой взгляд, это соображение не выглядит убедительным. Берия и Маленков прекрасно знали, что творилось за стенами Лефортовской тюрьмы, человеколюбием не отличались и ставить жестокость в упрек Абакумову не собирались. Таким образом, есть основания полагать, что Абакумов, в основном, говорил и писал правду.

В самом факте обращения Абакумова к Берии и Маленкову под соображениями, лежащими на

поверхности, скрыта любопытная деталь. Поверив доносу Рюмина, Сталин до ареста Абакумова создал комиссию для проверки работы МГБ в следующем составе: Маленков, Берия, Шкирятов и Игнатьев. Последние двое, по всей видимости, довольствовались правом совещательного голоса, в то время как Маленков и Берия, по существу, предрешили судьбу Абакумова. Так что он мог считать: кто его губил, тот и вернет к жизни. Но этим мотивация поступков Абакумова не исчерпывается — при аресте у него изъяли документы, объявленные совершенно секретными исключительно потому, что в них содержался компромат именно на Берию и Маленкова.

В материалах уголовного дела этих документов нет, их либо уничтожили, либо сразу же куда-то забрали из боязни разглашения даже в самом узком кругу, но суть, заключенная в них, известна из записки Абакумова, адресованной Берии. В ней Абакумов объяснял, что, к несчастью, не успел передать Лаврентию Павловичу милицейские протоколы, связанные со скандалами из-за его сексуальной агрессивности, а также «копии старых заявлений (1946 г.) в отношении тов. М. по линии брака самолетов». «Как Вы знаете, Л. П., — писал Абакумов, — вопрос в отношении тов. М. обстоял тогда крайне туго и, несмотря на сильный нажим, я показал себя как честный человек».

Годами хранить компромат — все равно что держать камень за пазухой, человека это не украшает. Однако в реальной обстановке тех лет, когда никто никому не доверял и ежедневно ждал подвоха или удара в спину, этот факт важен не сам по себе как таковой, в большей мере существенно то, что стояло за ним, что составляло его

скрытый смысл. Иначе говоря, компромат мог быть оружием для нападения, а мог быть, прежде всего, средством защиты: все зависело от того, как он использовался. Из материалов дела не усматриваются случаи, когда бы Абакумов кого-то подселел или оклеветал. Он отличался особой осторожностью и инициативно конфликтовать с противниками не пытался, хотя возможности у него по тем временам были немалые. И если ему приходилось «ходить в атаку», делалось это, как правило, по приказу Сталина.

Выдержки из протоколов допросов и иных документов едва ли нуждаются в комментариях, они говорят сами за себя. Но одно обстоятельство объективно требует разъяснения: любое упоминание ЦК ВКП(б) или Советского правительства не следует понимать буквально, в тексте за ним неизменна фамилия Сталина, которую категорически запрещалось заносить в протокол. Для него в МГБ было еще и такое наименование. — Инстанция. Точно так же там не встретишь и других громких фамилий: Маленков, например, повсюду именуется «отдельным руководителем Советского правительства».

Оценивая работу следствия по делу Абакумова, нахожу, что она, эта, с позволения сказать, работа, напоминает средневековье в пору святой инквизиции. Год назад Рюмин в порядке «партийного долга» разоблачил Абакумова, по чьей вине не составлялись протоколы каждого из допросов, а сам он что делает? Вот типичный образец его почерка:

«Протокол допроса обвиняемого Абакумова В. С.

28 февраля 1952 г. Допрос начат в 14 час.

Вопрос: Голословно отрицая совершенные вами преступления, вы еще раз показываете свое враждебное отношение к ВКП(б) и Советскому государству. Когда вы намерены разоружиться и рассказать правду о вашей преступной деятельности?

Ответ: На предыдущих допросах я уже показал, что преступлений против ВКП(б) и Советского государства не совершал. К этим своим показаниям на сегодняшнем допросе ничего добавить не могу.

Допрос окончен в 4 ч. 45 мин. 29 февраля 1952 г.

с перерывом с 16 ч. 30 мин. до 23 ч. 30 мин.

Допросили: ст. следователи Следчасти по особо важным делам МГБ СССР

— полковник Седов, — майор Левшин.
Обвиняемый — Абакумов».

Допрос длился около восьми часов и продемонстрировал лишь примат формы над содержанием. Таких куzych протоколов — десятки.

Человеку не дано предугадать свое будущее. На все лады измываясь над Абакумовым и другими подследственными по делу заговора еврейских буржуазных националистов, Рюмин не подозревал, что его часы сочтены. 14 ноября 1952 года его отстранили от должности заместителя министра государственной безопасности и, приняв во внимание довоенный стаж работы бухгалтером, назначили старшим контролером Министерства госконтроля СССР.

Часть III

В БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ

ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА

«Заместителю начальника След-
части по особо важным делам МГБ
СССР — полковнику г/б товарищу
Соколову

РАПОРТ

Согласно распоряжению Министра Государственной безопасности Союза ССР товарища Игнатьева С. Д., 15 ноября 1952 года арестованный № 15 помещен в камеру № 77 Бутырской тюрьмы... из шести камер, расположенных в конце коридора, где размещена камера № 77, выведены все заключенные, и, таким образом, по соседству с арестованным № 15 других заключенных нет.

В целях конспирации эта часть коридора отгорожена специальной портьерой. У двери камеры выставлен круглосуточный пост из числа наиболее проверенных надзирателей... Надзиратели предупреждены, что арестованный № 15 способен допустить любую провокацию и может прибегнуть к самоубийству. Поэтому за ним необходимо вести особо тщательное наблюдение...

Также в целях конспирации принято решение прикрепить к арестованному № 15 наиболее проверенного, умеющего держать язык за зубами, врача и вызов других врачей к арестованному производить только в экстренных случаях.

Согласно указанию Министра, арестованный № 15 закован в наручники, которые будут сниматься только во время принятия пищи. Все остальное время арестованный № 15 будет сидеть

в наручниках, причем в дневное время с руками за спину, а в ночное время — с руками на животе.

Материалы тюремного дела арестованного № 15, из которых можно догадаться о характере и содержании дела, переданы на хранение начальнику Внутренней тюрьмы тов. Миронову, а остальные материалы, по которым содержание и характер дела понять нельзя, переданы начальнику Бутырской тюрьмы...

Пом. начальника Следчасти по особо важным делам МГБ СССР — подполковник г/б Гришаев.

17 ноября 1952 г.»

Примечательный документ, не так ли? Составлен и безукоризненно, и с известной долей сдержанного подобострастия: вышестоящие начальники поименованы «товарищами», как будто они секретари ЦК. Сразу видна рука умного и вдобавок образованного человека — куда до него Шварцману, не говоря уж про Комарова. И верно — в будущем подполковнику Гришаеву суждено стать профессором Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ): это ему А. Ваксберг посвятил очерк «Заслуженный деятель»¹.

Но речь не о нём, вернемся к Абакумову.

Выходит, обращение к «дорогим Л. П. и Г. М.» все-таки возымело действие? Да, похоже. Рапорт Гришаева позволяет ответить на очень важные вопросы: кто из двух высоких адресатов откликнулся на призыв о помощи и для чего это было сделано? Распоряжение исходило от министра Игнатьева, а тот, если так можно выразиться, был человеком Маленкова. А что это означало — облегчение участи или же игру мягкой лапой?

¹ См. «Литературная газета» от 15 марта 1989 г.

Устранение Рюмина и перевод Абакумова из одной тюрьмы в другую заметно не повлияли на служебное рвение следователей — те продолжали допросы с прежней настойчивостью. Однако характер их вопросов меняется: теперь следствие интересуется, почему Абакумов не отреагировал на заявление врача Лидии Тимашук, которая в августе 1948 года сигнализировала о неправильном лечении товарища Жданова и о наличии в Лечсанупре Кремля чрезвычайно опасной группы профессоров-террористов. Правда, заявление Тимашук было адресовано начальнику Главного управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенанту Власику, но это не имеет значения — недавно арестованный Власик уже дал показания на Абакумова, заявив, что незамедлительно передал ему сигнал патриотически настроенной докторши.

К досаде следователей, Абакумов решительно отрицает соучастие в терроризме, а пытать его они уже не рискуют — состояние здоровья арестованного № 15 катастрофически ухудшается. И тогда появляется на свет еще один рапорт на имя заместителя министра госбезопасности генерал-полковника Гоглидзе:

«...по имеющимся врачебным заключениям, арестованный № 15 якобы страдает болезнью сердца, а наблюдающий за ним врач разрешил допрашивать его не более 3—4 часов и только в дневное время...

При таком положении, учитывая поведение арестованного № 15, на мой взгляд, добиться от него признания вины в совершенных им преступлениях невозможно.

Мне кажется, целесообразно было бы поставить об этом в известность Инстанцию и пред-

принять необходимые меры в направлении получения от арестованного № 15 признательных показаний. Такой мерой, по-моему, может быть тщательное медицинское освидетельствование арестованного № 15 и в случае необходимости — применение срочных медицинских средств для быстрого восстановления его здоровья с тем, чтобы после этого его можно было бы активно допрашивать и обязательно пользоваться при этом острыми методами.

Секретарь партбюро парторганизации
Следчасти по особо важным делам МГБ
СССР — Цветаев.

16 января 1953 г.»

«Трогательная» забота тяготеющего к «острым методам» секретаря парторганизации не оставила равнодушным и Гоглидзе, видного бериевца: он тотчас распорядился созвать консилиум с участием врачей различных специальностей. Вот к каким выводам пришли тюремные эскулапы:

«...больной ходит пошатываясь в разные стороны, пользуется при этом либо поддержкой окружающих, либо опирается на стены и предметы... Жалобы на боли в сердце, иррадирующие в левую руку, на боли в ногах и отеки ног, отмечают слабость, быстрое утомление...

Данные обследования указывают на наличие у больного кардиоартериосклероза и атеросклероза с возможным склерозом коронарных сосудов; выявленная на ЭКГ недостаточность миокарда может быть отнесена также за счет общей астении...

Выявленные изменения не требуют постельного режима и диетпитания; больной работоспосо-

бен в течение нормального рабочего дня (до 6 часов), ночная работа противопоказана.

Полковник медслужбы — Петрин.

26 января 1953 г.»

Оставим заключение о «работоспособности» арестованного № 15 на совести доктора Петрина...

В феврале назойливый интерес следователей простирается и на зарубежные дела — они спрашивают у Абакумова, почему он своевременно не принял мер, узнав еще в 1945 году от закордонной агентуры о предательстве клики Тито — Ранковича. Абакумов объясняет, что стратегическая разведка не входила в функции ГУКР «Смерш», о названных следователями агентах он слышит впервые, а к разоблачению клики Тито — Ранковича никак не мог иметь отношения — этой проблемой от начала и до конца занимался ЦК ВКП(б).

В марте неожиданно-негаданно наступает затишье, Абакумова оставляют в покое. Надежно изолированный от внешнего мира, лишенный даже имени и фамилии, он и не подозревает, что умер Сталин и что Министерства государственной безопасности больше нет — вместо него создано объединенное Министерство внутренних дел СССР во главе с Берией, запретившим 13 марта впредь до особого указания допрашивать Абакумова.

И. В. СТАЛИН

О нем пишут — историки, политологи, социологи, беллетристы. И наверняка будут писать еще не одну сотню лет. Трудно сказать, чего больше

в текстах о Сталине — правды или домыслов? Множить домыслы не хочется, миссия эта неблагоприятная, поэтому я попытаюсь восстановить отдельные черты психологического облика Сталина, исходя из следственных документов и свидетельств достаточно компетентных людей.

Он постоянно что-нибудь читал. Бывшие сотрудники КГБ рассказывали мне, что на многих дачах Сталина находились внушительного размера библиотеки. Художественная литература была представлена весьма скудно, превалировали труды по истории, по философии, по политэкономии и разнообразная публицистика. Но поражало не количество книг, а обилие красных и синих карандашных пометок на полях каждой из них: «ложь», «верно», «выводы правильные, но сделаны без учета того-то и того-то» и т. п.

Такого рода пометки Сталин, в основном, делал в довоенные годы, а после войны его живой интерес сосредоточился на других сочинениях — на контрразведывательной информации и, главным образом, на протоколах допросов арестованных заговорщиков. Читал он и периодику — «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и «Звезду», — но это было работой: надо же держать руку на идеологическом пульсе страны, чтобы взвешенно решать, кто достоин Сталинских премий, а кого в назидание остальным следует изолировать от общества или вовремя приструнить, одернуть и поставить на место, как Ахматову и Зощенко. Пятый журнал тех лет — «Сибирские огни» — Сталин игнорировал, из-за чего ни одно из опубликованных там произведений не было отмечено Сталинской премией. Что же касается следственных дел, потоком поступавших из МГБ, то они содержали настолько увлекательные сюжеты

и неожиданные, захватывающие повороты, что им бы позавидовал сам Шекспир. В бессонные ночи со страниц протоколов перед Сталиным возникали многофигурные сцены из тех спектаклей, где он одновременно выступал в двух ипостасях: как автор и как режиссер-постановщик. Это отчетливо видно из дела П. С. Жемчужиной, жены В. М. Молотова.

П. С. Жемчужина работала начальником Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Минлегпрома СССР и была арестована по распоряжению Сталина якобы за утрату важных документов, которые, надо думать, у нее выкрали специально, чтобы иметь повод для ареста. Вместе с нею взяли под стражу ее технического секретаря Мельник-Соколинскую и нескольких мужчин, ответственных работников Главка. Жемчужина содержалась в камере Внутренней тюрьмы МГБ не одна — к ней заботливо посадили превосходно воспитанную, очень контактную особу, в чью задачу входило разговорить огорченную арестом соседку. Каждое слово записывалось на магнитную ленту, расшифровка которой поступала непосредственно к Сталину. Однажды Жемчужина заболела и через надзирателей попросила полковника Лихачева, возглавлявшего расследование ее дела, ненадолго зайти к ней в камеру. Предварительно испросив на то разрешение у министра, Лихачев пришел к Жемчужиной и пробыл у нее полчаса, а после его ухода Жемчужина охарактеризовала Лихачева как вежливого и внимательного человека. Той же ночью Сталин вызвал к себе Абакумова и всячески поносил его, называя «предателем», «продажной сволочью» и «слугой двух господ».

Об этом я узнал от И. А. Чернова, которому взбудораженный Абакумов поручил отобрать письменное объяснение у Лихачева и безотлагательно провести служебное расследование.

В деле Жемчужиной есть еще один впечатляющий факт. Поскольку ни Жемчужина, ни Мельник-Соколинская, ни другие арестованные не признавались во вражеской деятельности, а без их признаний версия обвинения рушилась, на Лубянке произвели оригинальный эксперимент — путем побоев вынудили двух мужчин из Минлегпрома дать показания о своем сожительстве с Жемчужиной. На очной ставке с ней они повторили разученные подробности связи вплоть до излюбленных поз и иных скабрёзных подробностей. Оскорбленная Жемчужина, в то время уже пожилая женщина, разрыдалась, а удовлетворенный достигнутым эффектом «забойщик» Комаров шепнул стоявшему рядом следователю: «Вот будет хохоту на Политбюро!»

Эту затею нельзя приписать Абакумову, Лихачеву или Комарову — семейное положение Жемчужиной напрочь исключало всякую самодеятельность. Автором пошлой инсценировки был, несомненно, сам Сталин, больше некому.

Сталин внимательно читал и все протоколы следственных действий по делу Абакумова. Любопытно проследить за тем, как он на них реагировал.

В марте 1953 года привлекли к уголовной ответственности Рюмина, а месяц спустя изрядно струхнувший подполковник госбезопасности Гришаев написал в рапорте:

«...в октябре 1951 г. я вместе с Рюминым оформлял аресты ответственных работников МГБ СССР и Прокуратуры Союза, которые были по

национальности евреями. Компрометирующих материалов на них вообще не было. Рюмин объяснил, что аресты производятся по личному указанию Главы Советского правительства, который, просматривая показания Шварцмана, принял такое решение...»

О Шварцмане, выдающемся мастере «французской борьбы», о его «супе из бабы Цици» и о симуляции сумасшествия читатели уже знают, однако это далеко не все. В протоколе допроса, где Шварцман называет себя вождем всех евреев-националистов из ЧК и прокуратуры, есть и информация несколько иного свойства:

«...до сих пор я скрывал от следствия, что являюсь педерастом и на этой почве имел половые сношения с Абакумовым, с английским послом Керром и с собственным сыном Сергеем, когда тому было 12 лет... Наряду с этим я сожительствовал и с родной дочерью Анной...»

Ознакомившись с данным протоколом, заместитель военного прокурора войск МГБ СССР В. Успенский решил вторично подвергнуть Шварцмана судебно-психиатрической экспертизе, а Сталин приказал арестовать тех чекистов, кого называл Шварцман.

Следственные документы позволяют представить себе ход размышлений Сталина, когда он, прочитав донос Рюмина, в ночной тиши определял судьбу Абакумова. Если образно обозначить роль Абакумова в Кремле, то для Сталина он был всего-навсего сторожевым псом. Сторожевых собак не балуют, не перекармливают и, уж давно, не держат в тепле, чтобы они не утратили свирепости. Вот и он, товарищ Сталин, сам равнодушный к побрякушкам, не жалел орденов для военных и в то же самое время держал на голод-

ном пайке Абакумова. Хотя нет, ему тоже кое-что досталось. Два ордена Суворова, орден Кутузова и, кажется, Красное Знамя. Было за что — с немцами Абакумов все же неплохо справлялся. А верхнего, политического чутья ему всегда не доставало. Без его, товарища Сталина, подсказок Абакумов не выловил бы ни одного внутреннего врага. Взять хотя бы дело «ленинградцев». Дали ему в руки мировую улику — что секретарь ленинградского горкома Капустин завербован англичанами. Другой по такой улике раскрыл бы заговор, а Абакумов что? Написал в справке какую-то ерунду — находясь с 1935 по 1936 год на стажировке в Англии для изучения технологии производства паровых турбин, Капустин снюхался с англичанкой-переводчицей, а муж англичанки застукал обоих у себя на квартире голышом; разразился скандал, Капустина в торгпредстве разбирали по партийной линии, что, по абакумовскому заключению, дает основания подозревать его в связях с английской разведкой. Осел! Он, товарищ Сталин, не разведчик, однако понимает, что так по-дурацки не вербуют! Либо англичанка, соблазнив Капустина, обтяпала все в одиночку, либо внезапный приход мужа домой был нужен им для вербовки под угрозой высылки из Англии, но тогда все было бы шито-крыто, в торгпредстве бы ничего не узнали! Пришлось давать указание об аресте и на пальцах объяснять, в чем состоит вина Капустина и к кому потянется от него цепочка. И следствие по Кузнецову люди Абакумова вели с прохладцей, не копая вглубь. Оттого-то ему, товарищу Сталину, пришлось в Сочи карандашом править обвинительное заключение. За это Абакумову досталось, небось до сих пор помнит. Что он, товарищ Сталин, собственноручно вписал

тогда в обвинение Кузнецова? А вот что: «Обман-ным путем пробравшись в ЦК ВКП(б), Кузнецов повсюду насаждал своих людей — от Белоруссии до Дальнего Востока и от Севера до Крыма». А когда Абакумов доложил об антисоветских разгово-рочиках Этинера и Збарского в Болгарии и предложил немедленно арестовать обоих, он, товарищ Сталин, возразил, что так не делают. Прежде чем арестовывать, надо, во-первых, под-готовить качественную замену Збарскому в Ма-взоле Ильича, а во-вторых, заблаговременно уволить Этинера из мединститута. За что уво-лить? Учишь, учишь, и все без толку! Хотя бы за космополитизм. Нет, без политического чутья в МГБ делать нечего. Незаменимых у нас нет, за десять лет Абакумов выработался, пора менять. Разве можно пренебрегать сигналами о терроре и по-дурацки считать, что теракты по силам толь-ко агентам-профессионалам? Он, товарищ Ста-лин, сам в молодые годы пускал в ход оружие и лучше других знает, насколько опасен удар оттуда, откуда не ждешь. Менять Абакумова на-до на человека с острым партийно-политическим чутьем. Может быть, на Игнатьева? Пусть Иг-натьев не контрразведчик, зато не будет переспра-шивать, какое обвинение предъявлять человеку, которого он, товарищ Сталин, прикажет аресто-вать. Пора перешерстить органы, люди там заси-делись, прокисли, нужна свежая кровь.

Читая протоколы допросов Абакумова, Ста-лин не искал там сенсационных разоблачений. Ему было интересно — как поведет себя человек, из охотника превратившийся в добычу? То обсто-ятельство, что Абакумов проявлял незаурядное мужество под пытками, было Сталину, в сущно-сти, безразлично. Во всяком случае, на будущее

арестованного № 15 это повлиять не могло. Люди, знавшие столько, сколько Абакумов, долго на земле не живут и своей смертью не умирают. Так было, так есть и так будет. И даже ему, товарищу Сталину, не под силу изменить сей непреложный закон!

У специалистов-политологов бытует мнение, будто Сталин в конце жизни отошел от дел и передоверил руководство страной своим приближенным. В какой-то мере это верно — он устранился от текущих вопросов, не вникал в хозяйственные проблемы и резко сузил круг лиц, допускавшихся к нему на прием. Однако все, непосредственно касавшееся государственной безопасности, в особенности заговоры против партии и государства, не ускользало от него и интересовало по-прежнему. В последний раз о деле Абакумова Сталину докладывали 20 февраля 1953 года — за неделю до кровоизлияния в мозг.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Возглавив агрегированное Министерство внутренних дел СССР, Берия первым делом расставил на ключевых постах Кобулова, Цанаву, Гоглидзе и других. Не был забыт и генерал-лейтенант Лев Емельянович Влодзимирский, некогда ведавший Следственной частью по особо важным делам, а с 1946 года тихо, как бронепоезд на запасном пути, коптивший небо в качестве начальника управления кадров Министерства госконтроля, — в марте 1953 года его «расконсервировали» и вернули на старое место, дав ему в замы небезызвестного полковника Хвата.

У Влодзимирского и Хвата рюминские пароксизмы не вызывали ничего, кроме брезгливых

усмешек. На дело Абакумова они смотрели так же, как их шеф в пенсне, о чем подробно рассказал на предварительном следствии по делу Берии полковник Коняхин, бывший заместитель начальника Следчасти по особо важным делам МГБ. Привожу выдержку из протокола его допроса 7 сентября 1953 года:

«11—12 марта 1953 года я был на докладе у министра и, когда дошла очередь до дела Абакумова, Берия, не расспрашивая о виновности Абакумова, иронически произнес: «Ну, что еще нашли у Абакумова, кроме его квартиры и барахольства?» Я ответил, что подтверждены факты обмана ЦК ВКП(б) и, помимо этого, Абакумов ничего не сделал по заявлению врача Тимашук в выяснении обстоятельств смерти товарища Жданова. Берия сразу же напустился на меня: «Как Абакумов ничего не сделал по заявлению Тимашук? А вы знаете, что Абакумов передал это заявление Сталину? Почему вы меня обманываете? Неужели вас учили в ЦК (т. е. на прежней работе) обманывать руководство?»

Я промолчал и, в частности, не сказал Берии о замечании товарища Сталина, которое им было сделано в моем присутствии 20 февраля 1953 года, а именно: „Это Берия нам подsunул Абакумова... Не люблю я Берию, он не умеет подбирать кадры, старается повсюду ставить своих людей...“»

Несколько дней спустя Рюмин был арестован и отдан в руки Влодзимирского и Хвата, а ложно обвиненных им медиков и чекистов выпустили на свободу. Отведав тюремной баланды, а вслед за нею и карцера, Рюмин признался, что фальсифицировал дело Абакумова, который не был ни заговорщиком, ни соучастником какого-либо состоявшегося или намечавшегося теракта. Казалось

бы, теперь надо было с извинениями освобождать Абакумова из-под стражи — такой слух мгновенно распространился по коридорам Лубянки. Однако это не входило в планы Берии и его ближайшего окружения: чтобы упрочить свою репутацию пламенных борцов за правое дело, они затеяли кампанию по разоблачению бывшего руководства МГБ, санкционировавшего грубые нарушения социалистической законности в следственном аппарате, для чего Абакумову с Рюминым отводились роли козлов отпущения. Поэтому запрет на допросы Абакумова означал лишь скоротечный тайм-аут, необходимый для смены состава игроков в команде следствия и для вводного инструктажа.

Пока Рюмин и действовавшие по его указке заплечных дел мастера подвергались интенсивным допросам, благодаря чему получили документальное отражение факты применения пыток, мозговой трест в лице генерал-полковника Кобулова и генерал-лейтенанта Влодзимирского колдовал над вопросником, которым надлежало руководствоваться их подчиненным при работе с Абакумовым. Перебрав огромную кучу навоза, собранного Рюминым за год — по-иному они его материалы и не называли — Кобулов и Влодзимирский нашли там два «жемчужных зерна» — дело Жемчужиной и дело «авиаторов». Первое давало возможность столкнуть лбами Абакумова с Молотовым, а второе — с Маленковым, после смерти Сталина ставшим во главе государства.

Новый, третий по счету виток следствия начался с того, что Абакумову порекомендовали чисто-сердечно признаться в злонамеренной фабрикации материалов по обвинению Шахурина, Новикова, Шиманова и других в государственной

измене. В ответ Абакумов заявил, что абсолютно не причастен к возникновению дела «авиаторов» — те были арестованы по прямому указанию Сталина без предварительных предложений со стороны ГУКР «Смерш» или НКГБ СССР. А когда ему сказали: «Не водите нас за нос, вы затеяли все это исключительно с целью подкопаться под Георгия Максимилиановича Маленкова!» — Абакумов перестал давать показания и не подписывал протоколы допросов.

Бериевцы прекрасно понимали, что для эффективного обвинения Абакумова двух эпизодов маловато, нужно отыскать что-то еще, причем существенное. Им требовались факты, уличавшие Абакумова в вопиющем произволе и беззаконии не по команде Сталина, а по собственной инициативе. Для этой цели больше всего подходила жертва средней величины, не слишком заметная, но в то же самое время достаточно известная и, главное, бесспорная.

Подручные Влодзимирского пересерстили архивы МГБ и через месяца два доложили о выполнении задания. Так в материалах дела Абакумова нашла свое место история смертных мук вице-адмирала Гончарова.

КЛАССОВЫЙ ВРАГ

Его звали Леонидом Георгиевичем, он был русским, родился в 1885 году в Кронштадте и происходил из дворянской семьи, члены которой из поколения в поколение несли воинскую службу во славу Отечества. В 1917 году Гончаров имел звание капитана 1 ранга Российского Флота и, как это ни грустно констатировать, по совокупности анкетно-биографических данных был заве-

домо обречен на уничтожение. Вопрос был лишь в том, когда подойдет его черед.

Впервые Гончаров был арестован в 1920 году органами Петроградской ЧК за контрреволюционную деятельность, однако, как записано в его формуляре, «преступление не было доказано».

В 1930 году Гончаров вновь арестован. На сей раз его обвинили во «вредительстве в области вооружения кораблей» и осудили к 10 годам лагерей, но, цитирую документ, «по ходатайству бывшего начальника военно-морских сил, врага народа Орлова, Гончаров был освобожден от наказания как выдающийся специалист в области создания минно-торпедного оружия».

Гончаров продуктивно работал, но с него не спускали глаз и стремились всячески опорочить: перед войной двое арестованных «изобличили» его как агента иностранной разведки. На заседании Военной коллегии Верховного суда СССР они оба отказались от показаний, данных на предварительном следствии, и заявили, что оговорили себя и других в результате применения пыток. Тем не менее один из них был расстрелян, другой приговорен к 10 годам лагерей, а Гончарова не тронули. Решили, наверное, — пусть еще поживет, авось придумает какую-нибудь хитроумную торпеду, а пристрелить его всегда успеем.

Дамоклов меч опустился на голову Гончарова 8 апреля 1948 года — его внезапно арестовали, в тот же день этапировали в Москву, заключили в Лефортовскую тюрьму и передали «под опеку» полковника Комарова, который за две недели довел его до смерти. В деле Гончарова не оказалось ни единого протокола допроса: как известно,

малограмотный Комаров не тяготел к формалистике. Вот что показал Комаров на допросе 3 июня 1953 года:

Вопрос: Комаров, вы вели следствие по делу вице-адмирала Гончарова, профессора, начальника кафедры Высшей военно-морской академии в Ленинграде. В чем он обвинялся?

Ответ: Гончаров был арестован по подозрению в том, что с 1917 года до последнего времени являлся шпионом одной из иностранных держав, которой передавал совершенно секретные сведения о советском военно-морском флоте.

Вопрос: Гончаров дал признательные показания?

Ответ: Сперва он не признавался. А когда Абакумов разрешил применить к нему физические меры воздействия — дал показания о вражеской работе против СССР и связи с английской разведкой. А затем почему-то отказался от прежних показаний, и тогда мы...

Вопрос: И вы продолжали истязать 63-летнего больного старика?

Ответ: Гончаров был старый моряк и выглядел здоровым, бодрым человеком. Я не знал ни о каких его болезнях.

Вопрос: Чем вы избивали Гончарова?

Ответ: Резиновой палкой по мягким местам.

Вопрос: Гончаров умер от сердечного приступа утром в воскресенье, 23 апреля 1948 года. Скажите, Комаров, в ночь с субботы на воскресенье вы допрашивали Гончарова?

Ответ: Да, допрашивал вместе со следователем.

Вопрос: И вновь избивали его?... Стало быть, вы убили Гончарова?

О т в е т: Такого вывода я сделать не могу.

В о п р о с: Этот вывод напрашивается сам собой.

О т в е т: Случай с Гончаровым мог произойти и независимо от применения к нему физических мер воздействия. Однако не исключаю, что как сам арест Гончарова, так и применение острых методов допроса сказались на состоянии его здоровья.

В о п р о с: Вы показали, что к Гончарову применялись физические меры воздействия по распоряжению Абакумова. Уточните, когда Абакумов отдал такое распоряжение?

О т в е т: Еще до ареста Абакумов сказал мне, что Гончарова нужно быстро «размотать», им очень интересуются наверху.

В о п р о с: На какой же день после ареста Гончаров был подвергнут избиению?

О т в е т: Насколько мне помнится, Гончаров раза три допрашивался в нормальной обстановке, а уж затем... Что же касается допроса 22 апреля, то в этом случае Гончаров действительно пожаловался на плохое самочувствие и попросил отпустить его в камеру. Я удовлетворил просьбу Гончарова.

В о п р о с: Вам предъявляется справка Лефортовской тюрьмы, из которой видно, что с момента ареста до самой смерти Гончарова вы держали его на допросах до 5—6 часов утра, совершенно лишив сна. То же самое было и под конец: 22 апреля, вызвав Гончарова десять минут первого, вы допрашивали его до 5 часов 50 минут утра, а 23 апреля — с 24 часов до 4 часов 20 минут утра. Так вы удовлетворяли просьбу Гончарова?

О т в е т: По справке тюрьмы получается так...

В о п р о с: Прекратив следственное дело за

смертью арестованного, вы подписали заключение о конфискации имущества Гончарова — дачи, легковых автомобилей «Опель-олимпия» и «Москвич», денег в сумме 221 тысячи рублей, золотых часов, золотых цепочек и прочего. На каком основании?

О т в е т: Из Ленинградского управления МГБ поступил запрос, как быть с описанным имуществом Гончарова, и я...

В о п р о с: В утвержденном вами документе говорится: «Вышеперечисленные ценности, принадлежавшие Гончарову Л. Г., согласно заключению в деле — конфисковать, как нажитые им нетрудовым путем в результате преступной связи с иностранной разведкой». Вы и здесь не удержались от фальсификации?

О т в е т: Признаю, что я виноват в небрежном оформлении документов по делу Гончарова...»

Допрошенный по этому эпизоду Абакумов ознакомился с постановлением об аресте Гончарова, признал утверждающую подпись в левом верхнем углу своею и сказал, что решительно ничего не помнит про Гончарова. Одно не вызвало у него сомнений — таких людей как Гончаров, МГБ без санкции Сталина не арестовывало. Однако ни докладных записок Сталину с какими-либо резолюциями, ни ссылок на его указания в деле Гончарова не обнаружили.

Прежде чем поставить точку в этой скорбной истории, позволю себе добавить еще несколько слов.

Леонида Георгиевича Гончарова давно не было в живых, а его жена все еще посылала письма во все адреса, в том числе Сталину:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

К вам обращается жена вице-адмирала Гончарова, заслуженного деятеля науки, лауреата Сталинской премии, доктора военно-морских наук, профессора Военно-морской академии им. А. Н. Крылова... Мой муж ранее перенес кровоизлияние в мозг, страдает гипертонической болезнью, уже полтора года я о нем ничего не знаю, куда ни обращаюсь, не получаю ответа, кроме скупой фразы: «Следствие не закончено». Передачи не разрешены... Обращение к Вам — моя последняя надежда. С уважением — Людмила Гончарова».

Под письмом дата — ноябрь 1949 года.

Как вы думаете, когда Людмилу Ильиничну Гончарову сообразовали поставить в известность о том, что она овдовела? Для этого понадобилось без малого пять (5!) лет — сообщение МВД СССР было отправлено ей 17 марта 1953 года. Здесь, на мой взгляд, отчетливо видна разница между сталинскими порядками и тем, что творилось в гитлеровской Германии: если немцы немедленно информировали вдов и педантично высылали им счета за кремацию в концлагерях, то мы не взыскивали денег за похороны, зато и не утруждали себя уведомлениями.

По ходатайству адмирала флота Н. Г. Кузнецова русский патриот Леонид Георгиевич Гончаров был посмертно реабилитирован, а его вдове пришлось еще года два бегать по судам, потому что ей не возвращали незаконно изъятое имущество — организация, завладевшая дачей Гончаровых в Сиверской, ссылалась на то, что затратила на ремонт чуть ли не сто тысяч...

КОММЕНТАРИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЮСТИЦИИ А. Ф. КАТУСЕВА

Что сказать о деле Леонида Георгиевича Гончарова? Это, по-моему, тот случай, когда надо склонить голову и молча почтить его светлую память...

Третья фаза следствия по делу Абакумова оказалась самой короткой: она продолжалась всего четыре месяца и закончилась арестом Берии. Тогда впервые возник вопрос: входил ли Абакумов в так называемую «банду Берии»?

Что же достоверно известно о связи Абакумова с Берией? Абакумов попал в НКВД по рекомендации партийных органов в 1932 году, а до того работал грузчиком на складе Центросоюза. В 1939 году он занимал скромную должность оперуполномоченного в Секретно-политическом отделе (СПО) НКВД СССР, а затем сразу стал начальником Управления НКВД Ростовской области. Чем объяснялся столь стремительный взлет рядового и, в сущности, ничем не отличавшегося работника? С одной стороны, объективными обстоятельствами — жернова репрессий, охвативших страну, перемололи как тех чекистов, что были до Ежова, так и самого Ежова вкупе со всеми его выдвигенцами. С другой стороны, был и субъективный фактор — кто-то порадел об Абакумове. Кто? Порознь допрошенные бериевцы в один голос называли Богдана Захарьевича Кобулова, в 1939 году возглавлявшего СПО и бывшего тогда непосредственным начальником Абакумова. Он же в 1940 году способствовал назначению Абакумова на должность замнаркома: в то время наркомат разделился на два, на НКВД и НКГБ,

число замов удвоилось, а Берия с Кобуловым нуждались в преданных вассалах. Так что роль Берии в выдвижении Абакумова можно считать доказанной.

Как в дальнейшем складывались их отношения? В том же 1940 году Абакумов назначается начальником Управления Особых отделов РККА, о чем, по его словам, узнает от Сталина. С тех пор, вплоть до ареста, он напрямую от Берии больше не зависел. Брат Кобулова, Амаяк Захарьевич, генерал-лейтенант госбезопасности, показал на допросе, что до войны отношения Берии и Абакумова были нормальными, хорошими, а потом они постепенно ухудшались, поскольку Абакумов уже не считался с Лаврентием Павловичем. На это же указывают два факта. Сменив Меркулова на посту наркома госбезопасности, Абакумов не подписал приемно-сдаточного акта, что вызвало гнев Берии, который в кремлевском коридоре при свидетелях отчитал Абакумова, сопроводив свои слова площадной бранью. Кроме того, Абакумов принялся расчищать кадры МГБ, решительно избавляясь от людей Берии и Меркулова в Следственной части по особо важным делам и в аппарате контрразведки, куда он расставлял тех, с кем прошел войну в ГУКР «Смерш». Это нашло подтверждение в показаниях Шейнина, который подчеркнул на допросе, что «замена ответственных работников МГБ ставленниками Абакумова происходила с согласия и при участии секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова».

Степень неприязни Берии к Абакумову характеризует такой факт — начальник личной охраны Берии полковник Саркисов сообщил следствию,

что «перед арестом Абакумова Лаврентий Павлович распорядился переключить телефоны Кремлевской АТС: домашний — на дежурного офицера в комнате охраны, а служебный — на приемную; это было сделано для того, чтобы Абакумов не мог соединиться с ним».

Есть еще веский довод: если бы Берия доверял Абакумову и нуждался в нем, то в марте 1953 года он постарался бы освободить его из тюрьмы. Однако факты говорят об обратном.

На допросе у нового Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко, дотошно выискивавшего доказательств близости Абакумова с Берией, Абакумов показал: «На квартире и на даче у Берии я никогда не бывал. Отношения у нас были чисто служебные, официальные и ничего другого». Здесь, пожалуй, стоит отметить, что Берия славился хлебосольством и принимал у себя широкий круг лиц, связанных с ним общими целями.

Примечательно, что рукописный подлинник протокола этого допроса не перепечатывался на машинке и не был приобщен к делу Берии. К делу Абакумова его тоже не приобщили — год спустя Руденко на судебном заседании назвал Абакумова членом банды Берии, что само по себе явилось тяжким политическим обвинением, поэтому все без исключения документы, не подтверждавшие эту версию, в материалах дела отсутствовали, тогда как вырезки из известных читателям писем Абакумова, где он именовал Берию «самым близким человеком», были изложены в тексте обвинительного заключения. Кстати, то обстоятельство, что эти письма Абакумова адресовались не только Берии, но и Маленкову, Руденко обошел молчанием.

В деле Берии и его сподвижников содержится множество данных о людях и нравах того времени, однако они не имеют прямого касательства к Абакумову. Но раз уж я взял на себя обязанности комментатора и разделяю мнение, что многое познается в сравнении, то приведу еще одну любопытную подробность. Все подсудимые по делу Берии были приговорены к высшей мере наказания с конфискацией имущества. Как только началось исполнение приговора в части конфискации, вдовы осужденных возбудили ходатайства о разделе совместно нажитого имущества и, главным образом, вкладов в сберегательных кассах, жалуясь на то, что остались голыми и босыми, ибо вся обстановка в их квартирах и на дачах принадлежала МВД СССР. Особой настойчивостью отличалась Евлалия Федоровна, вдова генерал-полковника Гоглидзе: если остальные вдовы, получив повторный отказ, прекратили переписку, то она несколько лет подряд писала на имя Руденко, Маленкова, а затем и Хрущева. Чего только не было в ее письмах — и сетования на старческую немощь, и слезные призывы к милосердию, и ссылки на объективные причины: вклад Евлалии Федоровны на сумму 160 тысяч рублей, по ее заверениям, отчасти состоял из денежных средств домашней прислуги, чья заработная плата в течение шестнадцати лет подряд вносилась на сберкнижку нанимательницы.

Тридцать лет спустя из сообщения прокуратуры Московской области стало известно, что в ночь на 29 октября 1984 года в поселке Малаховка в результате разбойного нападения были убиты и ограблены гражданки Гоглидзе Е. Ф. и ее дочь Гоглидзе Г. С. Преступление совершил не-

кто Крекшин, бывалый квартирный вор с дипломом Историко-архивного института, ранее избегавший «мокрых» дел и решившийся на убийство только потому, что наводчик — любовник домработницы семьи Гоглидзе — «смутил» его описанием несметных сокровищ. Действительно, похищенные Крекшиным из дома Гоглидзе ювелирные изделия, по заключению экспертов-гемологов, оценивались в несколько десятков тысяч рублей и относились к произведениям декоративно-прикладного искусства музейного значения.

При расследовании этого преступления было установлено, что ценности расстрелянного генерал-полковника Гоглидзе хранились у родственников, которые долго не хотели возвращать их вдове, вынужденной прибегнуть к семейному варианту третейского суда. Когда же Евлалия Федоровна добилась своего, это позволило ей купить зимний дом, безбедно прожить там четверть века с дочерью и прислугой.

Сведений о происхождении богатств Гоглидзе в материалах дела Берии и других, естественно, нет, этот вопрос в ту пору не возникал, но если бы он возник своевременно, то в распоряжении следствия было заслуживавшее внимания свидетельство заместителя министра внутренних дел Грузии Каранадзе:

«...в Тбилиси... лучшие вещи арестованных в 1937 г. крупных людей забирались всегда Кобуловым, женами Гоглидзе Сергея и Беришвили Константина, которые даже дрались из-за них между собой...»

Для тех, кто не знает, добавлю, что в самый разгар массовых репрессий тридцатых годов Сер-

гей Арсеньевич Гоглидзе занимал пост народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР.

Так что рядом с нажившимися на чужом горе бериевцами, Абакумов с его чемоданом подтяжек, со всеми ботинками, сорочками и запонками не выглядит богачом. А сравнивать его с олигархами эпохи застоя и вовсе нелепо — до генерала армии Щелокова ему так же далеко, как простому советскому служащему из тамбовской глубинки до короля Саудовской Аравии.

Часть IV

ВО ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЕ

КАНИТЕЛЬ

Четвертый по счету виток следствия начался в июле 1953 года. Но то, что происходило в течение последующих шестнадцати месяцев, следствием не назовешь. Люди, которым доверили эту работу, скорее выступали в ролях редакторов или, вернее, селекционеров, отбиравших из материалов своих предшественников все, что, по их мнению, годилось в дело, и занимавшихся, в основном, переакцентовкой ранее предъявленных обвинений.

Из «достижений» Рюмина они позаимствовали дело «СДР», сохранив его первоначальный облик, а в эпизодах, связанных с Этингером и Юдиным, развернули баланс ровно на 180° — теперь Абакумов и его подчиненные обвинялись не в «смазывании» терроризма, а, напротив, «в жестоком обращении с ни в чем не повинными учеными». Точно так же поступили с так называемым «ленинградским делом» — если Рюмин вменял в вину Абакумову то, что тот нарочно не выявлял шпионаж и настоял на расстреле подсудимых, чтобы «выйти сухим из воды», то теперь Абакумов выступал как инициатор крупнейшей политической провокации, ставившей своей целью опорочить честные партийные кадры и тем самым подорвать мощь нашего государства. В доказательство был задействован взрывчатой силы

факт — оказывается, в Ленинград на процесс Вознесенского, Кузнецова и других была направлена многочисленная группа ответственных сотрудников Следственной части по особо важным делам во главе с первым заместителем министра госбезопасности Огольцовым и заместителем министра Селивановским, которым вменили в обязанность контролировать поведение подсудимых и состава суда, чей приговор был написан под диктовку полковника Шварцмана.

Бериевская волна обвинений доставила следователям минимум хлопот — там всерьез поработали профессионалы, чьи труды не требовали редактуры. Оттуда один к одному взяли дело Жемчужиной, историю гибели вице-адмирала Гончарова и дело «авиаторов».

В итоге формула обвинения не претерпела никаких изменений: измена Родине, вредительство, терроризм и создание контрреволюционной организации, а чтобы обвинительное заключение не напоминало мозаику, его надежно скрепили «каиновой печатью», зафиксировав принадлежность Абакумова к банде Берии.

Что думал Абакумов в ту пору, чем он жил и на что надеялся — об этом можно только догадываться. Берия, а затем и новое руководство МВД СССР запретили давать ему бумагу, поэтому писем он больше не писал. Известно лишь то, что он не признал ни одного из предъявленных ему обвинений и по окончании следствия отказался знакомиться с материалами дела, заявив, что оно полностью сфабриковано.

Кроме того, известно, что 3 августа 1953 года Абакумова вновь поместили в Лефортовскую тюрьму, но пробыл он там недолго, что видно из документа, который привожу почти целиком:

«Заместителю министра внутренних дел
Союза ССР генерал-полковнику т. Серову

РАПОРТ

По справке начальника санчасти Лефортовской тюрьмы МВД СССР подполковника медслужбы т. Яншина, у арестованного № 15, страдающего гипертонической болезнью II стадии, миокардиострофией, вегетодистонией и упадком питания, нарастает общая физическая слабость и пребывание арестованного № 15 в условиях Лефортовской тюрьмы прогрессивно ухудшает его состояние.

В связи с этим... арестованный № 15 переведен во Внутреннюю тюрьму МВД СССР.

И. о. начальника Следчасти по особо важным
делам МВД СССР — подполковник Козырев.
26 сентября 1953 г.»

Если отбросить медицинскую терминологию, то в Лефортово Абакумов просто умирал от голода, истязаний и приобретенных там заболеваний. Чтобы как-то поддержать его, тот же подполковник Козырев еще раз обращается к генерал-полковнику Серову с просьбой разрешить арестованному № 15 пользование тюремным ларьком и все же дать ему писчей бумаги. В бумаге Серов категорически отказывает, а ларек разрешает, оговорив в резолюции, что находит возможным тратить на эту цель не свыше 150 «старых» рублей в месяц. Горькой иронией звучит, что деньги для дополнительного питания Абакумова изыскали за счет «девятой статьи» расходов, предназначенных для оплаты услуг агентуры...

В конце 1953 года расстреляли Берию, Ме-

ркулова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика, Деканозова и Влодзимирского, летом 1954 года та же участь постигла Рюмина — приговор по его делу огласили 7 июля и привели в исполнение пятнадцать дней спустя, а Абакумов по-прежнему сидел в одиночной камере Внутренней тюрьмы. Может быть, о нем забыли? Нет, помнили. В августе 1953 года Серов утвердил план мероприятий по окончанию следствия и установил срок в три недели. Позднее Серов снова устанавливал жесткие сроки, которые постоянно срывались. Неужели все упиралось в нерадивость следователей? Еще раз нет — технология следствия здесь вообще ни при чем.

Здравый смысл подсказывает, что причина всей этой канители коренилась в другом — наверху разгоралась невидимая и бескомпромиссная борьба за власть и в этой борьбе Абакумова держали про запас, потому что он знал подноготную противоборствующих сторон и мог быть эффективно использован в случае крайней необходимости.

ВСПОМИНАЕТ И. А. ЧЕРНОВ,
бывший полковник

С лета 1953 года меня почти что не допрашивали — так, вызовут иногда, чтобы уточнить какую-нибудь мелочь, и все. Бить, слава богу, тоже перестали. Сажу в Лефортове, идет месяц за месяцем, а когда все это кончится — поди пойми. Любопытства я, само собой, не проявляю — зачем? Однажды, еще зимой, спросил у следователя, хватит ли материала на «вышку», тот жестом показал, что за глаза, поэтому и не задавал вопросов.

Два года пробыть в одиночке — мучительно, видишь одних следователей да надзирателей, с ними лишним словом не перекинешься. Как-то попросил, чтобы перевели в общую камеру, и ко мне посадили писателя Леву Шейнина. Он ко мне подъезжал и так и эдак, расспрашивал, кто я, за что сижу, а я до того одичал, отвык от людей, что отмалчивался и даже назвался чужой фамилией. А потом, когда нас порознь перевели во Внутреннюю тюрьму, мы снова оказались в одной камере и подружились. Скуповатый он, Лева, как что получит из тюремного ларька на выписку — ни-почем не поделится, а так ничего, байки разные рассказывал, советовался со мной. «Знаешь, — говорит, — я юрист не из последних, как-никак государственный советник юстиции 2 класса, по-вашему генерал-лейтенант, а в своем деле ни хрена понять не могу!» Выслушал он мое мнение и похвалил: «Молодец ты, Иван Александрович, здорово умеешь раскладывать все по полочкам».

От него я и узнал, что Берию посадили. Шейнину, понятно, этого не сказали, но Лева башковитый — по характеру записей в протоколе допроса сам обо всем догадался и тут же написал письмо Хрущеву, они друг с дружкой давно знакомы. Главное, был случай, когда Лева ему добро сделал: входил в комиссию, которая по заданию Политбюро что-то проверяла на Украине, и составил справку в пользу Хрущева. И Руденко ходил у него в дружках, тоже, видно, замолвил словечко — в общем, Леву вскоре выпустили. На прощанье он сказал: «Ваня, я понимаю, ты сидишь по должности», — и обещал посодействовать через Руденко: «Вот увидишь, Роман Андреевич — это человек!»

Прошел 1953 год, наступил 1954-й, а в нашем

деле ничего не проясняется, сплошной туман. Был, впрочем, всплеск — то ли в мае, то ли в июне, точно не помню, — предъявляли для ознакомления обвинительный материал согласно 206 статьи УПК РСФСР, а потом все опять надолго заглохло. За лето я окреп, занялся физподготовкой, ежедневно ходил двадцать тысяч шагов по камере, ждал, что дальше будет. Объявили мне, что суд состоится в Ленинграде, только в декабре, перед отправкой. Везли туда в обычном поезде, в купированном вагоне, без наручников, будто я не арестованный, а командированный. Как поезд тронулся, заглянул в купе Таланов, новый начальник Внутренней тюрьмы, отвечающий за нашу доставку, и вежливо спрашивает: «Чернов, как устроились?» — «Отлично, — отсываюсь. — А почему на дорожку вина не даете?» Таланов развеселился и говорит: «Вот когда обратно повезем, обязательно дадим!»

Судили нас в окружном Доме офицеров. Со своим адвокатом я до этого не встречался, познакомились прямо на судебном заседании. Зачем он был нужен, я и по сей день не уяснил. Мы с ним ни о чем не говорили, только разок я шепотом спросил: «Суд идет, а обо мне ни слова — не допрашивают и почти не упоминают?» А он в ответ: «Очень хорошо. Сидите и помалкивайте».

Как подошла моя очередь говорить на процессе, я отказался от показаний, выбитых из меня на предварительном следствии, и твердо заявил, что «обобщенные» протоколы «авиаторов» не корректировал — такую работу поручали только мастерам этого дела. «Кого вы считаете мастерами?» — спросил Руденко, поддерживавший обвинение. «Обер-мастером был Шварцман, а мастером — Броверман», — без запинки сообщил я.

«Мы о вас знаем, Чернов, — многозначительно заметил Руденко. — Вы известный мастер раскладывать все по полочкам!» Как он это сказал, у меня забрезжила надежда, что есть на земле правда, — не подвел, значит, Лев Романович Шейнин, сдержал слово!

На суде Броверман изобличал всех, в особенности меня, а Абакумов держался с большим достоинством. Про других не скажу, не помню, не до того мне было — ждал, как все обернется. А когда Руденко потребовал для меня двадцать пять лет тюремного заключения — вот тут я и понял, с какими благодетелями имею дело. В последнем слове я отрицал вину перед советской властью, и дали мне пятнадцать лет, но не тюрьмы, а лагерей. Броверман хватанул четвертак, а остальные — расстрел. У Абакумова, помню, ни одна жилка в лице не дрогнула, будто не про него речь.

А дальше пошли этапы и лагеря — Петропавловск, Караганда, Тайшет, солнечная Мордовия, Дубровлаг — туда в конце концов стянули всех политзаключенных. Повсюду лагерное начальство расспрашивало меня, как все было, — им ведь интересно, а из газет, само собой, ни черта не поймешь. То ли кто-то из них проболтался, то ли иначе обо мне разнюхали, но бендеровцы передавали меня «по эстафете» и не раз покушались на мою жизнь — сбрасывали кирпичи с крыш. Чекистам в лагерях трудно выжить, все против нас.

В Явазе повстречал Бровермана. Попадись он мне сразу же после приговора, я бы его на части порвал, горло бы ему перегрыз, столько во мне было злости, а тут сели мы на бревна и спокойно потолковали. «Если сохранилась в тебе хоть капля совести, — говорю, — напиши в Верховный

суд, что оговорил меня, чтобы спасти себе жизнь. Не дрейфь, теперь тебя уже не расстреляют». Он пообещал, но ничего не написал. А больше мы не виделись. Доходил до меня слух, будто его по отбытии срока направили в психбольницу, а он туда не явился. В общем, сгинул Броверман.

Меня «перевоспитывали» в лагерях, а моих близких — на воле. Выдали им волчьи паспорта, с которыми не брали даже на самую грязную работу, гоняли с места на место, измывались по-всякому. От горя и лишений скончались моя мать, жена и старший сын... Слал я жалобы, много жалоб, но при Хрущеве им не давали ходу. Это потом, уже при Брежневe, прокурор Руденко смилостивился и внес протест, признав, что я, Чернов, не изменник родины, а только вредитель и участник контрреволюционного заговора. Так вот и получилось, что ни за что ни про что просидел я за колючей проволокой вместо пятнадцати лет лишь четырнадцать с половиной.

СЛОВО ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Выбор места для суда над Абакумовым был отнюдь не случайным. В Доме офицеров Ленинградского военного округа четыре года назад осудили на смерть Кузнецова, Вознесенского, Попкова и других, ныне полностью реабилитированных, поэтому гласный суд над фальсификаторами этого дела в том же помещении должен был наглядно продемонстрировать широким слоям советской общественности, что справедливость все-таки существует, а возмездие непременно настигает виноватых.

14 декабря 1954 года началось открытое судебное заседание выездной сессии Военной кол-

легии Верховного суда СССР в составе: председательствующего — генерал-лейтенанта юстиции Е. Л. Зейдина, членов — генерал-майора юстиции В. В. Сюльдина и полковника юстиции В. В. Борисоглебского, при секретарях — капитанах юстиции М. В. Афанасьеве, Л. М. Горбунове и Н. М. Полякове, с участием государственного обвинителя — Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Р. А. Руденко и защиты — членов Московской городской коллегии адвокатов Л. И. Гринева, М. В. Степанова, М. И. Рогова и Л. В. Павлова.

На скамье подсудимых находились Абакумов, Леонов, Лихачев, Комаров, Чернов и Броверман. Шварцман выступал в качестве свидетеля — материалы о совершенных им преступных деяниях были выделены в отдельное производство и его осудили позднее, в марте 1955 года.

О степени открытости суда над Абакумовым и о том, кто изображал публику в зале, говорит такой факт — стенограмма судебного заседания снабжена грифом «совершенно секретно».

В ответ на традиционный в судах вопрос, признает ли он себя виновным, отказавшийся от адвоката Абакумов заявил:

«Виновным себя не признаю. Это дело провокационное, оно сфабриковано Берией, Кобуловым и Рюминым».

В ходе судебного разбирательства Абакумов заявил следующие ходатайства:

— приобщить к делу его докладные записки в ЦК ВКП(б) и в Совет Министров СССР, касавшиеся всех вопросов рассматриваемого дела;

— приобщить к делу постановление директивных органов о расследовании преступной де-

тельности Кузнецова, Вознесенского, Попкова и других;

— приобщить к делу изданные им приказы и директивы, направленные на ликвидацию недостатков, имевшихся в работе следственного аппарата МГБ СССР;

— приобщить к делу постановление директивных органов о сокрытии Меркуловым некоторых материалов по делу «авиационников»;

— приобщить к делу протокол об окончании следствия, подписанный в январе 1953 года т. т. Ильичевым и Китаевым;

— вызвать в суд в качестве свидетеля бывшего первого заместителя министра государственной безопасности С. М. Огольцова, который непосредственно курировал Следственную часть по особо важным делам;

— рассмотреть в судебном заседании факты применения к нему мер физического воздействия в период предварительного следствия;

— занести в протокол судебного заседания, что на следствии ему не разрешали писать заявления в Президиум ЦК КПСС.

Обосновывая внесенные ходатайства, Абакумов объяснял, что в противном случае суд не сможет установить действительные обстоятельства, в которых он, Абакумов, принимал те или иные решения. Например, арестовывал ли он каких-то людей по собственной инициативе или выполнял приказы руководителей партии и государства; проводил в жизнь постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о мере наказания Кузнецову, Вознесенскому и другим или же решил этот вопрос по собственному усмотрению, и так далее.

С различными ходатайствами выступили и другие подсудимые. В частности, они настаи-

вали на судебном расследовании физических насилий, допущенных по отношению к ним на предварительном следствии.

Как отреагировали на это государственный обвинитель и высокий суд? «Я считаю, — сказал Р. А. Руденко, — что большинство ходатайств, заявленных подсудимым Абакумовым (почему только одним? — К. С.), несостоятельны и удовлетворению не подлежат». Совещаясь на месте, суд, покорно шедший на поводу у государственного обвинителя, определил: «Вопрос о заявленных ходатайствах решить в ходе судебного следствия», — а потом преспокойно забыл о вынесенном определении.

Работу Руденко на этом процессе, мягко говоря, не назовешь ювелирной. Проиллюстрирую свой вывод на примере того, как Руденко допрашивал подсудимого Комарова:

«Руденко: Чем вы руководствовались, когда проводили следствие по так называемому «ленинградскому делу?»

Комаров: Было постановление ЦК партии о Вознесенском.

Руденко: Неправда, Комаров! Было постановление ЦК об освобождении от должности, но не о привлечении его к уголовной ответственности».

Кто же в данном случае говорил неправду — подсудимый или Генеральный прокурор СССР?

Оба они, равно как и судьи, знали из материалов дела Вознесенского, что в начале сентября 1949 года председатель КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятов внес предложения исключить Вознесенского из членов ЦК и привлечь его к судебной ответственности за утрату служебных докумен-

тов, что 11 сентября 1949 года Политбюро приняло решение вынести оба эти предложения на Пленум ЦК ВКП(б) и что днем позже Пленум утвердил их. Для чего же Руденко солгал? И почему председательствовавший на процессе генерал Зейдин не вмешался, чтобы внести ясность?

Вот еще одна выдержка из стенограммы:

«Руденко: Как можно квалифицировать действия лиц, которые арестовывают советских граждан без достаточных к тому оснований, путем избиений добиваются у них вымышленных признаний в несовершенных ими преступлениях, а затем всеми силами стремятся, чтобы эти вымышленные показания были подтверждены в суде, и, таким образом, добиваются осуждения ни в чем неповинных советских граждан?»

Комаров: Этого я не делал.

Руденко: Отвечайте на прямо поставленный вопрос.

Комаров: Такое действие является антисоветским. Лица, которые совершают эти действия, поступают изменнически по отношению к своей Родине».

Но в том-то и дело, что подсудимый не обязан давать квалификацию чьим-то действиям, в том числе и собственным. Это прерогатива других участников уголовного процесса, в первую очередь судей. Приходило ли в голову Руденко, что и вопрос, который он задал Комарову, и ответ Комарова имеют непосредственное отношение к нему самому? Ведь Руденко знал, — подсудимые говорили об этом открыто — что следствие велось с применением пыток и что обвинение в значительной мере строилось на выбитых из них, вымышленных признаниях. Однако, невзи-

рая на это, Руденко проводил допросы в жестких, прессинговых формах, отмечая все, что свидетельствовало бы в пользу подсудимых.

Далее Комаров показал: «В Ленинград (на процесс Кузнецова, Вознесенского и др. — *К. С.*) поехал я и еще десять следователей... Перед отъездом в Ленинград Абакумов меня строго предупредил, чтобы на суде не было упомянуто имя Жданова. «Головой отвечаешь» — сказал он».

Без сомнения, подобное указание перед отъездом в Ленинград получил и Руденко, ибо он всякий раз обрывал Абакумова, когда тот ссылался на приказы и установки Сталина. Видно, поэтому Руденко скомкал допрос Абакумова, не пожелавшего играть в поддавки.

Судебную речь Руденко приводить нет смысла, читатели наверняка поняли его настрой и позицию, а вот защитительную речь Абакумова стоит хотя бы частично процитировать:

«Я заявляю, что настоящее дело против меня сфабриковано. Я заключен под стражу в результате происков Берии и ложного доноса Рюмина, три года нахожусь в тюрьме, в тяжелейших условиях. Меня избивали. Администрация не дает мне бумаги. Жена с маленьким ребенком содержится в тюрьме. Мое обвинение начал фальсифицировать Рюмин, который обвинял меня в тяжчайших преступлениях и докатился до абсурда, признав меня за главаря еврейской контрреволюционной организации. Одни обвинения в отношении меня прекращались, другие появлялись. Все недостатки в органах ЧК, скопившиеся за длительный период, вменяются мне как преступления... я ничего не делал сам. В ЦК (на суде Абакумов сказал — Сталиным. — *К. С.*) давались указания, а я их выполнял. Государственный об-

винитель ругает меня, с одной стороны, за допущенные перегибы, а с другой — за промахи, смазывания. Где же тут логика? Дело «СДР» расследовано правильно. Мне же в течение трех с половиной лет пытались доказать, что я «смазал» террористические намерения у 15—16-летних юношей и девушек...

Недостатки у меня были, я их не скрывал. Утверждать, что я использовал такой орган, как Особое совещание для расправы — значит забывать о том, что я никогда не председательствовал в Особом совещании...

Я считаю, что суд должен справедливо разобраться в моем деле».

В своем последнем слове Абакумов был предельно лаконичен. «Меня оклеветали, оговорили, — сказал он судьям. — Я честный человек. В войну я был начальником контрразведки, последние пять лет на посту министра. Я доказал свою преданность партии и Центральному комитету...»

«Председателю Военной коллегии
Верховного суда Союза ССР
генерал-лейтенанту юстиции
г. Чепцову А. А.

Сообщаю, что приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 19 декабря 1954 года в отношении осужденных к высшей мере наказания — расстрелу: Абакумова Виктора Семеновича, 1908 года рождения,.. приведен в исполнение в Ленинграде 19 декабря 1954 года в 12 часов 15 минут.

При исполнении приговора присутствовал Генеральный прокурор Союза ССР действительный

государственный советник юстиции т. Руденко Р. А.

Начальник Внутренней Тюрьмы КГБ
при Совете Министров СССР

— подполковник Таланов.

22 декабря 1954 г. № 3763».

Что известно о последних минутах жизни Абакумова?

Изрядно потрудившийся в тот день подполковник Таланов рассказал членам секретариата выездной сессии Военной Коллегии Верховного суда СССР о том, как Абакумов шел на расстрел. Он крикнул: «Я все, все напишу в Политбюро...» — но не успел произнести слово «Политбюро» до конца: пистолетная пуля пробила ему голову.

СЫН ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕЧАЕТ

В русском языке у существительного «беззаконие» есть неотъемлемое прилагательное — «сталинское». Сорок лет назад это сочетание слов прочно вошло в наш обиход. А теперь зададимся вопросом: кто ввел его и с какой целью сделал это?

Представители старшего поколения, по-видимому, одинаково ответят на первую часть вопроса: Никита Сергеевич Хрущев. Что же до второй части, то здесь начнется разноголосица, вызванная тем, что в нашем изрядно политизированном обществе отношение и к Сталину, и к Хрущеву неоднозначное. Поэтому, не вдаваясь в оценку тех или иных точек зрения, позволю себе высказать собственную — клеймя Сталина,

Хрущев не столько восстанавливал попорченную справедливость, сколько выводил из-под критики саму систему тоталитарной власти, породившую беззакония, и в достаточно ясной форме давал понять всем и каждому, что отныне и при-сно и во веки веков Коммунистическая партия и Советское государство ничего подобного не допустят. Добавлю, что Хрущев знал, кому говорил — нет на земле другого народа, который бы с такой поразительной готовностью внимал невежественному краснобайству, выдавал желаемое за действительное и с праведным гневом ополчался на тех, кто обнаруживал эдакое, знаете ли, еретическое инакомыслие. Да и сам термин «культ личности Сталина» в осуждающей тональности звучал у Хрущева прежде всего потому, что это был культ не его, Хрущева, а другой личности — той, перед которой он двадцать лет раболепствовал и скоморошничал. Когда же, устранив конкурентов, Хрущев воцарился в Кремле, говорить о культе личности перестали. Между тем беззакония и, в частности, внесудебные преследования людей продолжались вопреки хрущевским заверениям.

Жена Абакумова вместе с сыном, который в тюрьме научился ходить и говорить, провела за решеткой 2 года 8 месяцев и вышла на свободу 9 марта 1954 года — следственное дело прекратили за отсутствием в ее действиях состава преступления. Она не претендовала ни на жилплощадь, ни на материальную компенсацию, а просила лишь вернуть ей детскую металлическую кроватку с матрасом и ее носильные вещи, в чем ей отказали. Десять месяцев ее не трогали, а 26 января 1955 года вызвали в милицию, чтобы

отобрать паспорт и выдать взамен другой — без права проживания в Москве. И сколько она ни писала Хрущеву, что пострадала, не будучи в чем-либо виноватой, что на новом месте жительства не может найти работу и хоть какой-нибудь угол, а у нее на иждивении четырехлетний сын и нетрудоспособная мать, все было без толку. О их жизни в ту пору я узнал от сына Абакумова, в чьей памяти запечатлелась такая картина: полутемная, продуваемая сквозняком мастерская, посередине длинный дощатый стол, утыканный крупными гвоздями, за столом женщины с каменными лицами молча вяжут авоськи из веревок, среди них его мать, а он, мальчуган, которому некуда было деться, жметя к ее ногам...

Два года спустя власть предержавшие вняли мольбам жены Абакумова и разрешили ей вернуться в Москву, после чего она уже не обременяла «нашего Никиту Сергеевича» докучливыми просьбами и сравнительно молодой умерла от опухоли мозга.

Родственники остальных обвиняемых в августе 1954 года, то есть еще до суда над их мужьями, отцами и сыновьями, были высланы из Москвы с запрещением проживать в режимных городах. В марте 1958 года им разрешили свободное проживание по всей территории СССР, за исключением Москвы, и лишь в декабре 1959 года полностью сняли паспортные ограничения. Среди высланных была жена полковника Комарова, вступившая с ним в брак за одиннадцать дней до его ареста.

Генерал-майор Леонов был женат на вдове офицера, павшего смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны, и усыновил ее маль-

чика от первого брака. Тот мечтал связать свою жизнь с армией и в 1951 году был курсантом военного училища. Сидя в «Матросской тишине», Леонов в письме успокаивал жену, заверяя ее, что мальчику ничего не грозит — ведь он, Леонов, только приемный отец, а раз его настоящий папа был героем, то пасынка не тронут. Еще как тронули.

Если громадная страна семьдесят лет с песнями и плясками живет по принципу «лес рубят, щепки летят», то у ее граждан естественное чувство чему-то удивляться мало-помалу притупляется. Однако, признаюсь, меня поразило механическое равнодушие железной метлы тогдашнего «закона». Мести тротуары мы разучились, а вот подчистую подметать людей — в этом, ей-ей, непревзойденные мастера. У генерал-полковника Гоглидзе до женитьбы на уже упомянутой Евлалии Федоровне была другая семья — жена и сын, с которыми он расстался в 1934 году. С тех пор они не поддерживали отношений, и сын, взявший в их конфликте сторону матери, в течение девятнадцати лет ни разу не видел своего высокопоставленного родителя. Тем не менее в 1954 году его, уже взрослого человека, отца двух детей, подвергли административной высылке в Казахстан. Что надо сказать по этому поводу? Спасибо, что не расстреляли. И вдобавок непременно отбить земной поклон у какого-нибудь портрета.

Вот почему всплыла в памяти строка А. Т. Твардовского, которую я поставил в заголовок этой главы. Впрочем, у меня был выбор: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

ВСПОМИНАЕТ ГЕНЕРАЛ АРМИИ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА П. И. ИВАШУТИН

В военной контрразведке я работал с финской войны, был тогда начальником особого отдела 23 стрелкового корпуса. В то время Абакумова лично не знал, познакомился с ним только в 1942 году, когда меня неожиданно вызвали в Москву с Северного Кавказа, где сражалась 47 армия, в которой я служил. Являюсь к Абакумову, как положено у военнослужащих, докладываю о прибытии и жду, что он скажет. Абакумов начал неторопливо расспрашивать о положении на нашем фронте, о работе особого отдела армии и мельком поинтересовался, большая ли у меня семья. Не знаю, ответил я, мои близкие пропали без вести при эвакуации. Абакумов пообещал навести справки, а сутки спустя вызвал в кабинет, чтобы сообщить, что моя семья в Ташкенте. Я обрадовался, а он сухо, без лишних слов, дал мне 72 часа на устройство личных дел и посоветовал не рассусоливать — на Центральном аэродроме приготовлен самолет.

Разыскал я жену, детей и родителей в глинобитной халупе без окон и отопления — и то, и другое заменял мангал, на котором готовили пищу. Товарищи из особого отдела Среднеазиатского военного округа помогли, выделили моей семье комнату, так что вернулся я из Ташкента по-настоящему счастливым. Поблагодарил Абакумова и попросил разрешения отбыть к месту службы. Абакумов сперва послал меня в ЦК ВКП(б) на беседу, а затем объявил, что я назначен начальником особого отдела Юго-Западного фронта.

С этим фронтом, впоследствии переименован-

ным в 3-й Украинский, я прошел до Победы. Абакумова видел редко — в 1943 году, когда Управление особых отделов Наркомата обороны преобразовали в ГУКР «Смерш», в июне 1945 года, нас тогда собрали в Москве, чтобы поставить задачи на послевоенный период, и в конце 1947 года, как раз перед денежной реформой, на очередном инструктивном совещании. Выступая перед начальниками фронтовых управлений «Смерш», Абакумов не пользовался шпаргалками, четко излагал свои мысли и говорил со знанием дела. Он постоянно предостерегал нас от скоропалительных решений, основанных на одной бдительности и не подкрепленных доказательствами.

За годы войны ГУКР «Смерш» фронтов из чисто контрразведывательного органа превратились в мощную разведывательно-контрразведывательную службу, занимавшуюся не только розыском вражеской агентуры, но и агентурной разведкой во фронтовом тылу врага. К концу 1942 года мы овладели обстановкой, переигрывали противника и своевременно докладывали командованию о его намерениях. Немцы пытались посеять рознь между народами СССР, разработали и пытались осуществить несколько сложных операций, направленных на подрыв нашего патриотического единства, но из этого ничего не получилось, планы их были сорваны. Принизать заслуги Абакумова в успешной работе ГУКР «Смерш» несерьезно, думаю, что этого не позволит себе ни один контрразведчик военного времени. Практические результаты деятельности «Смерш» оказались выше, чем у НКГБ, что и стало причиной выдвижения Абакумова.

Пять послевоенных лет я прослужил за гра-

ницей и лишь однажды воспользовался отпуском: Абакумов сам работал на износ и того же требовал от других. Он, однако, понимал людей, иногда считался с их нуждами — когда я в 1950 году попросился в Союз, Абакумов не стал возражать и подписал приказ о моем назначении начальником управления контрразведки Ленинградского военного округа. Это была наша пятая и последняя встреча.

К сожалению, у нас мало кто знает новейшую историю, она и по сей день толком не написана. А в поверхностных представлениях Берия и Абакумов соотносятся между собой примерно так же, как Гиммлер и Кальтенбруннер у немцев. Если применительно к Берии все это более или менее верно, то с Абакумовым дело обстоит не так. Говоря о нем, я не берусь ни обвинять, ни защищать его. Трагедия Абакумова в том, что он верой и правдой служил Сталину, беспрекословно выполнял все, что тот приказывал. Иной раз мне кажется, что, останься Абакумов во главе военной контрразведки, у него бы была другая судьба, но история не знает сослагательного наклонения. Мог ли Абакумов как-то повлиять на Сталина, в чем-то изменить карательную политику тех лет? Уверен в том, что не мог. Откажись он хоть единожды подчиниться, это бы ничего не изменило — Абакумов был бы немедленно расстрелян, а приказ исполнил бы тот, кого поставили на место Абакумова.

Оглядываясь на войну и критически оценивая некоторые операции Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, я точно так же не берусь обвинять военачальников, допустивших излишние потери в людях ради беспрекословного выполнения приказов Ставки, то есть Сталина. Рассуж-

дать задним числом легко, ответ известен заранее, а риск равен нулю. Да и кто бы позволил своевольничать в боевой обстановке? Для Сталина человеческая жизнь ничего не значила, трупом больше, трупом меньше, — ему это было безразлично.

ГИПОТЕЗЫ

В судьбе Абакумова многое и по сей день туманно. Кому и для чего понадобилось губить его? Какую роль в этом играли Маленков и Берия? Кто еще причастен к уничтожению Абакумова?

Поскольку нет точных данных, придется довольствоваться версиями, основанными на логических размышлениях.

Сталин твердо правил страной и постоянно тасовал кадры — ему нравилось, когда между соратниками разгорались склоки. Особое удовольствие ему доставляла борьба за «второй горизонт», за право считаться престолонаследником. В годы войны за Сталиным шел Маленков, а за ним, примерно на одном уровне, следовали Молотов, Берия, Вознесенский и Каганович, заметно опережавшие Андреева, Ворошилова, Жданова, Калинина, Микояна и Хрущева. Кстати, Маленков, Вознесенский и Берия тогда были только кандидатами в члены Политбюро. Всех троих повысили в 1946 году, но обретение более престижного партийного статуса не принесло им позиционных преимуществ. Напротив, все трое переместились, уступив место Жданову, ставшему фаворитом Сталина.

Жесткий и бесцеремонный Жданов теснит «товарищей по партии», невзирая на лица. «Товарищ

Сталин и я решили...» — с апломбом заявляет он, — и Маленков перебрасывается на работу в Среднюю Азию, Берия перестает курировать органы госбезопасности и сохраняет за собой только Комиссию по атомной энергии, а маршалы Жуков, Вершинин и адмирал Кузнецов покидают Министерство вооруженных сил СССР и получают назначения с понижением. В это же время Хрущева смещают с поста первого секретаря ЦК КП Украины и пересаживают в кресло Председателя Совмина республики. В правительстве Жданов опирается на Вознесенского, в партаппарате — на Кузнецова, сосредоточившего в своих руках подбор и расстановку руководящих кадров, а в вооруженных силах — на Булганина. Именно тогда Абакумов становится министром государственной безопасности.

Был ли Абакумов человеком Жданова? Люди, хорошо знавшие Абакумова, рассказывали мне, что он безоговорочно признавал одного Сталина. Но Абакумов, судя по всему, испытывал сильное влияние Жданова, разделял некоторые его взгляды и оценки. Например, в отношении к маршалу Жукову, которого Жданов смертельно ненавидел, а Абакумов, как мы убедились, считал крайне опасным человеком.

Чего достигал Жданов, выдвигая Абакумова? Бывший нарком госбезопасности Меркулов был приверженцем Берии, что явно не устраивало Жданова. В этом смысле молившийся одному богу Абакумов выглядел предпочтительнее, а другой подходящей кандидатуры не нашлось, ибо ГУКР «Смерш» был единственной чекистской службой, ранее не подвластной Берии, а Сталин при всем расположении к Жданову вряд ли бы согласился отдать МГБ кому попало.

Смерть Жданова, надо полагать, не обрадовала Абакумова. А Берия и Маленков, разумеется, воспряли духом. Однако Сталин, к огорчению «дорогих Л. П. и Г. М.», заговорил о разделении властей, называя Вознесенского своим вероятным преемником в правительстве, а Кузнецова — в ЦК ВКП(б). Шутил он или говорил всерьез — кто это может знать, но с этого дня Вознесенский и Кузнецов были обречены. Здесь и надо искать истоки «ленинградского дела», используя классический подход — кому выгодно?

В выигрыше оказались двое — Маленков и Хрущев. Первый вернул себе все, утраченное при Жданове, а второй возглавил кадровую работу в ЦК. Быть может, оба они ни при чем, а всю черную работу проделал за них кто-то третий? Так не бывает. Берия тоже не стоял в стороне, он вложил свою лепту в свержение «ленинградцев». То обстоятельство, что он не участвовал в дележе власти, ровным счетом ничего не доказывает — иногда навар получают не сразу, а спустя некоторое время.

Поговаривают, что Абакумова намеревались сжить со света заодно с «ленинградцами», но Сталин якобы воспротивился. Трудно сказать, так было или нет, хотя исключать этот вариант нельзя — слишком велик соблазн завладеть МГБ. Однако слово Сталина перевесило, благодаря чему Абакумов продержался еще год.

Впоследствии Маленков сказал в узком кругу: «Я избавил вас от Абакумова!» Почти то же самое говорил и П. К. Пономаренко, в ту пору один из секретарей ЦК ВКП(б). Думаю, что здесь нет существенного противоречия, так как Пономаренко всецело ориентировался на Маленкова. Для них обоих, с высоты занимаемого положе-

ния, подполковник Рюмин казался тараканьей мелкотой, однако его заштатность в данном случае пошла на пользу — донос ничем не примечательного, рядового чекиста при известной сноровке посредников мог прозвучать как глас народа, в то время как генеральская кляуза могла возбудить подозрения Сталина. Как действовал Рюмин — на свой страх и риск, либо по наущению сильных мира сего? — эту тайну он унес в могилу. Важно то, что донос Рюмина был передан Сталину из рук в руки кем-то из секретарей ЦК — то ли Пономаренко, то ли самим Маленковым. А дальше Берия и Маленков убедили Сталина, что Абакумову больше нельзя доверять.

Сменивший Абакумова Игнатъев был ставленником Маленкова, но Берия тоже не пронес ложку мимо рта — внедрил в МГБ генерал-полковника Гоглидзе, чтобы тот учил партаппаратчика Игнатъева чекистскому уму-разуму, по-товарищески делился своим многообразным опытом. А стремительное возвышение Рюмина, который был Игнатъеву, что называется, ни к чему, — это монаршеская милость Сталина, смело выдвигавшего «самородков».

Вопреки мнению недостаточно информированных подростков из организации «СДР», Маленков не был антисемитом. Не был таковым и Берия. Вероятно, Рюмин, с азартом распутывая нити им же придуманного заговора еврейских буржуазных националистов, вел дело на свой страх и риск. Крылатая фантазия вознесла Рюмина в заоблачные выси, она же его и подвела — он выдал Отцу народов столько краткосрочных векселей, что оплатить их оказалось не под силу, а Сталин не терпел пустобрехов.

Здесь, пожалуй, не обойтись без пояснений.

Мерещившиеся Сталину заговоры отнюдь не лишили его проницательности, все обвинения нужно было подкреплять более или менее убедительными доказательствами. А какие факты были у Рюмина? Только признания арестованных во вражеской деятельности в пользу иностранных разведок. На кого конкретно работали арестованные, за сколько продали врагам нашу державу, где, с кем и когда встречались, чтобы получать задания от агентов империализма, кем были сами агенты, кто из них пойман с поличным и какие дал показания, — все это преподносилось Сталину в общих чертах. Тяготевший к точности Сталин ждал, грозил, а потом вызвал Игнатьева и в гневе потребовал, чтобы «шибздика» (Рюмин был очень мал ростом) убрали. Игнатьев обрадовался и мигом сплавил Рюмина на низовую работу в Министерство госконтроля.

Четыре месяца спустя Рюмина по приказу Берии взяли. И тогда выяснилось, что, преследуя евреев, он руководствовался собственными убеждениями, один к одному позаимствованными из небезызвестных протоколов сионских мудрецов. Мне довелось познакомиться с письмами Рюмина из Лефортово в адрес Маленкова. Эти послания размером с банные полотенца невозможно читать без лупы — в тексте нет интервалов между словами и между строчками. Вкратце пересказать их содержание не берусь — они охватывают события от Ветхого завета до наших дней, — попытаюсь лишь передать их эмоциональный накал. Обращаясь к Маленкову, Рюмин поражается людской слепоте вообще и слепоте Маленкова в частности. Господи, да как же умный Георгий Максимилианович, верный ученик и продолжатель дела великого Сталина, все еще не сообразил, что евреи

куда опаснее всех атомных и водородных бомб, вместе взятых! Они, эти самые евреи, если их вовремя не остановить, заставят все человечество харкать кровью. Он, Рюмин, грудью встал на ихнем пути, а его, вместо того чтобы честь по чести наградить за проявленную бдительность, гноят в карцере Лефортовской тюрьмы и морят голодом. Не пора ли прозреть?! Ротшильды, рокфеллеры и бен-гурионы всех мастей и оттенков самодовольно потирают руки, предвидя скорую победу международного еврейства, а мы даже не чешемся! Он, Рюмин, чист перед партией, ему не в чем оправдываться, а вот Георгию Максимилиановичу стоит призадуматься, не то будет поздно!

Насколько я понял, письма Рюмина не дошли до Маленкова, единственными их читателями были следователи, в глаза и за глаза потешавшиеся над Рюминым.

Смерть Сталина поставила на повестку дня острейший вопрос — кто возглавит страну победившего социализма? В желающих не было недостатка, однако на первых порах до драки не дошло — решили править гуртом, обозначив этот способ звучным термином «коллегиальность». Всех это вроде бы устроило как нельзя лучше, но согласие оказалось обманчивым и непродолжительным.

Как дальше развернулись события? Вернее сказать, с чего все началось?

В последние годы жизни Сталина Маленков и Берия держались вместе не по дружбе, а в силу необходимости — тесное взаимодействие помогало выжить и упрочить свое положение в Кремле. Когда же Сталин умер, то быстро обнаружилось, что их цели не совпадают. Пример налицо. По инициативе Маленкова на мартовском (1953 года)

Пленуме ЦК КПСС Игнатьева избрали секретарем ЦК, курирующим правоохранительные органы. Берии маленковский соглядатай был совершенно ни к чему, и он, действуя рука об руку с Хрущевым, месяц спустя добился смещения Игнатьева за нарушения социалистической законности в следственном аппарате бывшего Министерства государственной безопасности, которое тот возглавлял в течение полутора лет. Игнатьева не предали суду, а только отправили в почетную ссылку, назначив первым секретарем Башкирского обкома КПСС.

Резкий маневр Берии насторожил Маленкова. Еще в конце тридцатых годов он по достоинству оценил коварство Берии, а теперь понял, что человек в пенсне вряд ли станет плясать под чужую дудку. Это при Сталине Берия не смел поднять головы, зная, к чему это приведет, а в обстановке провозглашенной партией коллегиальности руководства запросто накинёт удавку на членов Президиума ЦК. Поэтому предложение Хрущева нанести упреждающий удар по Берии пришлось как нельзя кстати.

Против ожидания, арест Берии не укрепил, а ослабил позиции Маленкова. Хрущев, которого Маленков и Берия ошибочно считали шутком гороховым, мало-помалу прибрал к рукам столько власти, что Маленкову приходилось все чаще уступать. Назревал неизбежный конфликт, в котором Маленкову довелось испытать горечь поражения.

Политологи находят, что Маленкову не доставало лидерских качеств. Утверждение это спорное, но я не хочу вступать в полемику и выскажу другое предположение, которое, быть может, кому-то покажется парадоксальным: в борьбе за

власть Маленкова подвело клишированное мышление, абсолютно чуждое Хрущеву. Оба они — и Маленков, и Хрущев, — были изрядно замешаны в злодеяниях тридцатых, сороковых и начала пятидесятих годов, однако Маленкову не пришло в голову, оставляя себя в стороне, с пафосом обвинять коллег в том, что их руки по локоть в крови, тогда как Хрущев пошел на это, не моргнув глазом. И еще — взяв курс на коллегиальность руководства страной, Маленков сам подпилил сук, на котором сидел. Коллегиальность — категория демократическая, а тоталитарный режим не имел и принципиально не мог иметь ничего общего с подлинной демократией. Хрущев тоже не был силен в теории, но крестьянская сметка подсказала ему, что лучше быть первым, нежели вторым, третьим или пятым, и, не безгугя ничем, он добился своего.

Эта борьба была длительной, напряженной и бескомпромиссной, во всяком случае для Хрущева. Если Маленков, вероятно, допускал возможность перераспределения сфер влияния в пользу Хрущева при условии сохранения за собой функции знаменосца, то Хрущева устраивала только безоговорочная капитуляция. Когда же чаша весов начала клониться в сторону Хрущева, Маленков вспомнил про Абакумова и решил приберечь его — ведь после расстрела бериевцев он был одним из немногих, кто знал обо всех злодеяниях власть имущих, в том числе и Хрущева.

Выдвигая эту гипотезу, я основываюсь на том, что торопил следствие и пытался форсировать события генерал-полковник Серов, человек Хрущева, а притормаживать, кроме Маленкова, было некому.

Абакумова отдали под суд в декабре 1954 года, а Маленкова освободили от обязанностей Председателя Совета Министров СССР позднее — в феврале 1955 года. Нет ли здесь противоречия? Думаю, что нет. Для политической борьбы характерны ситуации, когда чья-то победа формально еще не зафиксирована, хотя оба противника уже знают, кто возьмет верх. К концу 1954 года Маленков фактически уступил Хрущеву лидерство и сохранял лишь видимость первого лица. Почему же он не использовал Абакумова? Одно из двух: либо не решился, либо упустил подходящий момент для контратаки.

Еще один веский довод в доказательство того, что Хрущев стремился как можно быстрее разделаться с Абакумовым — его расстреляли через час с четвертью после оглашения приговора, в то время как, к примеру, Рюмин при прочих равных условиях прожил еще две недели и успел подать ходатайство о помиловании, которое было отклонено по заключению Прокуратуры Союза. Сразу же по окончании процесса над Абакумовым Генеральный прокурор СССР Руденко позвонил из Ленинграда в Москву, рубленой фразой доложил Хрущеву о выполнении задания и спросил, можно ли закругляться. Получив утвердительный ответ, Руденко не стал мешкать. Едва ли Абакумов унизился бы до ходатайства о помиловании, но то, что его лишили этой возможности, — установленный факт.

Во время этого телефонного разговора рядом с Руденко стоял Н. М. Поляков, тогда секретарь Военной коллегии Верховного суда СССР, у которого я и узнал подробности. Н. М. Поляков объяснил звонок Руденко желанием покрасоваться близостью к Никите Сергеевичу, а мне данный

факт подсказал нечто иное — приговор по делу Абакумова был predetermined задолго до оглашения. Не берусь утверждать, принималось ли по Абакумову специальное решение Президиума ЦК КПСС, как в случае с Вознесенским, Кузнецовым и другими, но четкое указание Хрущева было, в этом нет ни малейших сомнений.

Почему Хрущев так энергично спровадил Абакумова на тот свет? Чего он опасался?

Определенно ответить на эти вопросы крайне сложно, — находясь у власти, Хрущев позаботился о том, чтобы изобличавшие его документы были уничтожены. Но живы еще старожилы Лубянки, работавшие под руководством С. Ф. Реденса в Московском управлении НКВД. Они рассказали мне, что в 1937 году Хрущев ежедневно звонил и спрашивал, как идут аресты. «Москва — столица, — по-отечески напоминал Никита Сергеевич, — ей негоже отставать от Калуги или от Рязани...» Живы и те, кому поручалось уничтожение порочивших его документов. Захотят они рассказать правду или нет — это другой вопрос.

Известно, что незадолго до смерти Маленков обращался к Андропову в КГБ СССР и приводил доказательства преступных действий Хрущева в годы сталинизма.

Словом, противозаконные действия Хрущева — тропа не торная, она ждет своего исследователя.

ВИНА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Может ли военный служащий считаться изменником Родины, если он неукоснительно выполнял приказы главы правительства? По-видимому, нет — всякое законное правительство формально

выражает интересы государства. Далее, можно ли его, этого военнослужащего, признать вредителем и террористом, если глава государства, чьи приказы выполнялись подсудимым, не признан таковым? Тоже нет, это азбучная истина. И, наконец, может ли подсудимый, в данном случае Абакумов, быть осужденным за участие в контрреволюционной организации или группе, которой не было в помине?

Мне могут возразить — ведь Абакумов осужден не один, с ним вместе приговорили к расстрелу и к иным тяжким наказаниям нескольких его подчиненных, действовавших совместно и, значит, представлявших собой группу. С этим нельзя согласиться, ибо не всякое сообщество людей, вместе совершивших какое-либо противоправное действие, имеет обязательные признаки группы. Для этого должен быть доказан предварительный сговор, чего в деле Абакумова и других не было. А если учесть, что их действия инспирировались Сталиным и что предварительный сговор с диктатором принципиально невозможен — он отдает приказы, а подданные их выполняют без пререканий, — то вообще не о чем говорить.

Хотя нет, один аргумент в пользу существования организации все же остается — и сам Сталин, и все осужденные по делу Абакумова были членами мощной группы единомышленников, тогда называвшейся Всесоюзной коммунистической партией большевиков. Но, насколько я знаю, никто еще не ставил вопроса о признании ВКП(б) контрреволюционной организацией и, надеюсь, не поставит.

Таким образом, у меня сложилось четкое мнение, что приговор Военной коллегии Верховного

суда СССР по делу Абакумова и других был неправосудным.

Ни минуты не сомневаюсь, кто-то из читателей наверняка воскликнет: «Поня-ятно! Автор последовательно готовил именно этот вывод, потому что его симпатии на стороне Абакумова!»

Скажу откровенно, из людей, чьи судьбы отражены на этих страницах, я целиком и полностью симпатизирую только вице-адмиралу Леониду Георгиевичу Гончарову. Мои симпатии принадлежат также женам, детям и родителям всех осужденных безотносительно к тому, были ли они, сами осужденные, виноватыми. Важно то, что уголовное либо административное преследование по признаку родства немыслимо ни в одном цивилизованном государстве.

Что же касается Абакумова, то мое отношение к нему противоречивое, двойственное: какая-то мера искренней симпатии соседствует и, признаюсь, не слишком мирно уживается с активным неприятием. Каким бы человек по фамилии Абакумов ни был, пытки и мучения, выпавшие на его долю, не могут не вызвать сочувствия и сопереживания у каждого, кто еще не очерствел окончательно. Нелепо осуждать сталинских узников, не выдержавших моральных и физических мук, — и мужество, и способность переносить боль и гнет унижений имеют свои пределы. Но если кто-то, как Абакумов, выстоял и не согнулся там, где другие, быть может куда более достойные, ломались и соглашались на все, вплоть до участия в судебных фарсах, то отказывать стойким людям в уважении, по-моему, аморально — есть случаи, когда даже смертельный враг заслуживает уважения.

Давно замечено, что между львом и шакалом,

между волком и хорьком есть ощутимая эстетическая разница — крупные, сильные, уверенные в себе и смелые носители зла всегда привлекательнее. И если Абакумова поставить рядом с такими же его современниками из окружения Сталина, как Маленков, Берия, Хрущев и Каганович, то сравнение будет в пользу Абакумова. Он не был политиком в полном смысле этого слова и привлекает цельностью, прямоотой, тогда как они со всеми их гангстерскими повадками, фарисейством, тягой к интригам, к подсиживанию оставляют чрезвычайно гадкое впечатление.

Не стоит сбрасывать со счетов и заслуги Абакумова в Великой Отечественной войне. Можно по-разному относиться к военной контрразведке и неоднозначно оценивать ее деятельность в тот период времени — ведь были и перегибы, и ни в чем не повинные жертвы из числа советских военнопленных и жителей оккупированных немцами территорий, но весомый вклад ГУКР «Смерш» в нашу победу очевиден, это бесспорно.

Можно ли оценивать личность Абакумова без учета массовых злодеяний и беззакония, совершенных в Министерстве государственной безопасности? Нет, это никогда не будет оправдано ни нами, ни нашими потомками.

Надо сказать, что некоторые из нас во весь голос объявляют олицетворением зла целые ведомства, ответственные за безопасность государства. Игнорировать это мнение едва ли разумно, голословное отрицание ничуть не лучше голословного утверждения, поэтому я ненадолго задержусь на рассмотрении того, что здесь, на мой взгляд, справедливо, а что нет.

Когда я слушаю страстные филиппики в адрес органов прокуратуры, внутренних дел и госбезо-

пасности, то стараюсь разгадать, что в каждом отдельном случае движет обличителями — политический расчет или же святая простота, неспособность разобраться в причинно-следственных связях сложных общественных явлений? Концентрировать гнев на органах правопорядка — все равно что выплеснуть сгусток ненависти на кулак, которым некогда ударили вас или ваших близких, вместо того, чтобы задуматься над тем, чей мозг дал команду бить. Во все времена и при всех общественно-экономических формациях органы подавления были точным подобием и отпечатком верхнего эшелона власти. В этом смысле казарменный социализм — не исключение. А утверждение, будто ЧК, НКВД и МГБ наносили тяжкий урон стране именно тогда, когда по злой воле своих руководителей выходили из-под контроля ЦК ВКП(б) — миф, пущенный в обращение теми, кто отлично знал, что и зачем творит. Ведь работники органов, фигурально выражаясь, не композиторы, а оркестранты, исполняющие под управлением дирижера, коим была партия, ею сочиненную музыку.

Когда говорят о всеобщей, коллективной вине, вольно или невольно подразумевают коллективную безответственность. Ответственность должна быть только персональной, иначе она ни при каких обстоятельствах не будет действенной. А для этого не обойтись без уточнения степени вины, определяющей меру ответственности преступившего закон человека.

Интересно, как бы повел себя каждый из нас, окажись он или она на месте Абакумова? Исчерпывающий ответ на поставленный мною вопрос сможет дать только тот, кто способен на серьезное психологическое перевоплощение, ибо при-

мерка маски Абакумова ни к чему не приведет — нужно не скользить по поверхности явлений, а внедряться в их суть, в ткань того времени и господствовавших в ту пору нравов. Если для нас, доживших до гласности, профессор Этингер, академик Юдин и подростки из организации «СДР» — ни в чем не повинные люди, то по тогдашним законам, они — контрреволюционеры и подлежали осуждению за антисоветскую агитацию. Подчеркиваю, все это было не заблуждением сталинских верноподданных, а действовавшей, всеми признанной нормой советского уголовного права. И преданность Сталину надо рассматривать не как способ преуспеть в жизни, а как искреннюю веру в его мессианское предназначение, как, если угодно, разновидность религиозного фанатизма. Кстати, последнее подтверждается тем фактом, что в руководстве органов госбезопасности и их следственного аппарата не случайно доминировали необразованные люди — Великий Зодчий казарменного социализма знал, на кого можно положиться.

Выполняя палаческие приказы Сталина, Абакумов мог добросовестно заблуждаться и считать, что поступает правильно, но мог и понимать, что творит непростительное зло. Допустим, он все понимал. А коли так, то был ли у него выбор? Реальная возможность выбора была у него в 1932 году, когда ему, грузчику, сыну больничного истопника и уборщицы медполитехникума имени Клары Цеткин, предложили перейти в НКВД. Но даже это надо воспринимать в духе того времени, когда человеку в военной форме с готовностью уступали место в трамвае, в стране царил ура-патриотизм, а армия и органы были окружены всеобщей заботой и любовью. У мини-

стра Абакумова выбора не было, если, конечно, не считать самоубийства.

Итак, сформулирую вывод: Абакумов действовал в условиях крайней необходимости и выполнял волю Сталина.

«Ну и что из этого? — энергично возразят некоторые читатели. — Наша страна на Нюрнбергском процессе вместе с другими державами-победительницами отстаивала безупречный правовой тезис: исполнение преступного приказа не освобождает от ответственности исполнителя!»

Мне, как говорится, нечем было бы крыть, если бы не одно «но» — есть сколько хотите случаев, когда мы неоднократно присоединяемся к различным международно-правовым актам и забываем распространить их действие на собственное законодательство. Подобные прецеденты имели и все еще имеют место в отношении к Хельсинкским и Венским соглашениям, а не только к Нюрнбергским. В нормах советского уголовного права вопросы об ответственности за исполнение незаконного приказа единообразно не регулируются. Применительно к условиям гражданской службы правовая теория и судебная практика исходят из того, что незаконный приказ начальника не является обязательным для исполнения. Подчиненный, сознавая его незаконный характер, подлежит ответственности за умышленное совершение общественно опасного деяния.

В отличие от общеуголовного законодательства, закон об уголовной ответственности за воинские преступления признает неповиновение или иное неисполнение приказа начальника опасным воинским преступлением, а точное выполнение приказа начальника освобождает подчиненного от ответственности как за его действия, так и за

их последствия. Это касается и тех возможных случаев, когда приказ является незаконным или когда подчиненный сомневается в законности приказа, но выполняет его предписания. Юридическим основанием для освобождения подчиненного от ответственности служат требования военной присяги и воинских уставов о беспрекословном повиновении начальникам и незыблемости их приказов для подчиненных.

Приношу свои извинения читателям, утомил их юридической терминологией, но когда речь идет о законе, приблизительность формулировок недопустима.

Итак, что из этого следует? Поскольку закон не содержит каких-либо изъятий в зависимости от воинских званий начальника и подчиненного, я, в меру своего разумения, не усматриваю законных оснований для уголовного преследования генерал-полковника Абакумова за выполнение любых приказов генералиссимуса Сталина.

Мертвые люди земному суду не подлежат, можно говорить только об их нравственной ответственности перед историей. А она, эта нравственная ответственность, должна базироваться на единстве закона, быть равной для всех без исключения вне зависимости от сегодняшних общепринятых оценок. А с чем мы сталкиваемся? Возьмем для примера двух советских прокуроров — Вышинского и Крыленко. Первый числится в «плохих» — он автор «царицы доказательств» и государственный обвинитель на нашумевших «московских» процессах тридцатых годов. Второй, наоборот, «хороший» — он необоснованно репрессирован, а впоследствии посмертно реабилитирован. Но реабилитация Крыленко состоялась в те годы, когда никому не приходила

на ум объективная оценка сфабрикованных процессов начала тех же тридцатых годов, где не кто иной, как сам Крыленко клеймил русскую интеллигенцию за принадлежность к никогда не существовавшим промпартии и «союзному бюро» меньшевиков. Может быть, следует подробнее изучить роль Крыленко в этих трагедиях и уж тогда решать, стоит ли он на одной доске с Вышинским или все-таки на разных?

Точно так же, на мой взгляд, обстоит дело и с Абакумовым. Если мы действительно идем к правовому государству и намерены руководствоваться тезисом о безусловном единстве закона, то почему, обоснованно подвергая нравственному осуждению Абакумова и трех его предшественников, не причисляем сюда и основоположников ВЧК — ОГПУ? Ведь и при них имели место массовые репрессии и бесчисленные преступления против человечности, что подтверждено рядом убедительных доказательств. Или их дегероизация не входит в планы наших маститых идеологов?

Не хочется углубляться в эту материю, это самостоятельная тема, но одно, по-моему, совершенно очевидно — казарменный социализм был не только бесперспективной в экономическом и социальном отношениях системой, но и от начала до конца преступной.

КОММЕНТАРИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЮСТИЦИИ А. Ф. КАТУСЕВА

Документальное повествование о жизни и смерти министра Абакумова подошло к концу. Что можно сказать напоследок?

Не сомневаюсь, что правдиво написанная

«Голгофа» заинтересует широкую читательскую аудиторию и вызовет много споров. Не во всем авторская позиция совпадает с моей, что вполне естественно — сколько людей, столько мнений. В частности, мне представляется неточным суждение автора об органах правопорядка тех лет как об орудиях репрессий в руках партии. Нет, не партия была композитором и дирижером для исполнителей трагедии миллионов советских людей. Сталин, Маленков, Молотов, Каганович, Хрущев, Жданов и другие в их ряду рассматривали партию таким же инструментом укрепления личной власти, как и названные органы. Об этом свидетельствуют материалы о массовых репрессиях коммунистов нашей страны и многих деятелей международного коммунистического движения.

Здесь уместно вспомнить шифрованную телеграмму Сталина, направленную 10 января 1939 года секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел и начальникам управлений НКВД:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с разрешения ЦК ВКП(б). Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как

совершенно правильный и целесообразный метод».

Оставив на время юридическую оценку этой телеграммы, заметим, что ею Сталин от имени ЦК ВКП(б) пресекал попытки партийного аппарата и коммунистов на местах противостоять беззаконию в деятельности органов НКВД. В отношениях с «органами» партия, связанная принципами демократического централизма сталинского толка, не могла быть дирижером. Ее членам предопределялась лишь роль активных разоблачителей так называемых вредителей, изменников и шпионов. Что же до правовой оценки деяний Абакумова и его подчиненных, то здесь я обязан высказать свою точку зрения, отличающуюся от авторской.

По жалобе осужденного в 1954 году гражданина Чернова И. А. Главная военная прокуратура изучила материалы уголовного дела Абакумова и других и, приняв во внимание некоторые вновь открывшиеся обстоятельства, установила, что Абакумов, Леонов, Лихачев, Комаров, Чернов и Броверман были привлечены к уголовной ответственности по статьям 58 — 1(б), 58 — 7, 58 — 8 и 58 — 11 УК РСФСР (в редакции 1926 года) незаконно и необоснованно.

Из материалов уголовного дела следует, что аресты военачальников, крупных ученых, партийных и государственных деятелей производились Абакумовым по распоряжениям Сталина и других руководителей партии и правительства. То же самое следует и из заключения Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, от 5 марта 1988 года, где по поводу су-

дебного процесса над Абакумовым, в частности, отмечено:

«Судебное разбирательство проходило до XX съезда партии, когда факты о преступлениях И. В. Сталина и его ближайшего окружения еще не были обнародованы. К тому же Маленков, один из главных вдохновителей «ленинградского дела», в то время занимал пост Председателя Совета Министров СССР. Кузнецов, Попков, Родионов, Лазутин и Соловьев были арестованы 13 августа 1949 года в кабинете Маленкова, а Вознесенский арестован на основании решения Пленума ЦК ВКП(б), проходившего 12—13 сентября 1949 года. Для получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Вопрос о физическом уничтожении указанных ленинградских руководителей фактически был предрешен до окончания судебного процесса постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 сентября 1950 года».

Обвинение Абакумова в том, что он был выдвинут Берией на пост министра государственной безопасности СССР и являлся соучастником преступной заговорщической группы Берии, также опровергается имеющимися в деле доказательствами.

Незаконность привлечения осужденных к уголовной ответственности за государственные преступления основывается, кроме того, на следующем:

— статья 58 — 1(б) предусматривает ответственность за преступные действия по измене Родине, выразившиеся в выдаче военной или государственной тайны, в переходе на сторону врага,

в бегстве или в перелете за границу; эти деяния должны совершаться умышленно, быть направлены в ущерб военной мощи Союза ССР, его территориальной неприкосновенности. Ни одного из перечисленных признаков в действиях осужденных не содержится, в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства они не были выявлены и установлены;

— как вредительство, так и террористические акты совершаются с целью подрыва и ослабления Советского государства и власти и только с прямым умыслом. Однако в показаниях осужденных и в других материалах это не установлено. Напротив, все осужденные заявляли, что действовали в интересах Коммунистической партии и Советского правительства, выполняли указания Сталина, считая это большим доверием к себе и веря в законность своих действий, направленных на укрепление безопасности СССР;

— по этим же основаниям не содержится в их действиях и такого состава преступления, как участие в контрреволюционных организациях.

Под все эти формулировки действовавшего уголовного закона не подпадало совершенное Абакумовым. Да и с позиций здравого смысла невозможно усмотреть в логике его поведения умысел на государственные преступления. Он верно служил Сталину и созданному тем тоталитарному государственному режиму, называемому сегодня казарменным социализмом. Законность же должна, по моему глубокому убеждению, распространяться на правовые оценки и тех лиц в истории нашей страны, кто сам не считался с законностью.

Вместе с тем, в материалах уголовного дела содержится достаточно данных и доказательств,

что осужденные Абакумов, Леонов, Лихачев, Комаров и Броверман, будучи должностными лицами в Народном комиссариате, а затем в Министерстве государственной безопасности СССР, на протяжении длительного времени систематически злоупотребляли властью и превышали ее, что повлекло за собой наступление особо тяжких последствий: применение к арестованным физических мер воздействия, фальсификацию уголовных дел и смерть сотен невинных людей. Эти действия осужденных представляли собой воинское должностное преступление и подлежали квалификации по статье 193 — 17 п. «б» УК РСФСР тех лет.

Мнение К. Столярова о несовершенстве действующих законов, о воинских преступлениях и, в частности, об уголовной ответственности военнослужащих за неповиновение или иное неисполнение приказа начальника не вызывает у меня принципиальных возражений. Упомянутые нормы действительно должным образом не регулируют уголовную ответственность за выполнение незаконных приказов, вследствие чего Прокуратура СССР внесла свои предложения об их уточнении в новых Основах уголовного законодательства Союза ССР. Однако наше заключение о виновности Абакумова и других в злоупотреблениях и превышении власти не имеет непосредственного отношения к дискуссиям вокруг теории и практики оценки незаконного приказа. Абакумов и некоторые его подчиненные совершили нарушения при производстве дознания и предварительного следствия, то есть в сфере судопроизводства, где нет места приказу и должен властвовать только закон.

Шифротелеграммой от 10 января 1939 года, цитированной выше, пытки и истязания подследственных Сталин санкционировал от имени ЦК ВКП(б), а никакая партия и ее высший орган не правомочны подменять законодателя. Работник органов правопорядка любого ранга, независимо от собственных убеждений и партийной принадлежности, обязан руководствоваться исключительно законом и несет индивидуальную ответственность за его нарушение. Это принципиальное положение содержалось в законодательстве того периода, подтверждено ныне действующим и остается актуальным.

Таким образом, я как заместитель Генерального прокурора СССР счел своим долгом подготовить надзорный протест в Верховный суд СССР и поставить вопрос об отмене приговора от 19 декабря 1954 года и переквалификации действий Абакумова, Леонова, Лихачева, Комарова и Бровермана на статью 193 — 17 п. «б» УК РСФСР (в редакции 1926 года). Уголовное дело в отношении Ивана Александровича Чернова должно быть прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Это позиция прокурора, а окончательное решение за высшей судебной инстанцией страны.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Документальную повесть «Генерал-полковник Абакумов» под заголовком «Голгофа» впервые опубликовали весной 1991 года, когда Верховный суд СССР еще не вынес определения по делу Абакумова. Но, подчеркиваю, к этому времени между руководством высшей судебной инстанции и Прокуратурой СССР была достигнута принципиальная договоренность об удовлетворении надзорного протеста, чему я явился невольным свидетелем. Все вроде бы сводилось к процедурным формальностям, однако жизнь показала, что это далеко не так.

Как же развернулись события вокруг дела Абакумова на протяжении последующих лет?

Для начала надзорный протест, подготовленный А. Катусевым и подписанный Генеральным прокурором СССР Н. Трубиным, возвратили с Поварской улицы обратно на Пушкинскую по основаниям, скажем так, сугубо технологического характера: коль скоро Чернов подлежит полной реабилитации, тогда как Абакумов и другие осужденные — только переквалификации ими содеянного, надо, мол, представить на рассмотрение не один общий, а два отдельных документа.

Сказано — сделано: из ранее составленного протеста изъяли все, так или иначе связанное

с Черновым, и дополнительно подготовили прокурорское заключение по вновь открывшимся обстоятельствам в деле Чернова.

О чем же шла речь в этом заключении? Во-первых, все признательные показания Чернова на предварительном следствии, как явствовало из текста, были получены в результате применения к нему мер физического воздействия, что нашло подтверждение в протоколах допросов бывших работников Следственной части по особо важным делам МГБ и МВД, а также в показаниях бывшего начальника Внутренней тюрьмы Миронова и бывших начальников Лефортовской тюрьмы Дуринова и Захарова. Во-вторых, Чернов, исполняя должность начальника секретариата МГБ СССР, в допросах арестованных не участвовал и процессуальным лицом правоохранительных органов не являлся, а потому не может нести уголовную ответственность за фальсификацию протоколов следственных действий. И наконец, в-третьих, направляя жалобы и заявления арестованных не тем, кому они были адресованы, а в Следственную часть МГБ, Чернов выполнял указания своего непосредственного начальника — министра Абакумова, и эти его действия не противоречили требованиям главы 18 УПК РСФСР (в редакции 1926 г.). Поскольку других обвинений ему не предъявлялось и доказательств его виновности не установлено, уголовное дело в отношении И. А. Чернова подлежит прекращению за отсутствием состава преступления.

А теперь зададимся правомерным вопросом: где же здесь открытие чего-то нового, хоть какая-нибудь малюсенькая деталь, ранее неведомая суду и следствию?

Ведь бывшие следователи и бывшие началь-

ники тюрем МГБ допрашивались в 1953—1954 годах в связи с делом Берии и его ближайшего окружения, а также по обстоятельствам незаконного привлечения к уголовной ответственности евреев-врачей и так называемых мингрельских националистов. Иными словами, абсолютно все, что они творили с арестованными, в том числе и с Черновым, было доподлинно известно государственному обвинителю Руденко задолго до Ленинградского процесса по делу Абакумова. Что же касается остальных обвинений, в свое время предъявленных Чернову, то и тогда, в 1954 году, они, оказывается, не стоили и выеденного яйца, не основывались на законе. Отсюда невольно напрашивается вопрос — а есть ли разница между Руденко и Вышинским?

Короче говоря, оба упомянутых выше документа 2 августа 1991 года снова попали в Верховный суд СССР и должны были рассматриваться на очередном пленуме, в третьей декаде того же месяца. Но 19 августа, как мы помним, грянул путч, из-за чего пленум отложили. А когда его проводили в последний раз перед распадом Советского Союза, дело Абакумова тихо-тихо сняли с повестки дня. Почему? Точной мотивировки я не знаю, однако догадываюсь, что высокие судьи, выражаясь словами классика, убоялись «княгини Марьи Алексевны». Дельце-то, сами понимаете, пресловутое, одиозное, какой же резон под занавес клеить на себя сомнительного свойства ярлык?

А Чернов? С ним ведь все яснее ясного! Э нет, каким-то концом восьмидесятипятилетний чекист связан-таки с Абакумовым, а того стоустая молва сплела в неразрывный клубок с Берией. Так что все это, извините, дурно пахнет. Да и зачем де-

лать то, к чему душа не лежит? А потом ярмо изменника Родины не мешало Чернову после отбытия наказания трудиться в бригаде по наземному обслуживанию ракетно-космических комплексов на Байконуре, куда кого попало не брали. Словом, жил старикан четверть века на воле без реабилитации, как-нибудь протянет и дальше.

Не подумайте, что я преувеличиваю, моделируя размышления судей. После выхода в свет «Голгофы» меня неоднократно упрекали в незаслуженном милосердии к Чернову. Например, генерал-лейтенант Б. Викторов, долгие годы проработавший заместителем у министра внутренних дел СССР Н. Щелокова и, вскользь замечу, бывший главным консультантом телевизионного цикла «Следствие ведут знатоки», в довольно резкой форме заявил мне, что возмущен моей позицией. «Как вы могли оправдывать Чернова, коли последний, фактически распоряжаясь денежным спецфондом Абакумова, на службе выпивал и закусывал за казенный счет?» — гневно вопрошал Викторов. «Разве Чернова в этом обвиняли?» — «Нет, но...» — «Стоп! — тотчас воскликнул я. — Раз не обвиняли, то и говорить не о чем. А если даже Чернов кое-когда выпил даровой коньяк, то пытки и пятнадцать лет лагерей слишком дорогая плата за халяву, не правда ли?..»

Чем мне нравилась советская юстиция, так это образцовым порядком в делопроизводстве. Бумаги там не терялись, а четко шли по конвейеру. И надзорный протест по делу Абакумова, разумеется, не пропал без вести — по проторенной дорожке 20 января 1992 г. его опять вернули с Поварской улицы на Пушкинскую. С какой формулировкой? Нипочем не угадаете — «в связи с ликвидацией Верховного суда СССР». Лихо?

А что Верховный суд Российской Федерации к тому времени стал его полноценным правопреемником — это, как видно, никому не пришло в голову.

Что же последовало дальше?

20 февраля 1992 года помощник Главного военного прокурора, полковник юстиции Н. Анисимов (ныне генерал-майор), в соответствии с пунктом «а» статьи 3 и статьей 8 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. (этот закон существенно расширил права органов прокуратуры в части реабилитации невиновных. — К. С.) признал гражданина Чернова реабилитированным с полным восстановлением прав.

Но, увы, справедливость восторжествовала слишком поздно: 19 августа 1991 года Иван Александрович Чернов по радио услышал обращение ГКЧП к советскому народу, моментально понял, что все чаяния, которыми он жил последний год, обернулись прахом, и от умопомрачения принялся есть борщ ладошкой, а затем улегся на кровать, лицом к стене, и умер день или два спустя... Пусть ему, бедному, земля будет пухом.

А неудовлетворенный протест бывшего Генерального прокурора бывшего Советского Союза, как водится, подшили в папку с надзорным производством и благополучно предали забвению.

Допускаю, что к делу Абакумова не вернулись бы до скончания века, но вмешался случай — летом 1994 года брат осужденного Бровермана обратился в Прокуратуру России с заявлением о реабилитации. И, представьте себе, жернова правосудия закрутились с неожиданной легкостью — 21 июня в Военную коллегия Верховного суда Российской Федерации был направлен про-

тест в порядке надзора за подписью заместителя Генерального прокурора, государственного советника юстиции 2 класса В. Паничева, а уже 28 июля 1994 года Военная коллегия в составе председательствующего генерал-лейтенанта юстиции А. Уколова и членов генерал-майоров юстиции В. Белявского и Ю. Пархомчука рассмотрела в судебном заседании уголовное дело в отношении Абакумова и других, нашла протест подлежащим удовлетворению и, руководствуясь статьей 8 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» и ст.ст. 377—381 УПК РСФСР, определила: приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 декабря 1954 г. в отношении Абакумова, Леонова, Лихачева, Комарова и Бровермана изменить, переквалифицировав действия осужденных на статью 193 — 17 п. «б» УК РСФСР (в редакции 1926 года) и оставив им прежние меры наказания.

Мельком упомяну о том, что данное определение почему-то решили не предавать огласке и сведения о нем не передали средствам массовой информации. Мало того, об этом не известили даже близких родственников осужденных, за исключением брата Бровермана как заявителя. Что можно сказать по этому поводу? Здесь, по-моему, прямо-таки напрашиваются слова В. Высоцкого: «жираф большой, ему видней...»

Таким образом, генерал-полковник Абакумов и его подчиненные отныне не считаются государственными преступниками. Казалось бы, на этом пора ставить точку, но меня по-прежнему берedit мысль о том, что в деле Абакумова допущены весьма существенные судебные ошибки.

По букве закона суд, рассматривая вопрос о виновности ранее осужденных, вправе реабили-

тировать каждого из них полностью или частично, а также отказать в реабилитации либо переqualифицировать их вину с одной статьи УК на другую. Но переqualификация, насколько я понимаю, может затрагивать только живых, ныне здравствующих людей, тогда как мертвые всецело подпадают под действие статьи 5 УПК РСФСР, где написано, что «уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению... 8) в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего или возобновления дела в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам». А между реабилитацией и переqualификацией вины, согласитесь, есть принципиальное отличие, ибо в рамках закона применительно к мертвым допустимо лишь отменить наносное, не соответствовавшее действительным обстоятельствам обвинение, но уж никак не возводить новое, своевременно не предъявленное.

По моему глубокому убеждению, расширительное и, добавлю, превратное толкование закона произошло в Военной коллегии отнюдь не случайно и своими корнями уходит в инерционность нашего мышления, которое поворачивается гораздо медленнее, нежели эскадра старинных броненосцев. Массовому самосознанию российских граждан, на мой взгляд, органически свойственно, если так уместно выразиться, рубить хвост собаке не сразу, а непременно по частям. Причем вовсе не для того, чтобы продлить удовольствие. Рассуждать и действовать по-иному мы просто-напросто не умеем, нам это не дано. Для наглядности проиллюстрирую данный тезис общеизвестным примером. Вспомните, как у нас развен-

чивался культ личности Сталина. После XX съезда КПСС на душе у народа образовалась пустота, которую спешно требовалось чем-нибудь заполнить, ибо жизнь без слепой веры в харизматического идола казалась людям неуютной, вселявшей подспудную тревогу. И тогда раздули кадило по доброму дедушке Ленину — не помри тот в 1924 году, у нас бы, ей-ей, на базе нэпа были молочные реки с крутыми кисельными берегами. В годы застоя всплеск ленинианы вплотную дошел до идиотизма, а мудрость вождя восхвалялась чуть ли не со стадии внутриутробного развития. «Когда был Ленин маленький, с кудрявой головой...» Словом, чушь собачья. Но за подобного рода идеологические «товары широкого потребления» щедро платили, присуждали Государственные премии, и благодарный за бесперебойное обслуживание обыватель воспринимал их как должное. Понадобилось еще тридцать с лишним лет, чтобы истинный облик жесткого, безжалостного прагматика мало-помалу стал достоянием гласности на уровне непреложного факта.

Истории отечественной реабилитации присущи те же черты. Невзирая на ее грандиозные масштабы сразу после смерти Сталина, мы долго не отваживались взглянуть правде в глаза, а когда наконец набрались кое-какой смелости — принялись смотреть на прошлое сквозь пальцы, с боязливой оглядкой на общественное мнение. Чрезвычайно характерной представляется мне позиция власть предержащих в уголовном деле так называемого правотроцкистского блока, где Н. Бухарин и другие осужденные были полностью реабилитированы, а Г. Ягода оставлен виновным в том, чего не совершал. При этом академик А. Яковлев, в ту пору член Политбюро и пред-

седатель комиссии ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30—40-х и начала 50-х годов, с газетных полос признал, что Ягода невиновен в измене Родине, но за его оправдание, дескать, рука не поднялась. Объяснялось это, как мне кажется, элементарным недоразумением: мы в массе своей с упорством, достойным лучшего применения, по сей день продолжаем мысленно ставить знак равенства между реабилитацией и канонизацией, то есть причислением невинно осужденных к числу святых. Стоило, например, реабилитировать того же Бухарина, как тотчас пошла-поехала безудержная апология: с какой стороны ни глянешь, он прямо-таки душа, вернее не скажешь. Между тем, по многочисленным свидетельствам знатоков новейшей истории, на совести у Бухарина столько черных дел, что не сосчитать.

В этой связи должен отметить, что конструкция надзорного протеста по делу Абакумова, в 1990 году предложенная А. Катусевым, при всем ее несовершенстве была для того времени заметным шагом вперед. Но члены Военной коллегии положили ее, эту конструкцию, в основу вердикта, вынесенного в 1994 году, когда ссылки на привходящие соображения уже не звучат, из-за чего это выглядит, увы, несуразицей.

Быть может, обывательские представления не стоили бы того, чтобы задерживать на них внимание читателей, если бы не еще одно «но» — ведь они, эти самые представления, нет-нет и высываются из действующих законов, а особенно часто — из подзаконных актов. Летом 1996 года сын Абакумова обратился в Главную военную прокуратуру с просьбой признать его жертвой политических репрессий. Не прошло и месяца, как в од-

ной из московских газет появилась маленькая заметка — дети Берии и Абакумова, видите ли, добиваются льгот, положенных жертвам политических репрессий. По существу к тексту не придерешься, все изложено правильно, но настораживает интонация. А она, эта интонация, ничуть не противоречит действующим инструкциям, согласно которым жертвами политических репрессий признаются дети, находившиеся в местах лишения свободы и ссылки вместе с родителями, но лишь при условии, что их родители полностью реабилитированы. А если нет, то детей, представьте себе, признают не жертвами, а всего лишь пострадавшими, и вместо льгот им положена, извините, фига с маслом. Элегантное решение для государства, претендующего называться демократическим и правовым!

Сын Абакумова, кстати, получил искомый документ — кроме отца, у него была мать, чья реабилитация не вызывала вопросов. Она три года содержалась за решеткой только за то, что вышла замуж за особо опасного государственного преступника и вдобавок являлась дочерью эстрадного артиста, выступавшего под псевдонимом Орнальдо и неосмотрительно дружившего с другим особо опасным государственным преступником, маршалом Советского Союза Тухачевским. Правда, ей пытались припаять разглашение государственной тайны — при обыске в квартире ее престарелой матери через полтора года после ареста семьи Абакумовых обнаружили три материала с грифом «секретно»: «Обзор важнейших дознаний, произведенных в жандармских управлениях России за 1902 год», а также машинописные экземпляры изданных на Западе книг — «За стенами ФБР» Джона Флогерти и «Тени на

улицах» Питера Ченей (о работе английской контрразведки. — К. С.). Но из этой затеи следователей с Лубянки ничего путного не вышло: все три книги были записаны в формуляре библиотеки МГБ за самим Абакумовым.

А теперь подведем итоги. Поскольку реабилитация, повторяю, не адекватна канонизации, впредь не следует путать одно с другим ни рядовым гражданам, ни тем более судьям. Виновен мертвый человек в том, что вменялось ему в вину на ранее состоявшемся суде, — не реабилитируем его, и точка. Но если уж невиновен — зачем же, господа хорошие, наводить тень на плетень?

Слово «несуразица» я использовал при характеристике определения Военной коллегии по делу Абакумова от 28 июля 1994 года еще и потому, что, оставив осужденным прежние меры наказания, судьи допустили грубейший ляпсус. Понятно, что заменить расстрел десятью или, скажем, пятнадцатью годами лишения свободы они не могли: оживлять мертвых — задача непосильная. Но каждый юрист должен знать, что наказания делятся на основные и дополнительные, каковым применительно к Абакумову и другим осужденным по одному с ним уголовному делу явилась конфискация имущества. Если закон предусматривал конфискацию имущества у лиц, осужденных за измену Родине по статье 58 — 1(б) УК РСФСР, то на военнослужащих, виновных в злоупотреблении властью (статья 193 — 17, п. «б» УК РСФСР в редакции 1926 года) эта мера дополнительного наказания не распространялась.

Таким образом, пусть и непреднамеренно, имущественным правам и интересам наследников, закрепленным в Конституции, был нанесен существенный ущерб. Объективности ради не мо-

гу умолчать о том, что ляпсус этот не только судейский, но и прокурорский — то же упущение имело место в надзорных протестах как в 1991, так и в 1994 годах. Однако, по моему разумению, суть от этого не меняется: прежде чем выносить вердикт, судьи, на то уполномоченные, обязаны всесторонне изучить материалы дела и неукоснительно руководствоваться нормами закона.

Так что, выпустив в свет книгу, которую Вы, читатель, сейчас держите в руках, я с неослабеваемым вниманием продолжаю следить за тем, кто же, признав явную ошибку, первым внесет в порядке надзора новый протест по делу Абакумова — сам Верховный суд Российской Федерации или опять Генеральная прокуратура?

ПРЕТОРИАНЦЫ

Факты и комментарии

Преторианцы (лат. praetoriani) — в Древнем Риме первоначально охрана полководцев, затем императорская гвардия; участвовали в дворцовых переворотах. *Переносное значение* — наемные войска, служащие опорой власти, основанной на грубой силе.

Советский энциклопедический словарь

БЕЗ ГРИМА И МУНДИРА

Не в моих правилах с первых же строк напускать туман и нагнетать страсти, возбуждать читательский интерес нагромождением разного рода загадок, неясностей и т. п. Зачем? Проза, которую я писал, независимо от того, художественной она была или документальной, не относится к детективному жанру и, насколько я могу судить, не нуждается в нарочито усложненной интриге. Но в данном случае я решил поступить против обыкновения, имея на то достаточно вескую причину.

Для начала без сколько-нибудь существенных сокращений приведу подлинный протокол допроса в Лефортовской тюрьме, временно утаив от читателей лишь одно — фамилию обвиняемого:

«Вопрос: Каким партийным и административным взысканиям вы подвергались?»

Ответ: Примерно в 1928 году в бытность мою уполномоченным информационно-агентурного отдела ГПУ Аджарии мне был объявлен по партийной линии выговор за пьянство. Это взыскание было снято в 1936 году.

По линии административной на меня накладывались взыскания, насколько мне помнится, дважды в период моей работы начальником секретно-

политического отдела ГПУ Аджарии. Так, в 1932 году вместе со своим товарищем, работником кооперации Шарашенидзе, я принимал участие в пьянке на квартире у сотрудника ГПУ Горецкого в Батуми. Во время выпивки между Горецким и Шарашенидзе произошла драка, последнему был нанесен удар по лицу, и через несколько дней он скончался. Факт пьянки и драки от руководства я скрыл и в связи с этим в административном порядке был подвергнут, кажется, аресту на несколько суток.

В другой раз, в 1933 году, я подвергался административному взысканию за неумелую организацию операции по ликвидации меньшевистской политбанды: ночью две организованные мною засады по ошибке обстреляли друг друга, в результате чего один сотрудник был убит, а второй ранен. В связи с этим (а была ли политбанда меньшевиков? — К. С.) было решено подвергнуть меня аресту на несколько суток с исполнением служебных обязанностей... Возможно, что за период моей работы в органах на меня накладывались какие-либо другие взыскания, но за давностью я припомнить сейчас затрудняюсь.

Вопрос: За кутежи и попойки с женщинами легкого поведения вас наказывали?

Ответ: Работая в 1929—1932 годах в органах ОГПУ, иногда после выпивок с друзьями я встречался с женщинами легкого поведения и сожительствовал с ними. Но подвергался ли я за это каким-либо взысканиями, припомнить не могу.

Вопрос: В Батуми, как нам известно, вы путались с женщинами, имевшими шпионские связи с итальянским консульством. Расскажите об этом.

Ответ: Я не отрицаю, что вступал в интим-

ные связи со случайными женщинами, с проститутками, но были ли среди них лица, имевшие связь с иностранцами, в частности с итальянцами, я не знал и не знаю.

Вопрос: Гражданка Н. вам известна?

Ответ: Нет, такую женщину я не помню.

Вопрос: А гражданку А. вы знаете?

Ответ: Тоже не знаю.

Вопрос: С этими женщинами, как нам известно, вы имели связь в Батуми. Почему вы это скрываете?

Ответ: Вполне возможно, что я встречался с ними, но фамилий не спрашивал. Скрывать от следствия я ничего не намерен.

Вопрос: Скажите, вы были знакомы с артисткой Ж.?

Ответ: Да. Мое личное знакомство с Ж. состоялось в 1944 году в их театре. В последующем... я сожительствовал с ней... подарил ей радиоприемник, ручные часы, купил в 1945 году путевку в санаторий в Гагры. Потом я узнал, что она очень легкомысленная женщина, разболтала об интимной связи со мной в театре и к тому же одновременно сожительствовала с другими лицами, в частности с начальником управления милиции... Поэтому с сентября 1945 года я с ней больше не встречался.

Вопрос: Когда вы познакомились с Дуненко?

Ответ: Я знал Дуненко еще в 1935—1936 годах, когда она была замужем... Близкое знакомство с Дуненко установилось весной 1947 года, я стал встречаться с ней и в марте 1948 года принял решение на ней жениться.

Вопрос: Что вам было известно о Дуненко в то время?

Ответ: Как говорила мне Дуненко, первый

раз она вышла замуж за народного артиста Грузинской ССР Кавсадзе, разошлась с ним в 1929 или в 1930 году. В 1934 году вышла замуж за Арутюнова, работавшего тогда секретарем у председателя ГПУ Грузии Киладзе (репрессирован). В 1937 году Арутюнов был арестован НКВД Грузии и через несколько дней умер в тюрьме. В 1939—1945 годах Дуненко, по ее словам, сожительствовала с работником оперного театра Д.

В о п р о с: Иначе говоря, вы знали, что Дуненко — политически сомнительная личность, и, несмотря на это... вступили с нею в брак?

О т в е т: Я не считал, что женитьба на ней меня компрометирует.

В о п р о с: Поскольку сами были морально и политически нечистоплотным человеком, так ведь?

О т в е т: Отдельные случаи аморальных поступков с моей стороны имели место, о них я уже дал показания. С точки зрения же политической каких-либо предосудительных проявлений я не допускал. Что касается Дуненко, то я проверял ее в МГБ и знал, что по работе в оперном театре и в консерватории она характеризовалась положительно...

В о п р о с: Не хитрите. Ведь вы знали, что Дуненко зарабатывалась ранее как жена репрессированного врага народа?

О т в е т: Нет, я этого не знал. По учетам она не значилась.

В о п р о с: А о том, что она являлась секретным осведомителем МГБ Грузии, вам тоже, скажете, не было известно?

О т в е т: Я этого никогда не скрывал. Со слов Дуненко я знал, что она была привлечена к негласному сотрудничеству с органами МГБ...

Вопрос: Как установлено... вы в 1948 году уничтожили личное и рабочее дело на Дуненко как на осведомителя. Признаете это?

Ответ: Да, в 1948 году я давал указание... об уничтожении ее личного и рабочего дела осведомителя.

Вопрос: С какой целью вы предприняли незаконные, недопустимые в практике органов МГБ действия?

Ответ: Я считал неудобным, чтобы на жену министра госбезопасности было дело в МГБ Грузии. Теперь я вижу, что этого не следовало делать. В данном случае я поступил необдуманно, допустил ошибку...»

Да-да, не удивляйтесь, в органах ОГПУ — НКВД — МГБ допрашиваемый был отнюдь не мелкой сошкой, которая случайно затесалась в эту среду и вылетела оттуда за аморальное поведение и профнепригодность, а напротив, весьма внушительной фигурой, министром государственной безопасности республики.

А теперь позвольте официально представить нашего «героя» — Рухадзе Николай Максимович, 1905 года рождения, грузин, из крестьян, член ВКП(б), образование — среднее (указывал в анкетах, что окончил «гуманитарный техникум»), воинское звание — генерал-лейтенант.

Несмотря на утверждение, что он, мол, не намерен что-либо скрывать от следствия, на допросе 23 июля 1952 года арестованный Рухадзе не был, да и не мог быть полностью искренним. И дело здесь не в тактических уловках, а в том, что искренность — чуждое ему качество. Факты своей биографии он преподносил по-разному, в зависимости от ситуации. Вот как, например, он изложил историю вступления во второй брак

в собственноручном заявлении на имя Л. П. Берии от 28 марта 1953 года:

«...в 1948 году я допустил крупную ошибку, женившись на Т. Г. Дуненко, дочери командира полка царской армии и внучке генерала... В июне 1948 года Чарквиани (тогда первый секретарь ЦК КП(б) Грузии. — К. С.) потребовал от меня письменное объяснение, а также ее биографию. Я отнес все это и ознакомил его с архивным следделом на ее бывшего мужа Арутюнова Г., в котором ровным счетом ничего не было... Объяснение я написал на имя Чарквиани (в копии — Абакумову) и просил принять любое решение вплоть до развода, которое мной будет безоговорочно выполнено. Спустя несколько дней Чарквиани вызвал меня, успокоил и сказал: «В личную жизнь коммуниста мы не вмешиваемся, дело твое. Раз ты решил избрать Дуненко другом, препятствовать этому не буду...» От Абакумова (в то время министра госбезопасности СССР. — К. С.) никаких указаний по этому поводу не последовало... Я тогда искал не столько жену или женщину, а человека, который мог бы заменить мать моей шестилетней дочери, которая сильно горевала и буквально сохла без материнской ласки...»

Только в одном Рухадзе ничуть не лукавил — когда признавал аморальность своих поступков и в то же самое время отстаивал собственную политическую безупречность. По его глубокому убеждению, можно быть подонком, стопроцентным дерьмом и вообще кем угодно, но при этом незыблемо хранить верность партии и занимать любую государственную должность. Я, пожалуй, не стал бы акцентировать на этом внимание читателей, если бы речь шла лишь о Рухадзе. Нет, это была мировоззренческая норма определенного

круга тех, кого я назвал преторианцами, закон жизни, которым они руководствовались.

Впрочем, обстоятельный разговор о преторианцах и их уголовных преступлениях впереди, а пока что совершим экскурс в прошлое и взглянем на Рухадзе в то время, когда он был в ореоле власти.

ПУТЬ НАВЕРХ

До середины тридцатых годов Рухадзе продвигался по службе медленно, но верно, а затем разом скакнул вверх благодаря двум обстоятельствам, непосредственно связанным с одним и тем же явлением — так называемой «ежовщиной». С одной стороны, массовое уничтожение руководящих кадров НКВД привело к появлению обилия престижных вакансий, а с другой, именно Рухадзе показал себе рьяным борцом за светлые идеалы.

Кампания по тотальному разоблачению врагов народа всех мастей и оттенков застала майора Рухадзе в Гаграх, где он возглавлял местный райотдел НКВД. Мы, вероятно, никогда бы не узнали подробностей его гагрских свершений, если бы не рапорт В. Н. Васильева, в то время заместителя Рухадзе. Васильев был опытным чекистом и, надо полагать, успел ко всему приглядеться. Впечатлительным его не назовешь, но ему, как видно, претила звериная и вдобавок бессмысленная жестокость шефа, что и побудило его в феврале 1938 года подать рапорт на имя наркома внутренних дел Грузии С. А. Гоглидзе, а впоследствии, в 1953 году, подтвердить факты на допросе в МВД СССР. Привожу выдержки из документов:

«В 1937 году... арестовали некоего Леткемана, немца по национальности, который под пытками признался в сотрудничестве с германской разведкой... На допросах Леткемана я убедился в том, что он абсолютно не понимал, что представляет собой диверсионная агентура, массовое осведомление, агентура на консервации и т. д. Следствие само учило Леткемана терминологии и этими, по существу, провокационными вопросами подсказывало ему пути ложных признаний... Его раздевали догола, били по несколько часов подряд по чему попало... Делалась веревочная петля, которая надевалась на его половые органы и потом затягивалась... По показаниям Леткемана было арестовано большое число лиц, названных им шпионами...»

...Майор Рухадзе дал сотрудникам установку: «Кто не бьет, то сам враг народа!»

Однажды я зашел в кабинет следователя, который допрашивал арестованного эстонца по подозрению в шпионаже на немцев. «Как он ведет себя?» — спросил я. «Молчит, не хочет признаваться во вражеских намерениях», — ответил следователь, заполняя протокол. Я внимательно посмотрел на арестованного и понял, что тот мертв. Обойдя вокруг него, я заметил кровь на разбитом затылке...

Словом, в помещении райотдела днем и ночью стоял сплошной вой, крик и стон...»

Узнав 15 лет спустя о рапорте Васильева, Рухадзе не согласился с этой оценкой, отметив вопиющую ее нелогичность:

«Васильев преувеличивает и сгущает краски. В частности, он абсолютно неверно пишет, что в 1937 году в Гагрском районе НКВД будто бы днем и ночью слышались крики истязуемых.

Я хорошо помню, что днем меры физического воздействия к арестованным, как правило, не применялись, ибо в это время в райотдел приходили посетители и проводилась текущая работа. Понятно, что днем прибегать к избиениям мы не могли...»

Что можно добавить к этому? И нужно ли добавлять?

В 1938 году никто не задал Рухадзе ни одного вопроса по поводу его зверств — рапорт положили под сукно, а самого Рухадзе в порядке поощрения назначили начальником следственного отдела НКВД Грузии. Что же касается замученного Леткемана, то вся его вина заключалась в том, что он родился немцем. Из материалов дела явствует, что первоначально он всего лишь «подозревался во вредительстве в области пчеловодства».

В центральном аппарате НКВД Грузии Рухадзе не преуспел — его быстро раскусил новый нарком Рапава, сменивший на этом посту Гоглидзе, которого Берия перевел в Ленинград. Убедившись в том, что Рухадзе склонен к интригам и весьма опасен, Рапава ждал подходящего случая, чтобы аккуратно избавиться от него. И дождался: при разделении наркомата на два Рапава возглавил НКГБ, сплавив Рухадзе в НКВД.

Вот как Рухадзе прокомментировал это событие:

«...мне было непонятно и даже обидно, почему Рапава с большой охотой согласился перевести меня в НКВД... Работал я начальником следчасти, был доволен и уходить из госбезопасности не хотел...»

По-видимому, с тех самых пор Рухадзе затаил злобу на Рапаву. Поквитался он с ним через одиннадцать лет, но эта история впереди. А пока

скажу, что в НКВД Грузии Рухадзе не задержался — началась война, и он перешел в другое ведомство, став подчиненным Абакумова.

«...Впервые познакомился с Абакумовым в 1940 году в Москве, куда приезжал на совещание в НКВД, — писал Рухадзе в заявлении на имя Берии. — Тогда он был начальником УНКВД Ростовской области и тоже приезжал докладывать. После совещания мы встретились в гостинице «Москва» и вместе поужинали... Когда я в 1941 году был назначен начальником Особого отдела Закавказского фронта и узнал, что Абакумов является начальником Управления особых отделов Наркомата Обороны, я обрадовался. Но это был уже не тот Абакумов — встретил он меня сухо, неприветливо. С тех пор и до последнего времени Абакумов держал меня на расстоянии, был официален и лаконичен...

В 1943 или 1944 году я пожаловался Л. Ф. Цанаву (генерал-лейтенант, в прошлом нарком внутренних дел Белорусской ССР. — К. С.). Тот плохо отозвался об Абакумове, сказал, что Абакумов нехороший человек, не любит грузин, не любит кадры Лаврентия Павловича Берия.

Не скрою, я старался приблизиться к Абакумову, два раза привозил ему вино и фрукты (один раз, когда он был начальником ГУКР «Смерш», а другой раз в 1949 году, уже в МГБ), причем передавал его секретарю, а благодарности или изменения отношения от него не чувствовал...»

Рухадзе прослужил в военной контрразведке около семи лет. А дальше произошло то, о чем он мог только мечтать:

«Мое назначение на должность министра госбезопасности Грузинской ССР было для меня неожиданным. 11 января 1948 года вечером, за

10 минут до начала заседания бюро ЦК КП(б) Грузии, я был вызван к Чарквиани, который объявил мне, что состоялось решение ЦК ВКП(б) о снятии Рапава и назначении меня. Чарквиани сказал мне, что Рапава под него подкапывался, подстраивал разные козни, ябедничал на него И. В. Сталину, испортил ему много крови.

Министр госбезопасности СССР Абакумов узнал о моем назначении после того, как оно состоялось...»

Для Рухадзе это было не просто повышением по службе, а переходом в совершенно иное качество — отныне он вошел в узкий круг лиц, чья работа оценивалась самим Сталиным. Однако непосредственный контакт с Вождем народов возник далеко не сразу. А теперь вновь предоставим слово Рухадзе, чтобы узнать, что этому предшествовало, и, главное, отчетливо представить себе нравы и правила поведения тогдашней суперэлиты.

«В июне или июле 1950 года Абакумов вечером позвонил мне по «ВЧ», предложил немедленно выехать в Гагры и оттуда связаться в Сочи с Власиком (начальник Главного управления охраны МГБ СССР, личный телохранитель Сталина, генерал-лейтенант. — К. С.). О своем выезде сказать только Чарквиани. Мне стало понятно, что на юг прибывает И. В. Сталин... В беседе со мной Чарквиани предупредил, чтобы я не навязывался Сталину, как это делал Рапава, но если мне все же придется с ним встретиться, чтобы я вел себя сдержанно, отвечал только на вопросы и ничего лишнего ни о чем или ком-либо не выболтал. «Я, конечно, в тебе уверен, и надеюсь, что ненужного ты не скажешь, но предупреждаю, что он умеет вызывать на разговоры и нужно быть на-

стороже», — напутствовал Чарквиани. Он также предупредил меня быть крайне осторожным в беседах с Поскребышевым (секретарь Сталина. — К. С.) и Власиком, так как они умеют все выуживать, а потом передавать И. В. Сталину. Особенно предупредил об осторожности с Поскребышевым и Власиком, если придется выпить. Чарквиани сильно ревновал и был обеспокоен, что А. Мгеладзе (тогда первый секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузии. — К. С.) часто бывает у Сталина. Он говорил мне: „Мгеладзе, наверное, о чем только не рассказывает Вождю — и обо мне, и о других, и о жизни и делах в республике...“»

ОБЕД У СТАЛИНА

В тот раз встреча не состоялась — Рухадзе приехал в Гагры, доложил Власику о прибытии и спросил, какие будут указания, но никаких указаний не последовало. А вот что, по словам Рухадзе, произошло год спустя:

«26 сентября 1951 года мне позвонил Власик из Цхалтубо и попросил срочно приехать. Я тогда не знал, что меня вызывает Сталин. В семь часов вечера я уже был в Цхалтубо и проследовал прямо на госдачу, где меня пригласили к столу. За столом сидели И. В. Сталин, Поскребышев и Власик.

Это была моя первая беседа с Вождем. Естественно, я волновался, но старался успокоиться, внешне этого не показывать.

Пошла непринужденная беседа, и это меня окончательно успокоило. Вождь спросил о Турции, об эмиграции, о нашей закордонной работе, вскрыты ли в Грузии какие-либо антисоветские организации, имеются ли у них связи с меньшеви-

ками в эмиграции. Я ответил, что со стороны Турции есть факты заброски шпионов и эмиссаров — про них, как мне известно, год назад докладывал Вождю Чарквиани, об эмиграции мы знаем мало, так как все чрезмерно зацентрализовано и мы сами никого от себя не забрасываем ни в Турцию, ни дальше, что этим ведает Первое Главное Управление МГБ СССР, а мы мало информированы, и что антисоветские организации в Грузии нами пока не вскрыты.

Вождь внимательно слушал и не одобрил, что мы самостоятельно не занимаемся заброской агентуры, сказал, что у нас должны быть свои люди и в Турции, и в Иране, и во Франции. Затем Вождь, обращаясь к Поскребышеву, рассказал о том, что Л. П. Берия ему говорил о заброске в Париж племянника Евгения Гегечкори (министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии, впоследствии эмигрант. — К. С.) для вербовки последнего, но вышло так, что не наш человек завербовал Гегечкори, а Гегечкори завербовал его и перед самой войной забросил нам обратно, что он, Сталин, дал указание об его аресте, и, посмотрев на меня, спросил, знаю ли я этот случай. Я ответил отрицательно. Продолжая разговор, И. В. Сталин сказал Поскребышеву: «Берия считает, что среди грузин самыми умными и талантливыми являются мегрельцы, и, чуть что, всегда подсовывает мегрельцев». При этом Вождь усмехнулся и перевел разговор на другую тему, сказав мне: «Соседа, то есть Турцию, надо держать в постоянном страхе и часто его беспокоить, надо иметь ударные группы и совершать набеги. Почему, если они к нам засылают диверсантов и террористов, мы не можем делать то же самое? Подумайте над этими воп-

росами, пусть средства вас не смущают, для этого мы все дадим». Потом спросил, откуда я родом, и после этого перешел на имеретинские районы — он, оказывается, наблюдал из вагона поезда, что возле Харагаули колхозники живут бедно, что много там гальки и гор, что земли недостаточно, она, видимо, неплодородна, и надо бы подумать о внедрении какой-либо новой сельскохозяйственной культуры, ибо одной кукурузой и виноградом колхозники не разбогатеют. Я подумал и ответил, что можно было бы развить шелководство...

В октябре того же 1951 года был на обеде у Председателя Совета Министров Грузинской ССР З. Н. Чхубианишвили, устроенном в честь Л. Ф. Цанава и посла СССР в Румынии С. И. Кавтарадзе. Гостей было много, но Цанава торопился к поезду и рано уехал, а вместе с ним разъехались и другие. Проводив Цанава на вокзал, я вернулся обратно в семью Чхубианишвили вместе с бывшим (тогда действующим. — К. С.) заместителем министра внутренних дел республики К. П. Бзиава. Вернувшись, я застал за столом С. И. Кавтарадзе, Председателя Президиума Верховного Совета Грузии В. Б. Гогуа, секретаря ЦК КП(б) Грузии Р. С. Шадури и самого хозяина дома Чхубианишвили. Будучи выпившим, я допустил грубую ошибку, непростительную мне как чекисту, выразившуюся в том, что из хвастовства выболтал о беседе с И. В. Сталиным по вопросу засылки людей в Турцию для диверсионных и террористических целей и об усилении охраны границы.

На второй день я очень сожалел, переживал свою оплошность, хотел обойти всех товарищей и предупредить, чтобы ни один из них не огласил

моих слов, но подумал, что это будет хуже, и успокоил себя тем, что все они — ответственные руководящие работники и знают, что о таких вещах говорить нельзя.

В декабре 1951 года А. И. Мгеладзе, будучи в Тбилиси, зашел ко мне в МГБ и показал рапорт Бзиава на имя министра госбезопасности СССР С. Д. Игнатъева с подробным изложением моего проступка. Игнатъев, оказывается, направил Вождю рапорт Бзиава, а Вождь передал его Мгеладзе с поручением ознакомить меня, а затем в моем же присутствии сжечь.

Я был убит как своим проступком, так — еще больше — великодушием Вождя, что он простил мне такую мою серьезную вину, и долго переживал...»

Отвлечемся от душевных переживаний Рухадзе и попытаемся оценить достоверность его исповеди. В основном он написал правду, но отнюдь не всю, потому что чего-то так и не понял до конца, а в чем-то, как обычно, хитрил, выдавая себя за простака, который далек от всяческих интриг. Между тем череда экстраординарных событий, развернувшихся после памятного обеда у Сталина, в известной степени явилась следствием замысла Рухадзе.

Отмотаем назад катушку времени, вернемся в 1948 год, когда Рухадзе стал министром госбезопасности, вникнем в расстановку сил, между которыми он оказался, и воспроизведем ход его мыслей. Назначили его против воли Абакумова, стало быть, на поддержку Москвы рассчитывать не приходится, наоборот, жди оттуда подвоха, а это, в свою очередь, означает, что нужно делать ставку на местную власть, на Чарквиани, другого варианта вроде бы нет. Но и здесь, в Грузии, для

него не все так безоблачно, как кажется на первый взгляд. Пусть Чарквиани стоит за него горой, но есть еще старый враг Рапава, переброшенный на пост министра юстиции, есть родной брат Рапавы, заместитель прокурора республики, вокруг них группируются разные темные людишки, недовольные выдвижением Рухадзе, и есть, наконец, второй секретарь ЦК КП(б) Грузии Барамия, с которым у Рухадзе скверные отношения и который негласно поддерживает оппозицию в МГБ. В этих условиях всецело полагаться только на Чарквиани легкомысленно — что будет с ним, Рухадзе, если Чарквиани вдруг турнут из ЦК? И тогда Рухадзе начинает как бы невзначай заигрывать с Мгеладзе, зная, что тот близок к Сталину. Особым умом Рухадзе, как мы уже убедились, не отличался, а хитрости ему было не занимать, — и он в застольных беседах с партийным властелином Абхазии выказывает полнейшую доверительность, допускает кое-какие проговорки, мелкую утечку информации и т. п. Словом, закидывает несколько удочек с живцами и терпеливо ждет поклевки. Длительное время поплавки не колышатся, крупной рыбой не пахнет, а затем один из них камнем уходит в воду — Рухадзе вызывают в Цхалтубо к Сталину. Он точно не знает, кому обязан этим, но, как вскоре выяснилось, порадел о нем Мгеладзе, у которого тоже был свой расчет — спихнуть Чарквиани, чтобы занять его место.

Рухадзе понравился Сталину, вернее сказать, показался в принципе пригодным для выполнения той серьезной задачи, что уже оформилась в мозгу живого классика марксизма-ленинизма. Но Сталин не спешил посвящать Рухадзе в тонкости и решил присмотреться к нему, прикинуть, досто-

ин ли он доверия. Сталин говорит с ним о том о сем, и Рухадзе не в состоянии уловить переломный момент разговора — когда Вождь вдруг спросил, откуда он родом. Рухадзе происходил из Восточной Грузии, был уроженцем Гардабанского района, что как нельзя лучше устраивало Сталина. Зато Рухадзе мгновенно усек иронию Вождя по отношению к мегрельцам, и когда тот спросил о Рапаве — что он теперь делает? — находчиво пояснил: «Подстрекает работников госбезопасности из числа зугдидцев и абашцев писать кляузы на новое руководство».

Их Цхалтубо Сталин перебрался в Ахали-Афони, 3 ноября 1951 года позвонил Рухадзе и без обиняков спросил: «Говорили ли вы Мгеладзе, что Барамия покровительствовал взяточнику, бывшему прокурору Сухуми Гвасалии, и добился его освобождения?» Рухадзе подтвердил, что такой разговор имел место: год назад он, будучи в Сухуми, возмущался поведением Барамии в деле Гвасалии, расспрашивал о подробностях и довел до сведения Мгеладзе, что прокурор республики Шония не намерен вносить протест, потому что Гвасалия под надежной защитой Барамии. Тогда Сталин недовольно спросил: «А почему вы это не сказали, когда были у меня?» Рухадзе ответил, что, мол, не пришлось к слову. «Я не ожидал, что вы из трусливых. Напишите и пришлите мне все, что вы знаете по этому поводу», — и Сталин повесил трубку.

Итак, уловка сработала, и Рухадзе немедленно составил докладную, в которой выставил Барамию в самом дурном свете. Поскольку единственный факт с сухумским прокурором, чье уголовное дело, кстати сказать, было прекращено Верховным судом СССР по протесту Прокурату-

ры Союза за недоказанностью обвинения, выглядел не слишком убедительно, Рухадзе присовокупил сюда дела бывшего прокурора Закарая, а также адвокатов Долидзе и Алшибая, которые тоже обвинялись во взяточничестве, и на их примерах сформулировал вывод, что Барамия вытаскивает из беды мегрельцев, совершивших тяжкие преступления и обоснованно привлекавшихся к уголовной ответственности. Более того, Рухадзе решил лично доставить в Ахали-Афони написанный им донос и, как видно, угодил вождю, ибо был снова приглашен к столу, где на сей раз кроме Сталина, Поскребышева и Власика сидели министр госбезопасности СССР Игнатьев и начальник погранвойск МГБ СССР Стаханов.

Что же касается столь поразившего Рухадзе великодушия вождя, то за неимением точных данных я позволю себе высказать гипотезу — Сталин на дух не переносил болтливых глупцов и наверняка мигом избавился бы от Рухадзе, если бы тот не был нужен для конкретной работы; вполне возможно, что, вернувшись в Москву и прочитав тот самый рапорт Бзиавы, Сталин именно тогда предрешил ликвидацию Рухадзе, но торопиться не стал — пускай мавр сперва сделает дело, а уж потом...

МЕГРЕЛО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ГРУППА

10 ноября 1951 года днем на закрытом заседании бюро ЦК Чарквиани огласил суточной давности решение ЦК ВКП(б) о наличии мегрело-националистической группы, возглавляемой Барамия, о взяточничестве, хищениях и растратах в Грузии. Чарквиани был крайне удручен, подав-

лен и, когда они с Рухадзе остались вдвоем, убитым голосом произнес: «Мгеладзе и ты заварили кашу, а мне приходится расхлебывать. Если я все это перенесу и переживу, будет просто чудо...»

Мгеладзе, напротив, находился в приподнятом настроении — по воле вождя ему на следующий день «выплатили аванс»: на поспешно созванном пленуме ввели в состав бюро ЦК КП(б) Грузии.

А как, интересно, воспринял новость Рухадзе?

«Когда Чарквиани зачитал нам решение ЦК ВКП(б), все мы, члены бюро, были поражены. Я лично не ожидал таких результатов от моей информации, так как рассчитывал на меньшее, полагая, что все ограничится только оргвыводами в отношении Барамии и Рапава. Однако в дальнейшем мне не оставалось ничего другого, как организовать следствие по этому делу таким образом, чтобы так или иначе подтвердить наличие никогда не существовавшей антисоветской мегрело-националистической группы».

И карательная машина завертелась, день ото дня набирая обороты. Той же ночью по указанию Чарквиани были арестованы братья Рапава и прокурор республики В. Я. Шония, а несколько дней спустя, когда Чарквиани сам съездил к вождю в Ахали-Афони, решением бюро ЦК Барамия был исключен из партии и тотчас взят под стражу. Вслед за ним арестовали заведующего отделом ЦК КП(б) Грузии К. Г. Чичинадзе.

По устоявшейся традиции наших отечественных фальсификаторов уголовно-политических дел враждебная деятельность любых антипартийных группировок автоматически включала в себя активные связи с иностранными разведслужбами и эмигрантскими кругами с целью подрыва мощи Советского государства и власти, свержения су-

шествующего строя и т. д. Выявишь и задокументируешь такие связи — готовь дырку для ордена и жди монаршей милости Вождя, не выразишь — пеняй на себя: работу по делу признают неудовлетворительной, а тебя самого посадят за решетку. Рухадзе все это знал как свои пять пальцев, не строил иллюзий и, несмотря на то что у Барамии, Рапавы и других арестованных подобных связей с границей не было и быть не могло, лез из кожи вон, чтобы доказать обратное.

В декабре 1951 года Рухадзе, по его словам, «решил нанести удар по реэмигрантам и произвел 42 или 47 арестов лиц из указанной выше категории». Для чего это делалось? Наивный вопрос! Раз эти люди в свое время покинули Грузию и много лет прожили за границей, их легко могли завербовать буржуазные разведки, а от Рухадзе требовалось, во-первых, установить факты шпионажа в пользу стран Запада и, во-вторых, прочным узлом связать разоблаченных шпионов с Барамией, Рапавой и их охвостьем. Что из того, что все они начисто отрицают и шпионаж, и знакомство друг с другом? Это, скажем так, временные, технологического характера трудности. Ведь для того, чтобы правильно сориентировать подследственных, побудить к признательным показаниям, существуют резиновые дубинки, плети и веревочные петли.

Объективности ради отмечу, что поименованные приемы не были плодом творческих поисков одного Рухадзе. У него был выдающийся наставник — Иосиф Виссарионович Сталин, внимательно изучавший все протоколы допросов и заочно руководивший следствием по делу Барамии, Рапавы и других.

Привожу фрагменты разговоров по «ВЧ» меж-

ду Москвой и Тбилиси по собственноручным заметкам Рухадзе:

«1) Сталин: Арестован ли Гегелия?

Рухадзе: Нет, товарищ Сталин, не арестован.

Сталин: Почему?

Рухадзе: Работали над ним, но реального пока ничего не добились.

Сталин: Арестуйте, побейте, расстреляйте!

Пометка Рухадзе: «Указание об аресте выполнено в тот же день».

2) Сталин: Кто вами арестован дополнительно?

Рухадзе: Новых пока никого не арестовали, я сам не могу решать вопросы арестов.

Сталин: Чарквиани показания посылаете, он их читает?

Рухадзе: Да, товарищ Сталин, посылаю. Он их читает, но никаких указаний не дает.

Сталин: Арестуйте Каранадзе, он близкий человек Барамии.

Пометка Рухадзе: «Указание выполнено».

3) Сталин: Шария арестован?

Пометка Рухадзе: «Ночью Вождь дал указание Чарквиани об аресте Шария, а утром мы его взяли».

Рухадзе: Арестован, товарищ Сталин!

Сталин: Займитесь им основательно. Выясните, кто послал его в Париж, с какими поручениями, с кем он там связывался, на кого шпионил.

4) Сталин: Барамия — настоящий шпион.

Его надо разоблачить, он, несомненно, был связан с Гегечкори, надо установить канал.

Рухадзе: Сделаю все возможное, товарищ Сталин...»

Таких примеров множество, приводить все, по моему, нет смысла, ибо дело не в их количестве, а в существе. Но отдельные пояснения к ним необходимы. Кем был Гегелия, которого Сталин велел арестовать, побить и расстрелять? Г. Д. Гегелия, реэмигрант из Франции, вернулся на родину в 1947 году — вот, собственно, все, что Сталин узнал о нем из справки Рухадзе. Однако самого главного Рухадзе почему-то не указал — Гегелия в 1925 году был направлен во Францию органами ВЧК — ОГПУ и двадцать лет был нашим закордонным агентом. Вслед за Гегелией арестовали его жену — Л. К. Сан-Реми, француженку по национальности. Основанием для взятия под стражу послужило то, что она «антисоветски настроенная личность, выражавшая желание (после внезапного ареста мужа. — К. С.) вернуться во Францию».

Упомянутый Сталиным Каранадзе — министр внутренних дел Грузии, не входивший, мягко выражаясь, в число друзей Рухадзе. Проводя массовые аресты, Рухадзе не забывал тех, кто когда-либо хоть чем-то навредил ему. Так, например, по делу антисоветской мегрело-националистической группы был арестован заместитель министра внутренних дел СССР Бзиава, который несколько месяцев назад посылал в Москву рапорт про болтливость Рухадзе. Кроме того, на следствии выяснилось, что он приносил Барамии заявления от сотрудников МВД с компроматериалами на Рухадзе, и тогда Рухадзе решил, что Бзиава на свободе делать нечего.

Но это второстепенные детали, побочные ли-

нии дела, а основной упор, повторяю, был на то, чтобы раз и навсегда связать членов преступной нацгруппы с границей.

«В поисках агентуры Ноя Жордания (лидер грузинских меньшевиков. — К. С.) и Евгения Гегечкори в Грузии я арестовал племянника Гегечкори — Намичайшвили И. Т., того самого, о котором рассказывал И. В. Сталин за обедом в Цхалтубо 26 сентября 1951 года и которого НКВД забрасывало в Париж для вербовки Гегечкори, — писал арестованный Рухадзе в своем заявлении на имя Берии. — За основу я взял рассказ Вождя... После его ареста мы начали собирать материал для изучения и дальнейших мероприятий, но закончить это не успели — он скоропостижно скончался во Внутренней тюрьме МГБ ГССР. Перед смертью Намичайшвили показал на допросе, что был обработан Евгением Гегечкори, что получил указания собирать информацию о колхозах Грузии и что тот обещал прислать на связь к нему своего человека...»

Что означает внезапная смерть в следственной тюрьме, думаю, объяснять не надо. Да и насчет «информации о колхозах» много говорить тоже не стоит. Представляете себе, что такое для иностранных спецслужб достоверная разведсводка о том, сколько и где именно грузинские крестьяне собрали яблок, кукурузы, винограда, грецких орехов, алычи, лаврового листа, цитрусовых и т. п.? Это же, без преувеличения, ключ к победе над потенциальным противником!

Тем временем события приняли грозовой оборот — Москва была недовольна ходом следствия, Рухадзе непрерывно теребили, 27 марта 1952 года ЦК ВКП(б) принял новое решение, где было указано, что существовавшая в Грузии «нелегаль-

ная мегрело-националистическая группа Барамии ставила своей целью отторжение Грузии от Советского Союза», на Политбюро ЦК ВКП(б) прозвучала резкая критика в адрес Рухадзе, а четыре дня спустя Чарквиани был снят с работы и заменен Мгеладзе.

Чуя, что пахнет жареным, Рухадзе изрядно струхнул и без промедления обратился за помощью, как ему казалось, к крупнейшему знатоку современной следственной практики — заместителю министра госбезопасности СССР, начальнику Следственной части по особо важным делам МГБ полковнику Рюмину.

СЛЕДОВАТЕЛЬ № 1

В этом качестве Михаил Дмитриевич Рюмин мало кому запомнился — он, подобно комете, прочертил яркий след на лубянском небосводе и канул в Лету. Однако те читатели, кто прежде ни полслова не слышали о Рюмине, вправе задать вопрос: почему столь важный в стране пост, явно генеральскую должность, в ту пору занимал человек в довольно скромном звании полковника госбезопасности?

В самом деле, в чем причина очевидной несоответственности между должностью и званием? Быть может, Рюмина необоснованно затирали, упорно не хотели дать ему погоны с большими звездами и брюки с лампасами?

Вопросы эти отнюдь не праздные, поэтому прежде чем рассказать о визите Рухадзе, я конспективно охарактеризую Рюмина — личность по-своему колоритную и на редкость отвратительную.

Рюмин — «русский, член ВКП(б), рост — низ-

кий, фигура — полная, лицо — круглое, шея — короткая, цвет волос — русые, рот — малый, углы рта — опущены, губы — тонкие»¹, — родился в 1913 году в селе Кабание Батулинского района Курганской области в семье зажиточного крестьянина, торговавшего скотом и державшего харчевню. В анкетах он благообразно называл отца «средняком» и, кстати говоря, в графе «образование» неизменно указывал «незаконченное высшее», хотя это было чистейшим враньем — в действительности Рюмин с грехом пополам одолел лишь восемь классов средней школы и краткосрочные бухгалтерские курсы, не отличался ни умом, ни деловой сметкой и был, прямо скажем, заурядной фигурой, если не считать поистине гигантской, не знавшей удержу фантазии.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на докладную записку его оперативного секретаря майора Бурлака, датированную 19 мая 1953 года:

«...у меня сложилось впечатление, что Рюмин малограмотный человек, часто спрашивал, как пишется то или иное слово или какие знаки препинания надо ставить. У него очень маленький словарный запас. Часто он спрашивал значение того или другого слова. Мне казалось, что он от начала и до конца не прочитал ни одной книги...

Мне известно, что Рюмин часто выпивал. О предстоящей выпивке Рюмин не стеснялся говорить при дежурных секретарях и других подчиненных... Он говорил мне, что любит выпить и что его норма якобы 700 граммов... Пристрастие к спиртным напиткам, нескрываемое стремление поволочиться за женщинами, вовремя и плотно пообедать — вот, пожалуй, и весь круг интересов Рюмина...»

¹ Данные словесного портрета взяты из тюремного дела.

Сходную оценку дал Рюмину и заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковник Федотов:

«Прежде всего нужно отметить, что Рюмин — это недалекий и полуграмотный человек, эгоист по натуре, обманщик, способный осветить любой факт в выгодном ему плане, а не так, как было на самом деле. В целом ряде случаев... Рюмин давал одни указания, а затем, если ему было невыгодно подтвердить их, отказывался от своих слов...»

Приняв на веру суждения Бурлака и Федотова о Рюмине, мы тем самым допустим обратный перекоп и невольно спросим: как же недалекий и полуграмотный выпивоха, жуир и обжора стал заместителем министра государственной безопасности? Надо думать, по блату?

Нет, блат в данном случае совершенно ни при чем — Рюмин сам являлся кузнецом своего недолгого счастья. А это счастье привалило ему по той простой причине, что в роли оценщика рюминских «поковок» выступил никто иной, как И. В. Сталин.

Чтобы наглядно убедиться в этом, ознакомимся с послужным списком Рюмина. До войны он не имел отношения к органам и подвизался на разных незначительных должностях, высшая из которых — начальник планово-финансового отдела дирекции по строительству канала Москва-Волга, в 1941 году попал в военную контрразведку, но не на фронт, а в тыл — в штаб Архангельского военного округа; три года спустя его взяли в аппарат Главного управления контрразведки «Смерш» Наркомата Обороны СССР в качестве временно прикомандированного, а позднее зачислили в штат старшим следователем. В мирное время Рюмина перевели на ту же должность

в Следственную часть по особо важным делам МГБ СССР, где он застрял без малейших шансов на продвижение, чему были свои причины. Во-первых, Рюмин не проявил себя с положительной стороны, напротив, на нем висели дисциплинарное и партийное взыскания за утрату бдительности (однажды он по рассеянности забыл папку со следственным делом в служебном автобусе, курсировавшем между Лубянкой и Лефортовской тюрьмой), во-вторых, как-то раз, сославшись на болезнь, он не явился на дежурство в праздничный день, хотя не располагал оправдательным документом, и, наконец, в-третьих, Управление кадров МГБ весной 1951 года заподозрило, что при заполнении анкет подполковник Рюмин сознательно скрывает компрометирующие данные о своих близких родственниках. Последнее грозило уже не взысканием, а позорным изгнанием, ибо брат и сестра Рюмина действительно были осуждены к лишению свободы за уголовные преступления (соответственно — за кражу и за спекуляцию), а его тесть в годы гражданской войны был офицером в армии адмирала Колчака. Вот тогда-то Рюмин сыграл ва-банк: понимая, что терять ему, в сущности, нечего, он отважился на ложный донос, в котором обвинил министра госбезопасности СССР генерал-полковника Абакумова в смазывании дел по террору, якобы направленному против членов Политбюро ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина.

Если непредвзято сопоставить авторитет, вес и общественное положение Абакумова и Рюмина, то невольно напрашивалось сравнение со слонем и моськой. Так что донос, скорее всего, мог погубить, а не вознести доносчика. Однако Рюмину чертовски повезло — Маленков и Берия испод-

воль точили зубы на Абакумова, признававшего только Сталина, искали повод для расправы над неудобным для них министром и, конечно, без колебаний воспользовались предоставившейся возможностью: когда Сталин распорядился отстранить Абакумова и создать комиссию для проверки работы МГБ, они вдвоем подготовили настолько убийственное заключение, что некогда расположенный к Абакумову Вождь народов окончательно отступился от него и дал санкцию на арест. Но, помимо везения, отнюдь не последнюю роль в этой истории сыграла и предприимчивость Рюмина — зная лишь приблизительно, что где-то наверху у Абакумова есть могучие враги, он каким-то образом безошибочно «вычислил» Маленкова, и, по-видимому, нашел прямой ход к нему, так как донос попал в руки Сталина не без участия женоподобного Георгия Максимилиановича.

При казарменном социализме доносительство считалось занятием достойным, доблестным, даже патриотическим и, само собой разумеется, всемерно поощрялось. Не был обойден наградами и Рюмин — его тотчас переместили через три служебных ступени на четвертую, назначив исполняющим обязанности начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, и произвели в полковники. Окрыленный доверием Сталина, Рюмин мгновенно мобилизовал всю свою фантазию и за каких-то три месяца очертил контуры разветвленного, тщательно законспирированного заговора еврейских буржуазных националистов: одна группа врагов народа, в основном деятели науки и культуры, спелась с заокеанскими толстосумами насчет реставрации капитализма в СССР, другая группа, составленная из профессоров Лечсанупра Кремля, готовилась к злодей-

скому умерщвлению видных руководителей партии и правительства, а третья, самая опасная группа, включавшая в себя генералов и старших офицеров госбезопасности из евреев по крови и по духу (сюда Рюмин отнес тех, кто был женат на еврейках), должна была захватить власть, сместить товарища Сталина и установить диктатуру Абакумова.

Несмотря на то, что выдвинутая Рюминым версия почти ничем реальным не подтверждалась, Сталин сразу же ухватился за нее — к старости ему повсюду мерещились интриги, заговоры и, в особенности, террористы, вознамерившиеся покуситься на его бесценную жизнь. Но, интуитивно поверив Рюмину, он по устоявшейся привычке не сказал ни «да», ни «нет». Великому и мудрому Вождю всего прогрессивного человечества не к лицу спешить, коль скоро он славен безошибочностью принятых решений. А месяц спустя, будучи на юге, в Ахали-Афони (как раз в то самое время, когда приезжал Рухадзе), Сталин еще раз взвесил все обстоятельства и пришел к выводу — в маленьком полковнике определенно что-то есть, нюх у него отменный, да и котелок варит. И эта его затея с евреями очень перспективная. Что они шпионы и террористы — это не факт, но народец они паршивый, склочный, способный на любую пакость. В общем, разумнее всего следовать принципу «береженого бог бережет», а посему надо, пожалуй, благословить Рюмина на крестовый поход.

Все остальное было делом техники — в Москву ушла шифровка, и Михаил Дмитриевич Рюмин в ноябре 1951 года был назначен заместителем министра государственной безопасности Союза ССР.

Но зачем приземленному субъекту с замашками провинциального ловеласа карьера, все эти высокие государственные должности, если он не получает в качестве добавки тех вожделенных утех, без которых и жизнь не в радость? Власть, конечно, штука хорошая, спора нет, однако без выпивки, без вкусной еды и, главное, без доступных, сговорчивых женщин бытие, по мнению Рюмина, теряло всякие краски. Но в то время ему во всем сопутствовала удача: алкогольно-гастрономические блага теперь поступали бесперебойно, а что касалось дел, так сказать, амурного свойства, то здесь все развивалось по пословице «на ловца и зверь бежит». К Рюмину на прием явилась некая гражданка П., жена недавно арестованного офицера госбезопасности, и робко попросила об участии — ее, бедняжку, должны были, как водится, переселить из прекрасной отдельной квартиры в доме на Смоленской площади к черту на рога, а ей очень хотелось получить комнату где-нибудь в центре, предпочтительно в малонаселенной коммунальной квартире. Будь посетительница замухрышкой, Рюмин в два счета послал бы ее подальше, потому что с членами семей изменников родины в МГБ не церемонились, но соблазнительная фигура и славненькая мордочка задели его сексуальные струны. И Рюмин, напустив на себя важность, согласился рассмотреть ее ходатайство, если она не обманывает и занимаемая ею квартира в самом деле пригодна для обмена на комнату в центре. Гражданка П. тут же пригласила Рюмина к себе, в ответ на что он снисходительно пообещал в один из ближайших дней выкроить часок-другой.

В холодный зимний вечер он нанес визит гражданке П. и как был, в шинели и в полковничьей

папахе из каракуля, уселся за стол. П. любезно предложила чаю, от чего Рюмин решительно отказался. Тогда П. сказала, что у нее есть бутылка водки, но вот конфуз — никакой закуски нет, только лимон. Водочка с лимончиком — это то, что нужно, заверил Рюмин и молча опорожнил поллитровку, после чего распалился и без какого-либо перехода начал форсированно ухаживать за хозяйкой дома, подразумевая под ухаживанием срочный перевод дамы из вертикального положения в горизонтальное.

Гражданка П. сопротивлялась не слишком упорно, поскольку заранее была готова уступить домогательствам плюгавого замминистра, чтобы как-то облегчить участь арестованного супруга. Правда, эта готовность дамы не была должным образом оценена и востребована кавалером — хвастливо говоря майору Бурлаку о водочной норме в семьсот граммов, Рюмин явно приукрасил собственные возможности, выдал желаемое за действительное: стоило его пьяной голове прийти в тесное взаимодействие с подушкой, как он расслабился и напрочь вырубился до одиннадцати часов утра.

Пробуждение было менее радужным, нежели отход ко сну. С похмелья следователь № 1 был хмур, неприветлив и устроил гражданке П. форменный разнос — как она, черт ее подери, посмеяла не разбудить его вовремя?! А выйдя на Смоленскую площадь, он, к пущей досаде, не обнаружил служебного автомобиля — за долгую зимнюю ночь промерзший буквально до костей водитель утром уехал в гараж и в тот же день слег с воспалением легких...

На первом этапе раскрытие заговора еврейских буржуазных националистов шло как по мас-

лу. Бывший заместитель начальника Следственной части по особо важным делам полковник Лихачев, взятый под стражу вслед за Абакумовым и больше других деморализованный арестом, в угоду Рюмину показал на допросе, что профессор 2-го Московского мединститута Я. Этингер незадолго до смерти от грудной жабы в камере Лефортовской тюрьмы признал факт злодейского умерщвления кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. Щербакова. Однако Этингер был всего лишь консультантом Лечебно-санитарного управления Кремля, тогда как лечил Щербакова крупнейший советский терапевт профессор В. Виноградов, уже давно исполнявший обязанности личного врача Сталина. Спрашивается, мог ли консультант Этингер умерить Щербакова без активного участия Виноградова? Нет, это исключено, заявил Рюмин и получил у Сталина санкцию на арест Виноградова.

С этого момента доказательства существования опаснейшего заговора посыпались как из рога изобилия: арестованный профессор Виноградов, которому в то время было под семьдесят, под угрозой избиения признался, что «вместе с профессором Я. Г. Этингером и по инициативе последнего умертвил товарища А. С. Щербакова», а бывший начальник Лечсанупра Кремля профессор П. Егоров и врач-терапевт Г. Майоров, не выдержав примененных к ним физических методов воздействия, показали, что по заданию английской разведки «неправильно диагностировали заболевание товарища А. А. Жданова, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому заболеванию режим и в итоге умертвили его».

Теперь Рюмину предстояло воедино связать

врачей-предателей с предателями-чекистами, все еще отрицавшими как наличие еврейского заговора, так и свою причастность к злодеяниям подкупленных врагом медиков. Вошедший в азарт Рюмин не сомневался в победе: ведь, фигурально выражаясь, у него на руках был козырный туз — датированное августом 1948 года донесение заведующей отделением функциональной диагностики Лечсанупра Кремля Лидии Тимашук на имя генерал-лейтенанта госбезопасности Н. Власика о лечении больного Жданова вопреки объективным данным кардиограмм. Причем тревожный сигнал доктора Тимашук через Власика попал к руководителям МГБ и после сугубо формальной проверки — представьте себе! — был подшит в дело. Кто же нынче, когда следствие располагает совокупностью улик, поверит Абакумову и его еврейским прихвостням, что здесь имело место обыкновенное ротозейство, а не измена Родине? Нет, им нипочем не отвертеться: спеклись, голубчики!

Как раз в эту пору Рухадзе и напросился на прием к Рюмину, который, невзирая на чрезмерную занятость, без проволочек назначил аудиенцию, — зная, что грузинский коллега в поте лица своего разматывает запутанный мегрельский «клубок», державший нос по ветру следователь № 1 не мог отказать ему во внимании.

В лубянской иерархии занимаемая должность неизменно стояла выше воинского звания, поэтому старший по чину и по возрасту Рухадзе дипломатично принял позу просителя. У него, как он объяснил, есть трудности, затягивающие следствие и, увы, вызывающие тягостные сомнения в том, что такое ответственное, поставленное на особый контроль дело увенчается должным об-

разом. К несчастью, дорогой товарищ Сталин почему-то не разрешил пытать ни Михаила Барамию, ни Авксентия Рапаву, ни даже бывшего прокурора республики Шонию — Ивана Рапаву можно, Чичинадзе тоже, а этих нет. Но без острых методов допроса перечисленные враги народа не дают признательных показаний относительно связей с меньшевистской эмиграцией и с иностранной разведкой. Между тем без их признаний не обойтись — его, Рухадзе, наверняка упрекут за то, что он не выложил на стол «царицу доказательств». Словом, ему нужен мудрый совет — как поступить?

С глубоким пониманием выслушав сетования генерала Рухадзе, полковник Рюмин первым делом проявил человеколюбие и утешил собеседника. Ей-богу, уважаемый Николай Максимович даром поддался унынию. Мегрельское дело, как считает он, Рюмин, следует вести и закончить точно так же, как «ленинградское». Что же касается обвинений в измене Родине, то для высшей меры наказания вовсе не обязательно, чтобы подсудимые признались в шпионаже. В «ленинградском деле» этого не было — осужденные к расстрелу, например, Кузнецов и Капустин, признались только в противопоставлении себя ЦК ВКП(б), в вождизме и в группировании во вражеских целях. Этого, поверьте, оказалось вполне достаточно. А разве между «ленинградским» и мегрельским делами нет тождества?

Рухадзе приободрился, вместе с Рюминым ознакомился с материалами «ленинградского дела», составил подробный конспект и по-мужски пожал руку следователя № 1 — отныне ему было ясно, в каком направлении продолжать следствие. Вот что значит вовремя посоветоваться с настоящим

специалистом, у которого действительно министерская голова!

«ВДОХНОВЕНИЕ»

Вернувшись в Тбилиси, Рухадзе взялся за дело с редкостным вдохновением. Наряду с полезным советом он получил от Рюмина и конкретную помощь: в его распоряжение была направлена из Москвы бригада следователей во главе с заместителем начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковником Цепковым, тотчас предложившим ряд действенных мер. Еще раньше, с 15 февраля 1952 года, для участников антисоветской мегрело-националистической группировки был установлен строгий режим содержания — их лишили прогулок, а также прав пользования тюремной библиотекой и услугами продуктового ларька. Теперь же, по авторитетной рекомендации полковника Цепкова, их вдобавок лишили сна: 10 апреля Рухадзе утвердил «план», согласно которому весь личный состав Внутренней тюрьмы МГБ ГССР перешел на усиленное несение службы продолжительностью 16 часов в сутки и был переведен на казарменное положение, количество постов возросло втрое, в том числе выставлялись четыре особых поста — у камер 62, 65, 55 и 38, где содержались М. Барамия, А. Рапава, И. Рапава и Г. Каранадзе.

Как полнее и достовернее передать состояние людей, подвергавшихся издевательствам в застенке у Рухадзе? Как рассказать о боли, о предельном унижении человеческого достоинства, о том беспросветном оупении, в которое впадает лишенный сна арестант, когда жизнь становится в тягость? Авторский текст здесь едва ли уместен,

предпочтительнее передать слово тем, кто прошел через этот «конвейер».

«Я сам бывший чекист, — в марте 1953 года писал А. Рапава, — но наш арестантский строгий режим по сравнению с установленным ими (следователями бригады Цепкова. — К. С.) режимом просто гуманность. Из всех средств репрессий самое тяжкое... то, что давали спать в сутки не более одного часа, а то и совершенно лишали сна. Утомленный от продолжительных допросов организм требует хоть нескольких мгновений отдыха, и я, сидя на кровати, начинал дремать, тогда кровать опрокидывали и выносили из камеры все: табурет, тумбочку и даже мусорный ящик, чтобы мне не на чем было сидеть и дремать. Я готов был спать на цементном полу, как на пуховике, но специально поставленные надзиратели этого не разрешали. Я готов был прислониться к стене и хоть одну минуту вздремнуть, но это также не разрешали. Я пробовал дремать, стоя посреди камеры, но и это не разрешали. Если меня не будили окрики и сильные удары о железные двери камеры, тогда обдавали холодной водой по лицу. Не раз падал я на цементный пол, и так продолжалось полгода. Тяжесть такого вида репрессий известна только тому, кто испытал это.

Второй вид физического наказания — это наручники, как бы издевательски названные «браслетами». На загнутые за спину руки надеваются эти наручники с острыми металлическими углами. Первые часы боль не чувствуется, но через 12 часов она с нарастающей силой появляется в плечах, в мышцах. В наручниках я находился в продолжение трех месяцев и пяти дней... Я терпел, зная, что следователи рассчитывают, что не-

стерпимые боли рано или поздно заставят меня давать вымышленные показания. Они (полковник Цепков, Болховитин и Жулидов) заявляли: «Браслеты вам надеты навсегда». У меня распухли руки, и тогда наручники были сняты на 2 дня, но как только опухоль спала, сразу же опять надели; меня уверяли, что все это они делают по указанию из Москвы... Я не говорю уже о жутких издевательствах следователей. Как правило, допросы сопровождались руганью, площадной бранью, причем набор слов был такой, что любой старый извозчик позавидовал бы им (Цветаев, Сухов, временами Цепков и Жулидов)... В двух случаях издевательство Цветаева доходило до того, что во время допроса приводили в соседнюю камеру мою жену, с которой я в разводе, и крепко избивали ее, заставляя меня слушать ее крики и вопли. Я думаю, что это — затея Рухадзе...

Третий способ пытки — это карцер: полуподвальное помещение, отдаленное от отопительной системы, с цементным полом и раскрытыми настежь окнами. Разницы между карцером и двором никакой нет, зимой все замерзает так же, как и на дворе (а меня сажали в карцер только зимой). И вот по всякому пустяковому поводу меня сажали туда 7 раз. Самым большим поводом было то, что я не возвратил после допроса свои же очки и взял их с собой в камеру, чтобы иметь возможность почитать. Находиться в карцере очень тяжело: снимают верхнюю теплую одежду и оставляют в одном нательном белье. Кроме одной табуретки там ничего нет: ни постели, ни топчана; мне выдавали в сутки 400 граммов хлеба и две кружки горячей воды. Первые 20—30 минут нахождения в карцере организм еще может сопротивляться холоду, но потом — сплошная пытка...

Самым ярким и убедительным фактом фальсификации следствия для меня является то, что произошло с моим братом Иваном. Он не был мегрельским националистом, а признался в этом. Со всей ответственностью заявляю, что это вздор. Я знаю брата как свои пять пальцев. Мне Цветаев сказал: «Его раз, два, три — и он дал показания». Я не знаю, что означает «раз, два, три», но если его били плеткой, то таким образом можно и толстокожего буйвола заставить зареветь, что он является мегрельским националистом...»

Примерно то же самое показал и М. Барамия. Вся разница в том, что он описывал свои страдания скупой, без подробностей:

«Рухадзе заставлял меня на следствии признать, что так называемая «мегрело-националистическая группа» была связана с заграницей через Рапаву, Шария¹ и Тавадзе². Затем Рухадзе настойчиво заставлял меня показать, будто бы я имел связь с заграницей через некое Шавдия, о котором я и понятия не имел. Более трех месяцев меня лишали сна и свежего воздуха, но требуемых показаний я не дал... Меня держали на допросах по 15—20 часов в сутки... доводили до обморочного состояния, а потом 20 суток я находился в наручниках.

Цепков в ответ на мои жалобы сажал меня в карцер и говорил: „Я обещал вам карцер — вы его получили, обещал наручники — это тоже получили, и будьте уверены, что в ближайшие дни

¹ Шария — бывший секретарь ЦК КП(б) Грузии, до ареста — профессор Тбилисского государственного университета.

² Тавадзе — бывший секретарь ЦК КП(б) Грузии, до ареста — заместитель заведующего отделом печати МИД СССР.

мы вас будем бить, если вы не покажете о своих связях с границей“»).

В откровениях арестованных нет преувеличений, все было именно так, как они описывали. Чтобы отбросить последние сомнения в их правдивости, сошлюсь на свидетельские показания противной стороны. Например, входивший в бригаду Цепкова начальник следственного отделения УМВД Сталинградской области майор Голубков подтвердил, что в Тбилиси был установлен распорядок работы с 11 до 17 часов, затем перерыв на обед и отдых, после чего опять рабочее время с 23 часов до 5 утра, а арестованные вызывались на допросы ежедневно и днем, и ночью. Однажды Рухадзе зашел в кабинет, где Голубков допрашивал А. Рапаву, и угрожал избить его по пяткам за неискренность. «Для вескости своего нажима, — вспоминал майор Голубков, — в кабинет были доставлены резиновые дубинки. Разговор между Рухадзе и Рапавой шел в отношении арестованного Шавдия — Рухадзе хотел получить от Рапавы показания, компрометирующие отдельных руководящих работников центра, что Рапава категорически отрицал».

Допрошенный в качестве свидетеля тюремный врач, майор медицинской службы Размадзе, прослуживший во Внутренней тюрьме МГБ ГССР ровно пятнадцать лет, показал, что на Барамию и других арестованных по этому делу надевали кандалы, лишали их дополнительного питания и, главное, сахара. И. Рапава однажды пытался вскрыть себе вены куском стекла, а А. Рапава и В. Шония в знак протеста не раз объявляли голодовки.

В материалах следствия по делу мегрельских националистов имеется такая записка:

*«Начальнику Внутренней Тюрьмы МГБ ГССР
капитану тов. Князеву*

За нетактичное поведение на допросах арестованного КАРАНАДЗЕ Григория Теофиловича поместить в карцер на 5 суток.

*Министр госбезопасности Грузинской ССР
генерал-лейтенант Н. Рухадзе*

14 марта 1952 года».

Оригинальная формулировка, не правда ли? С Каранадзе говорили извозчичьим матом и в то же самое время требовали от него безупречного такта? Лихо, иначе не скажешь.

Но как ни старались люди Рухадзе и заезжая команда Цепкова, шпионаж мегрельской националистической группы никак не вырисовывался. Тогда новый первый секретарь ЦК КП(б) Грузии дал указание арестовать Зоделаву, лидера комсомола республики. Понимая, что это неизбежно привело бы к новой волне арестов и безнадежному поиску шпионов в молодежной среде, Рухадзе решительно возразил. С тех пор между Мгеладзе и Рухадзе, что называется, пробежала кошка.

В это время у Рухадзе резко обострились отношения не только с Мгеладзе, но и с другими партийными работниками. Отдавая себе отчет в том, что пассивная оборона не сулит ничего хорошего, Рухадзе предпочел дать жесткий отпор противникам.

«Я расправлялся и с партийными руководителями, которые выступали против меня, — признал он на допросе 18 сентября 1952 года. — Так, в марте текущего года на Политбюро ЦК ВКП(б) выступил 2-ой секретарь ЦК КП(б) Грузии Цхов-

ребашвили и привел факты о якобы незаконном расходовании мною государственных средств в личных целях. Возвратившись в Тбилиси, я поручил своему заместителю Тавдишвили допросить арестованного Барамию о возможно известных ему компрометирующих материалах на Цховребашвили. Вместе с тем я поручил Тавдишвили проверить национальность Цховребашвили путем просмотра церковных записей по месту его рождения...»

Здесь я ненадолго прерву Рухадзе, ибо история проверки Цховребашвили, кроме всего прочего, содержит и анекдотический элемент. Рухадзе надеялся, что настоящая фамилия его врага Цховребов и что он, выходит, не грузин, а осетин. Велико же было удивление Рухадзе, когда выяснилось, что в церковных книгах фигурирует «третья» фамилия — Цховребадзе...

А теперь вернемся к протоколу допроса Рухадзе:

«...желая опорочить Цховребашвили, я намеревался собрать на него компрометирующие материалы и направить их в ЦК ВКП(б).

В о п р о с: Вы сделали это?

О т в е т: Нет, не успел, так как был снят с работы».

Если кто-то из читателей подумал, что Рухадзе сняли за фальсификацию дела мегрело-националистической группировки, то спешу уведомить, что это — заблуждение. Рухадзе «сгорел» на том, что прежде приносило ему одни лишь успехи, — на доносительстве.

«1 июня я воспользовался удобным случаем и написал письмо в Инстанцию (т. е. Сталину. — К. С.), в котором обвинял Мгеладзе в антипартийных делах. — позднее признался Рухадзе. —

Я ставил своей целью скомпрометировать Мгеладзе, чтобы его наказали или сняли с работы. Собственно говоря, это меня и погубило».

Несколько дней спустя уже уволенного Рухадзе вызвали в Москву и там взяли под стражу. Команда исходила непосредственно от Сталина, а подписал ордер на арест следователь № 1 — заместитель министра госбезопасности СССР полковник Рюмин.

ПЛОДЫ ИЗЫСКАНИЙ

Сразу же после ареста Рухадзе под эгидой Рюмина создали следственную группу для решения трафаретной задачи — покопаться в грязном белье арестованного, с тем чтобы добиться от него признания во вражеской деятельности. Кое-какие пикантные подробности биографии distinguished Николая Максимовича уже известны читателям, поэтому я бегло перечислю только то, о чем ранее не упоминалось и что, по мнению рюминских умельцев, изобличало бывшего генерал-лейтенанта в бессовестном обмане партии и Советского государства.

Начну с того, что Рухадзе происходил из довольно-таки зажиточной семьи, владевшей домом, первый этаж которого сдавался под аптеку. В период коллективизации родители Рухадзе лишились избирательных прав и подверглись высылке с конфискацией имущества как кулацкий элемент. Были они кулаками или нет — вопрос весьма спорный: до революции отец Рухадзе работал на железной дороге, неплохо зарабатывал и мог достойно содержать семью, не прибегая ни к эксплуатации наемных работников, ни к ростовщичеству, в чем, кстати, его с опозданием — уже

в могиле! — подозревали рюминцы. Но, к сожалению, в те времена споров не было и быть не могло, все было просто и ясно: раз в доме достаток — значит, там жили лица социально чуждого происхождения. А коли так, то, утаивая это от чекистского и партийного начальства, Рухадзе оказался гнусным обманщиком. Более того, вдобавок он скрыл еще одно немаловажное обстоятельство — один из его двоюродных братьев, Николай Соселия, в 1937 году был арестован органами НКВД и расстрелян, а другой, Шалва Соселия, в начале Великой Отечественной войны сдался в плен, активно сотрудничал с немцами, а позднее находился в американской зоне оккупации Германии. Экскурс в далекое прошлое принес еще один любопытный результат — юный Коля Рухадзе в 1919 году пытался добровольно вступить в ряды меньшевистской армии, чтобы с оружием в руках защитить независимость Грузии, однако не был зачислен в солдаты по причине малолетства. И хотя этот шаг скорее всего объяснялся наивным патриотизмом далекого от политики подростка четырнадцати лет от роду, следствие усмотрело в нем мировоззренческое тяготение к меньшевизму.

Но и это еще не все — первая жена Рухадзе, Андромеда Ивановна Лазариди, дочь греческого торговца и немки, была, как выяснилось, иностранной подданной и приняла советское гражданство лишь в 1930 году, хотя до этого, уже находясь в браке с Рухадзе, по рекомендации мужа состояла — где бы вы думали? — на штатной должности в информационно-агентурном отделе ГПУ Аджарии.

Плоды этих по-своему небезынтересных изыс-

каний спецов из Следственной части по особо важным делам МГБ СССР я, признаться, привел в силу их очевидной парадоксальности. Хотелось бы знать, куда раньше смотрели так называемые «компетентные» органы?

Второй событийный ряд из следственного дела Рухадзе касался его злоупотреблений служебным положением в корыстных целях. О том, что Николай Максимович предпочитал тратить не свои, а казенные денежки, говорит, например, такой факт: за годы его работы в МГБ СССР за счет статьи 9-а «спецрасходы» на оплату услуг личного парикмахера и садовника министра израсходовано 19 тысяч рублей, на приобретение для него парфюмерии — 3 тысячи рублей, на книги, газеты и журналы — 11 тысяч рублей и т. д. Любовь к роскоши за чужой счет проявилась и в сооружении бассейна в доме № 34 по улице Хоштария, где он жил со второй женой и дочерью от первого брака. Чрезвычайно забавным выглядит объяснение Рухадзе по поводу целесообразности затрат на бассейн:

«Дело обстояло так: дом был закончен постройкой в 1948 году. Оказалось, что в нем не были предусмотрены противопожарные мероприятия. В таком положении дом оставлять было опасно... Мною было дано указание позаимствовать деньги на постройку бассейна из сметы дома отдыха МГБ, а затем вернуть средства из ассигнований АХО...»

Исчерпывающая аргументация, не так ли?

Рухадзе запускал руку в карман государства как в большом, так и в малом, но самый, пожалуй, нахальный способ казнокрадства он продемонстрировал в операции с домовладением, неко-

гда купленным по дешевке для своего взрослого сына на дальней окраине Тбилиси. Когда Сталин поручил готовить ударные группы для заброски в Турцию, Рухадзе тотчас решил заработать. Уединенное расположение дома вполне подходило для его использования в конспиративных видах, благодаря чему Рухадзе переселил семью сына в большую по площади государственную квартиру, а дом за хорошие деньги продал... своему родному министерству.

Естественно, что на подобном криминальном фоне бездарность Рухадзе как бы меркла, не бросалась в глаза. Да и следствие ее особо не выпячивало, хотя кое-какие данные, подтверждавшие никчемность бывшего министра, все-таки приобщили к делу.

«По моему указанию в 1950 году были задержаны четыре 14—15-летних подростка-школьника по обвинению в поджоге пианино в одной из школ Тбилиси. Задержание их не было оформлено постановлением... Двое из числа задержанных были арестованы. Допросы этих подростков велись без участия родителей или педагогов, допрашивающие подсказывали им, какие показания хотят получить. В результате от этих детей были получены фантастические показания о их принадлежности к антисоветской организации и причастности к распространению в Тбилиси листовок. Несмотря на абсурдность показаний подростков, я распорядился задержать трех взрослых — родственников этих мальчиков (фамилии забыл). Взрослые вскоре были освобождены... По моей вине двое подростков незаконно содержались в тюрьме около года...»

О чем говорит это признание Рухадзе? О созда-

нии видимости хоть какой-то работы, о полнейшем пренебрежении к закону и, разумеется, о вседозволенности. Да и освободили этих школьников, наверное, только потому, что началось дело мегрельской националистической группировки Барамии, иначе их ждала «тройка» и лагерь на Колыме. В самом деле, если бы у министра госбезопасности Грузии было чем занять себя, то вряд ли он бы вмешался в историю с поджогом какого-то школьного пианино.

В этом отношении представляет интерес свидетельское показание полковника Бровермана, бывшего заместителя начальника секретариата МГБ СССР, осужденного в 1954 году по уголовному делу Абакумова и других:

«Примерно в течение 8 лет я имел прямое касательство к подготовке информации в Инстанцию о деятельности контрразведки «Смерш» и территориальных органов МГБ. За этот период из управления контрразведки «Смерш» Закавказского фронта и из МГБ Грузии не поступало никаких сведений, свидетельствующих хотя бы об одном факте серьезной и успешной работы служб, которые возглавлял Рухадзе».

Итак, эскизный портрет Николая Максимовича Рухадзе завершен. Палач, интриган, мздоимец, бездарь — вот в чем суть этой отталкивающей личности. Однако, по меркам Лубянки, этого было маловато, там непременно хотели проштамповать его как изменника Родины. Но здесь Рухадзе держался, что называется, до последнего, вынес пытку бессонницей, вдоволь насиделся в карцере и, как видно из его покаянного послания, неизменно отстаивал свою верность и преданность социалистическому отечеству:

*«Министру госбезопасности Союза ССР
Гражданину Игнатьеву С. Д.
от арестованного Рухадзе Н. М.
Лефортовская тюрьма МГБ СССР*

З а я в л е н и е

Гражданин министр! Стыдно писать, что я плачу, как ребенок, но мне тяжело, очень тяжело...

Следствие ставит передо мной три узловых вопроса: причастие к агентуре иноразведки, участие в заговоре 1937 года и намерение бежать за границу. Меня еще спрашивают о якобы собирании компрометирующих материалов на Л. П. Б. (Лаврентия Павловича Берия. — К. С.). Я прошу по этому вопросу допросить меня лично с представителем ЦК ВКП(б) или дать бумагу, я изложу сам...

Сейчас, когда я на положении арестованного, все на меня наваливаются. Оградите меня от попыток свести со мной личные счеты, мне хватит своих грехов.

Кому нужна моя смерть? Прошу Вас, пощадите, используйте меня последний раз, я не погибший для советского общества человек... Пошлите меня куда хотите под надзор МГБ, и Вам донесут, как я преобразился. Умоляю, спасите меня, жену и детей от окончательной гибели.

Н. Рухадзе.

14.10.1952 г.»

НЕРВОТРЕПКА

За весну и лето склонный к обжорству Рюмин сильно пополнел. Чтобы согнать жирок, он велел установить в комнате отдыха за служебным каби-

нетом импортное, а точнее говоря, трофейное устройство, представляющее собой причудливую комбинацию велоэргометра с тренажером для гребли, и, когда на него находила блажь, раздевался до исподнего, самозабвенно крутил педали, махал «веслами» и, обильно потея от нагрузок, уверял подчиненных, что буквально на глазах развивает брюшной пресс.

Неустанной заботой о брюшном прессе, вероятно, объяснялся и второй визит Михаила Дмитриевича на квартиру гражданки П. На сей раз следователь № 1 принарядился, представ перед П. в новеньком костюме из английского бостона. Стоило П. похвалить превосходную работу закройщика лубянского спецателье, как Рюмин встал, горделиво прошелся по комнате и со свойственной ему галантностью изрек: «А ты что-нибудь в этом смыслишь?» Материалы следственного дела умалчивают о том, что они пили в тот вечер — водку с лимоном или портвейн под макароны по-флотски, зато достоверно известно, что Михаил Дмитриевич не упился, помнил о цели визита к даме и, так сказать, без промаха осуществил намерение, ради которого наряжался. Что же до тайных чаяний гражданки П., а она, напоминая, уступила напору кавалера, чтобы облегчить судьбу арестованного мужа, то они не сбылись — Рюмин обещал посодействовать, но не сдержал слова, при этом не испытав ни капли стыда за вранье. Только этого ему не хватало — стыдиться и краснеть из-за пустяка! Вправе ли он, заместитель министра государственной безопасности великой державы, отвлекаться на идиотские просьбы случайных баб, когда Вождь всего прогрессивного человечества ждет от него вскрытия еврейского националистического подполья в СССР?

Но глобальная всеохватность борьбы с еврейскими заговорщиками настолько увлекла Михаила Дмитриевича, что он практически не следил за делом Рухадзе. Какая, в сущности, разница, на кого тот работал — на американцев, на французов или же на англичан? Коли сам товарищ Сталин приказал арестовать этого Рухадзе, значит, он — враг народа. А все остальное — частности, до которых дойдет черед в свое время. Ведь Рухадзе некуда деться — посидит, гад, на хлебе и воде, подумает и в конце концов выложит все как миленький.

Не интересовался Рюмин и трудовыми свершениями бригады Цепкова в Тбилиси. Зачем вмешиваться в работу подчиненных, если она идет по заранее намеченной канве? Следствие по групповому делу — это процесс, закономерно растянутый во времени, с изначально predetermined итогом: все враги рано или поздно расколятся, как сухие дрова, и, исходя из воспитательных соображений, получат пулю в затылок, дабы другим неповадно было откалывать ту или иную республику от нашего нерушимого, навеки сплоченного Союза.

Чем и как занимался в ту пору следователь № 1, явствует из показаний, которые он дал на допросах 10—13 июня 1953 года:

«С ведома Игнатьева по моим указаниям протоколы допросов арестованных составлялись таким образом, чтобы создать впечатление, будто в органах МГБ действовала антисоветская вредительско-националистическая группа и что следствием якобы вскрывается организованная подрывная деятельность этой группы. Однако, если вникнуть в существо добытых показаний, то кроме общих фраз и различных хитроумных фор-

мулировок никаких фактов преступной работы в них не было.

Тем не менее по этим «показаниям» были проведены дополнительные аресты. В июле 1952 года, через год после ареста Абакумова, по моему поручению подполковником Гришаевым была составлена справка, в которой Абакумов изображался покровителем еврейских буржуазных националистов в органах МГБ, я собрал следователей, ведущих дела на сотрудников госбезопасности, и дал указание допрашивать арестованных так, чтобы подогнать их показания под содержание справки.

К сентябрю 1952 года, несмотря на фальсификацию следствия, стало очевидным, что дело сотрудников проваливается, т. к. ни от кого из арестованных, кроме Шварцмана¹, не удалось получить нужных нам показаний о корнях вредительства...»

Тут Рюмина стала одолевать дрожь, от которой не спасали ни водка, ни сговорчивые дамы, ни занятия лечебной физкультурой в комнате отдыха. Господи, и дернул же его черт залезть в эти самые высокие сферы, будь они трижды неладны! Если обман вскроется, то ему, Рюмину, несдобровать — ведь у Иосифа Виссарионовича такой характер, что спуску не жди!

То, что Рюмин реально ощущал смертельную опасность, видно из его показаний:

«В сентябре 1952 года Игнатъев упрекнул меня в том, что наша информация по следственным делам по сравнению с тем, что посылал в Инстан-

¹ Шварцман — полковник госбезопасности, бывший заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, после ареста симулировал сумасшествие, оговорил десятки ни в чем не повинных сослуживцев, расстрелян в 1955 г.

цию Абакумов, выглядит очень бледно и нам следует подавать материалы гораздо острее.

Игнатъев неоднократно подчеркивал, что если мы не добьемся по делам арестованных евреев-врачей нужных показаний, нас обоих выгонят и могут арестовать».

Мысль об аресте приводит к нервотрепке. Где уж тут думать о приятных визитах к гражданке П.? Отныне Рюмин уяснил, что на карту поставлена не только карьера, но и его собственная жизнь, и, по локоть засучив рукава, сам взялся за допросы арестованных. И фортуна как будто вновь улыбнулась ему: под угрозой пыток дрогнул Михаил (по паспорту — Исидор) Борисович Маклярский, в прошлом сотрудник органов госбезопасности, а в послевоенные годы — кинодраматург, соавтор сценариев очень популярных, удостоенных Сталинских премий кинофильмов «Подвиг разведчика» и «Секретная миссия».

«Что, жид, неохота помирать?» — вкрадчиво поинтересовался Рюмин и в доходчивой форме объяснил, что он думает про евреев вообще и про Маклярского в частности. Евреи, по мнению Михаила Дмитриевича, поголовно шпионская нация. Они захватили в Москве все медицинские посты, адвокатуру, Союз писателей и Союз композиторов, не говоря уж о торговой сети. Однако из миллионов евреев приносили пользу государству рабочих и крестьян только единицы, тогда как остальные — потенциальные враги. А теперь, когда он, заместитель министра Рюмин, раз и навсегда покончил с заговорщиками в МГБ и уполномочен правительством на ликвидацию всего еврейского подполья в стране, судьба каждого еврея в надежных руках. Хочет Маклярский доказать искреннее раскаяние в содеянных им пре-

ступлениях — ему, так и быть, сохранят жизнь, не хочет — пусть пеняет на себя!

После столь задушевной беседы Маклярский подписал фантастический по содержанию протокол допроса, оговорив своего давнишнего приятеля, писателя Льва Романовича Шейнина, который длительное время работал в органах прокуратуры, имел звание государственного советника юстиции 2 класса и уже несколько месяцев содержался во Внутренней тюрьме на Лубянке как активный участник заговора еврейских буржуазных националистов.

На предыдущих допросах многоопытный Шейнин держался расчетливо, в мелочах кое-где уступал следователям, признавал, например, участие в антисоветских разговорчиках с товарищами по перу, приводил националистические высказывания братьев Тур и Крона, перечисляя евреев, препятствовавших дальнейшему неуклонному подъему советской литературы и искусства, называл прозаика Василия Гроссмана и драматургов Финна и Прута, но наличие заговора и, главное, свою в нем ведущую роль отрицал с неизменной решительностью. Не было сговора между ответственными сотрудниками МГБ и Прокуратуры Союза, а если таковой и был, то он, мол, абсолютно ни при чем.

«Шейнин, твои показания меня не удовлетворяют, в них одна шелуха, — сурово изрек на допросе Рюмин. — Вот показания Маклярского в этом отношении гораздо интересней, так как Маклярский дал и центр, и подполье, и выход на Америку, и все как полагается. Между прочим, твой дружок и тебя изобличил. Будешь говорить правду или мы нынче же отвезем тебя в Лефортово...»

Что означал перевод в Лефортово, где арестованных пытали по любому поводу, Шейнин знал лучше других. Но брать на себя вину в государственной измене он не собирался и сухо ответил Рюмину: «Если Маклярский дал такие показания, то он провокатор!»

Состоялась очная ставка, в ходе которой Шейнин, подловив Маклярского на противоречиях и попутно наговорив множество «теплых» слов, вынудил его отказаться от ложных показаний.

Забегая вперед, вскользь замечу, что год спустя и Шейнин, и Маклярский были освобождены из-под стражи в связи с отсутствием в их действиях состава преступления. Молва гласит, что они оба одновременно вышли из тюрьмы, сели в поданную автомашину и, невзирая на недавние распри, по дороге домой договорились вместе писать литературный сценарий художественного кинофильма. Не берусь судить, что здесь правда, а что домысел, но скажу, что в 1957 году на экраны вышел кинофильм «Ночной патруль», снятый по сценарию двух авторов — М. Б. Маклярского и Л. Р. Шейнина...

Словом, ни угрозы, ни пытки арестованных не принесли Рюмину успеха, хотя он подключил к этому дополнительные силы — начальников Внутренней и Лефортовской тюрем Миронова и Дуринова, а также группу физически крепких оперативников, посулив им денежные премии, бесплатные путевки в здравницы и даже присвоение внеочередных воинских званий.

Не помогли Рюмину и попытки шантажировать следователей. Крах наступил в ноябре 1952 года. О том, как это происходило, весной 1953 года написал старший следователь Следственной

части по особо важным делам МГБ СССР подполковник Пантелеев:

«Однажды Рюмин вызвал меня к себе, распекал за плохие результаты по делу Рыжикова (заместителя главврача правительственного санатория «Барвиха». — К. С.) и с гневом выпалил: «Не сносить вам головы за это дело! Товарищ Сталин задаст вопрос, на кого вы работаете?!» Не так уж трудно было понять, как подействовало на меня это ошеломляющее заявление Рюмина. Говоря откровенно, я перепугался и в течение нескольких дней не мог прийти в себя...»

Вскоре после ноябрьских праздников зверски избитый резиновыми дубинками профессор В. Х. Василенко оговорил себя, признавшись в намерении злодейски умертвить видных советских военачальников с целью подрыва обороноспособности СССР, но было уже поздно — 14 ноября Рюмина с треском выставили из Министерства госбезопасности.

«Посылка в Инстанцию протоколов допросов и информации о том, что нами вскрываются крупные преступления, привела к тому, что Игнатьеву и мне было предложено вскрыть корни вражеских и шпионских связей лиц, обвинявшихся в указанных преступлениях. Сделать это было невозможно, т. к. выдвинутые нами обвинения базировались на сфальсифицированных материалах. Таким образом я стал банкротом и был снят с работы как не справившийся, оказавшись жертвой собственной фальсификации, — впоследствии признался Рюмин. — Как я помню, министр Игнатьев, объявляя мне о решении правительства, поздравил меня, сказав, что я сравнительно легко отделался, а вот он ожидает худшего...»

КОММЕНТАРИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЮСТИЦИИ А. Ф. КАТУСЕВА

Нужна ли детальная правовая оценка всех фактов, отраженных автором в первых восьми главах?

Поскольку абсолютное их большинство с разных точек высвечивает господствовавшие в те времена произвол и беззаконие, целесообразнее, по-видимому, прокомментировать не разрозненные эпизоды, а стоящие за ними закономерности, которые вместе и порознь определяли поведение центральных персонажей документальной повести «Преторианцы».

Что же представляли собой Рухадзе и Рюмин, кем они были?

Автор обоснованно показывает их малограмотными, довольно туповатыми служаками тюремного сыска. Этот «род деятельности» невозможно отнести к какой-либо действительно профессиональной, где предполагаются объективные или хотя бы субъективные критерии оценки ремесла. Сугубо государственной их службу не назовешь, ибо услужали они прежде всего ослепительной Инстанции, обласканной ее доверием местной элите и самим себе. Вряд ли справедливо считать репрессивную часть органов госбезопасности тех лет аппаратом политической инквизиции. У чередующихся преследователей и их жертв подчас при всем старании не разглядеть признаков политического разномыслия. Рухадзе, его предшественники и сменщики называли себя чекистами. Помните, в главе «Вдохновение» приводятся слова А. Рапава: «Я тоже чекист...»

Многое раскрывают эти слова. Рапав считает естественной саму логику и методы «чекистской»

работы по изобличению и устранению «врагов народа». Он лишь изумлен степенью бесчеловечности добывания улик бригадой Цепкова. Примечательно и то, как одинаково смотрели Рухадзе, Рюмин, Мгеладзе, Сталин на способы достижения ближних целей: арестовать — побить — получить протокол задуманных показаний — расстрелять. Уже потом будут использованы в политической игре результаты дела об очередном «заговоре», а на стадии искусственного создания такого заговора тюремное заключение выступает неизменным условием и средством. Поэтому в комментарии к описанию событий допустимо ввести в оборот такой термин, как тюремный сыск. Именно он составлял содержание будней большинства из уже названных «преторианцев».

Логично предположить, что преуспевание на этом поприще сопутствовало наиболее отъявленным садистам. В такое русло рассуждений в общем-то укладывается пример «от обратного» — история с В. Н. Васильевым, чекистом, который упоминается в главе «Путь наверх» как заместитель начальника райотдела НКВД в Гаграх, подавший начальству рапорт о бесчеловечных злодеяниях Рухадзе. Когда С. А. Гоглидзе ознакомился с рапортом, он вызвал Васильева и спросил: «Вы что, хотите прогуляться в лагерь?» Вопрос наркома был риторическим — как видно из протокола его допроса, Гоглидзе нашел, что своим гнилым либерализмом Васильев мешает бескомпромиссной борьбе с врагами народа. Васильева выгнали с работы и исключили из партии с формулировкой «за клевету на органы НКВД». По тем временам это являлось не только волчьим билетом, но и прелюдией к аресту.

Арест, однако, не состоялся — бюро Орджони-

кидзевского РК КП(б) Грузии отменило решение парткома НКВД, объявив Васильеву строгий выговор с той же убийственной формулировкой, а год спустя его после долгих мытарств восстановили в органах и направили в Тамбов на должность начальника контрразведывательного отдела областного управления НКВД. В годы войны Васильев служил заместителем начальника особого отдела в 54 и 55 армиях на Ленинградском и Волховском фронтах, а в мирное время использовался на руководящей работе в территориальных органах госбезопасности Литвы и Башкирии.

Выходит, не так страшен черт, как его малюют? Не торопитесь с выводами. То, что Васильева не прикончили выстрелом в затылок и не отправили в места не столь отдаленные, объясняется исключительно удачным стечением обстоятельств. «Меня бы никогда не восстановили в партии, — впоследствии писал Васильев, — если бы не состоялось известное решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 октября 1938 года о перегибах в следственной работе органов НКВД». Так что, не улыbnись ему судьба, Васильев, безусловно, разделил бы участь многих тысяч чекистов, которые в той или иной форме восставали против произвола, бывшего — им, думаю, не довелось понять это до конца — неотъемлемой чертой, органическим свойством сталинской диктатуры.

Однако служебный путь Цветаева, Жулидова и им подобных показывает, что одного ревностного изуверства еще не было достаточно для заметной карьеры. Возможно, требовался еще и гибкий ум? Известно ведь, что Сталин к числу глупцов не принадлежал и глупцов не жаловал. А между тем Рухадзе и Рюмин умом не блистали, натурами были духовно ограниченными, о чем

свидетельствуют и приведенные автором штрихи их личной жизни. Изложенные факты совпадают с документальными первоисточниками вплоть до мелочей вроде той, чем закусывал Рюмин, находясь в гостях у гражданки П. В описании личностей К. Столяров не сгустил краски, как это нередко бывает у пишущих на подобные темы. Ведь естественное неприятие подлости зачастую приводит к черно-белому изображению палачей и жертв, а значит, и к невольному прегрешению против истины. Здесь автор поступил иначе — ограничил палитру для наброска портретов сугубо следственными материалами и даже внутренние монологи Рюмина реконструировал из его собственных писем, отправленных или задержанных жалоб. Так что в оценке Рухадзе и Рюмина я всецело согласен с автором.

Благодаря чему эти ничтожества все-таки выплыли на поверхность? Каково здесь соотношение случайного и закономерного?

Думаю, что не ошибусь, если скажу: на месте Рюмина и Рухадзе, разумеется, могли быть люди с другими фамилиями и биографиями, но непременно со сходными качествами. Дело в том, что основатели казарменного социализма расчетливо подбирали руководящий состав органов госбезопасности из числа лиц безраздельно преданных, готовых буквально на все ради карьеры, орденов, званий и даже хозяйской похвалы. А в какой мере умен и сведущ тот или иной работник — это считалось второстепенным. Нужны были и умные, но, как показала практика, успешно продвигались по службе большей частью негодяи и конформисты, в то время как честным чекистам выпадала иная, зачастую трагическая участь. По-другому не могло быть: сталинизм культивиро-

вал в людях не самостоятельность мышления, а приверженность догмам и безропотную исполнительность. Для выбора идей достаточно было Вождя и его близкого окружения.

Обслуживание не реальных потребностей страны, а идей рано или поздно превращало исполнителей в людей, заведомо обреченных. Понимал, к примеру, тот же Рухадзе мифичность будто бы разоблаченных шпионских организаций. Но результативное «выявление» турецких шпионов и эмиссаров повлекло указание Инстанции об активизации закордонной работы против соответствующих центров. А если их не оказывалось? Откуда брать доказательства разгрома вражеских гнезд? Снова из досягаемого окружения или из собственной же закордонной агентуры. Возможно, в этой логике кроется одна из причин уничтожения многих из вернувшихся на родину советских разведчиков. Их трагедия призвана была подтвердить чей-то вымысел либо устранить свидетельства провала предшествующего несостоятельного замысла.

Разведка и контрразведка существовали всегда, они — ровесники человечества. Если в прошлые века обе эти спецслужбы более или менее уравнивали друг друга, то XX столетие явило нам несомненный феномен — шпиономанию, следствием чего стало гигантское разрастание контрразведки. И, заметьте, особенно в странах с тоталитарными режимами. Там под это подвели и теоретическую базу, вроде известного сталинского положения об обострении классовой борьбы. Это положение, на мой взгляд, следует рассматривать как фиговый листок, еле-еле прикрывавший преследование и уничтожение свободной мысли, элементарное попрание человеческого

достоинства, превращение миллионов людей в винтики бездушной машины, издевательски именуемой «обществом победившего социализма». Отсюда и естественный результат.

Карающее острие контрразведывательных структур направлялось не столько против агентуры иностранных разведок, сколько против своего же народа. И если Сталину, кому-то из его приближенных и даже мелким сошкам в центре и на местах требовалось избавиться от потенциального конкурента или от кого-то, кто много чего знает или, допустим, перестал быть полезным, то не было ничего проще — человека объявляли изменником Родины, и он исчезал с глаз долой.

Как принципиальный противник огульного подхода в оценке людей я не распространяю характеристики «преторианцев» на всех сотрудников бывших органов госбезопасности. Но комментатор ограничен содержанием предыдущих глав повести, где основные персонажи уже на подъеме своей карьеры несут печать незавидного конца. Общий курс репрессий против соотечественников неумолимо втягивал в самоедство их самих.

Вернемся к описанным событиям — Рухадзе арестовал Рапаву, а Рюмин арестовал Рухадзе, причем каждый из них обвинял свою жертву в государственной измене, в связях с иностранными разведками, во вражеских намерениях и т. п.

На Рухадзе эта цепочка не оборвалась: Рюмина арестовали люди Берии, а три месяца спустя был арестован и сам Берия, которому предъявили то же обвинение. О Берии разговор отдельный, он впереди, а Рапава, Рухадзе и Рюмин, судя по их поступкам, ни сном ни духом не помышляли

о предательстве. Напротив, казарменный социализм был для них идеальной средой обитания. Почему же им упорно «сватали» измену Родине, тогда как в Уголовных кодексах РСФСР и Грузинской ССР были предусмотрены другие статьи, точно соответствовавшие их деяниям?

Во-первых, измена Родине сразу же ставила человека вне закона. Кем бы он ни был до ареста, его прошлое разом перечеркивалось, так что о каких-либо сомнениях в виновности говорить не приходится: арестованный превращался не просто в изгоя, а в живой труп, чья смерть была только делом времени. Во-вторых, обвинение в государственной измене не нуждалось в исчерпывающих доказательствах — Особые совещания при территориальных органах НКВД, или, в просторечии, «тройки», довольствовались признаниями обвиняемых и свидетельскими показаниями. Судилище было заочным, длилось, как правило, несколько минут, а то и секунд, стороны — как обвинение, так и защита — к рассмотрению не привлекались, а решения «троек» не подлежали кассационному протесту или обжалованию. Словом, что хочу, то и творю.

Карательная практика тридцатых, сороковых и начала пятидесятых годов высветила катастрофическую ущербность следователей из НКВД и МГБ. (Впрочем, я отнюдь не убежден, что и прежде, во времена ВЧК — ОГПУ, уровень их работы был всегда достойным.) Приведу два примера из материалов, отраженных в повести «Преторианцы».

Автор мельком упомянул о трагической судьбе колхозного пчеловода Г. И. Леткемана, по национальности немца, который в 1937 году обвинялся «в террористической, шпионско-разведы-

вательной и вредительской деятельности в пользу иностранного государства». Подвергнутый нечеловеческим мукам, Леткеман подписал все, что подсовывали ему следователи во главе с Рухадзе. Чтобы читатели сами оценили степень их скудоумия, процитирую выдержки из протокола допроса Леткемана, от начала и до конца сочиненного этими, с позволения сказать, «умельцами»:

«...Кусов дал мне полные сведения о пчеловодстве по району за 50 рублей. Я спросил у него, знает ли он, для чего я взял эти сведения, на что последний ответил: «Очевидно, для журнала или статьи в газету...» В дальнейшей беседе я ему сказал, что собираю сведения не для журнала и газеты, а для германской разведки и что он может стать агентом и систематически давать сведения о пчеловодстве в районе... Кусов дал на это согласие...»

Этот же текст слово в слово повторяется в «показаниях» Леткемана об обстоятельствах успешной вербовки обвиняемого Гайдовского с той лишь разницей, что вместо сведений о пчеловодстве по Гагринскому району там фигурирует количество дров, заготовленных в 1935 году по Бзыбскому ущелью.

Остается только вообразить реакцию Гейдриха и Канариса, если бы эта информация стала достоянием немецкой разведки...

Решением Особого совещания при НКВД Грузинской ССР от 26 сентября 1937 года Гергард Иванович Леткеман и еще одиннадцать ни в чем не повинных граждан были осуждены к высшей мере наказания с конфискацией имущества.

Военная коллегия Верховного суда СССР 19 июля 1954 года рассмотрела в судебном заседании протест Генерального прокурора СССР на

позорное решение «тройки» и посмертно реабилитировала всех осужденных.

О том же самом наглядно свидетельствует и история предварительного следствия по делу Г. Д. Гегелии, бывшего советского разведчика, арестованного Рухадзе по прямому указанию Сталина. Этот человек упоминался автором в главе «Мегрело-националистическая группа» и, думаю, заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробнее.

Гегелия в течение двадцати лет успешно выполнял специальные задания за границей. Качество его работы охарактеризовал в ходе следствия по делу Рухадзе А. А. Гузовский, в прошлом генеральный консул СССР во Франции:

«Гегелия — старый и опытный агент, в совершенстве освоивший методы работы за кордоном. Все задания, которые ему давались, выполнял четко и аккуратно. Я проверял Гегелию через имеющиеся у меня возможности и убеждался в том, что он относится к сотрудничеству добросовестно... Никаких оснований сомневаться в честности агента Гегелии у меня нет. Такого же мнения были о нем сотрудники, у которых он находился на связи как до меня, так и после моего отъезда из Франции. Гегелия считался ценным агентом, выполнял серьезные задания органов советской разведки. Правда, более активному использованию Гегелии в послевоенные годы мешало то обстоятельство, что своим участием в движении Сопротивления он в определенной мере расшифровал себя как советский агент и поэтому подлежал отправке в Советский Союз, чего и сам добивался...»

Может быть, у подчиненных Рухадзе имелась другая информация, изобличавшая Гегелию

в предательстве? Как явствует из материалов дела, порочивших его данных вообще не было!

«В 1952 году я работал в бывшем 2-м отделе МГБ ГССР и вел дело Гегелии, — показал на допросе в МВД СССР тбилисский следователь Мурадов. — Факты его антисоветской деятельности во Франции не нашли подтверждения либо выяснились в другом свете. Чувствовалось, что к аресту Гегелии подошли необъективно и он оказался жертвой компании...

Его жена — Люсет Камиловна Сан-Реми, гражданка Французской Республики, тоже подвергалась аресту... Вопреки правилам ее арест не был согласован с Министерством иностранных дел СССР...

Вскоре мне из коридорных разговоров стало известно, что вопросом ареста Гегелии интересовался И. В. Сталин... Поэтому следствием принимались всяческие меры к тому, чтобы как можно быстрее разоблачить Гегелию. В таких условиях наивно было бы встать и сказать на совещании, что у меня на руках материалы, смягчающие либо оправдывающие его действия.

Рухадзе возлагал большие надежды на показания Гегелии. Он считал, что Гегелия и другие резмигранты должны в первую очередь «лопнуть», то есть дать признания...

По указанию Цепкова, которого я просил снять с Гегелии режимные условия, я был вынужден допрашивать Гегелию по установленному для всех графику — с 10 часов вечера до 5 утра...»

Хотя Гегелия не «лопнул», никто не собирался освободить его из-под стражи. Наоборот, знавший о его невиновности следователь Мурадов подготовил заключение, а когда его забраковали по причине мягкости, под диктовку начальства

написал новый вариант, в котором Гегелия выставлялся врагом народа.

Попади дело Гегелии в «тройку», ему дали бы минимум двадцать пять лет лагерей, но вышло по-иному — в составе «преступной группы» он 2 декабря 1952 года предстал перед военным трибуналом ЗакВО. Опытные судьи моментально зафиксировали грубое нарушение процессуального закона — дела на агентов не могли рассматриваться вместе с делами обычных граждан — и тут же направили дело Гегелии обратно в МГБ. В процессе доследования ни один из пунктов предъявленного ему обвинения не подтвердился, в результате чего 14 декабря 1953 года дело было прекращено производством и Гегелия наконец-то вышел из тюрьмы.

Что из этого следует? Вывод налицо: казарменный социализм принципиально не нуждался в правосудии. Даже «ручной», подвластный телефонному праву суд никак не совмещался с целями и задачами заправил тогдашней диктатуры, мешал им, в то время как «тройки» вкупе с инквизиторскими методами следствия годились, потому что превосходно их обслуживали.

Есть и третья причина штамповки обвинений в шпионаже и предательстве. Репрессивный молох уже поглотил бухаринцев и троцкистов, сгинула «ежовщина», но еще не пришло время разоблачения «бериевщины». Практически исчерпала себя идея раскрытия сетей заговорщиков, сплетенных кем-то из видных деятелей с вовлечением людей своего круга. Послевоенная элита персонально подбиралась с одобрения Вождя и его мудрого окружения, неспособных ошибаться. Иное дело, когда работник был пригоден, а потом неожиданно попался в щупальца иностран-

ной разведки. Не надо пересматривать его прежние дела и собственные решения. Был хорошим, потом изменил — и баста.

Но и чрезмерно усердное выявление изменников бросало тень сомнения на привлекательность сталинских идей и эффективность вездесущих «органов», что также было опасным. По всей видимости, Сталин чуял это и уже сам считался с выданным народу образом светлого пути по выкорчеванному от монархистов, прочих контрреволюционеров и фашистов людскому полю. Оставались национальности и народности, следовательно, и легко объяснимое появление националистических групп, борьбой с которыми несложно маскировать суть политики репрессий. Здесь и разгадка одновременного приближения Рухадзе и Рюмина. Первый показался понятливым, намеки Вождя улавливал, на второго «озарение» нашло самостоятельно и вовремя. Оба не оправдали надежд, к тому же Рухадзе явно отклонился от своей роли, потому лишился доверия чуть раньше Рюмина.

ОТЩЕПЕНЕЦ

Вскоре после позорного изгнания Рюмина в Министерстве государственной безопасности СССР воцарилось праздничное настроение, о причине которого весь советский народ узнал из пришлопамятного сообщения ТАСС от 13 января 1953 года об аресте группы врачей-вредителей. Поскольку этот документ широко известен, не буду входить в подробности, отмечу только, что кроме ранее упомянутых мною «фактов» там содержалось утверждение, будто большинство участников террористической группы (М. С. Вовси, Б. Б. Ко-

ган, А. И. Фельдман, А. М. Гринштейн, Я. Г. Этингер и другие) было связано с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах, а на деле осуществляющей шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность, и что другие участники той же террористической группы (В. Н. Виноградов, М. Б. Коган, П. И. Егоров) оказались давними агентами английской разведки.

И страна всколыхнулась. На повсеместно проходивших митингах выступали руководители, ветераны партии, передовики производства, видные деятели культуры, гневно клеймившие подлых изменников Родины, «извергов рода человеческого» и пр.; газеты были наводнены письмами читателей, требовавших самой суровой кары убийцам в белых халатах и выражавших сердечную благодарность врачу Кремлевской больницы Лидии Феодосиевне Тимашук, которая «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц» только что была удостоена ордена Ленина и объявлена выдающейся патриоткой; в народе распространялись слухи о том, что во многих родильных домах были умерщвлены новорожденные и что совершили это злодеяние евреи, будь они трижды прокляты, что в аптеках вместо лекарств отпускают яды и т. п.

Антисемитская подоплека пропагандистского бума вокруг дела врачей не вызывала сомнений, а наличие среди арестованных лиц других национальностей мало что меняло — мигом нашлись доброхоты, с апломбом утверждавшие, что это тоже иудеи, только замаскированные. Надо, мол, перевести ихние фамилии на истинный лад, и тог-

да все ясно: Виноградов — это Вайнтрауб, Зеленин — это Гринбаум и т. д. А чтобы добиться максимального эффекта, в число выступавших на митингах по указке свыше в обязательном порядке включались евреи — пусть простые советские люди своими глазами увидят двуличие этой публики. Не выступить с обличением изуверства единоплеменников было нельзя — за отказ выгоняли с работы, а то и сажали за решетку.

В этой связи мне вспоминается случай в Ленинградском технологическом институте им. Ленсовета, где я учился. Там работал доцент Вовси, если не ошибаюсь, родной племянник арестованного в Москве профессора-терапевта М. С. Вовси. Как только начались те самые митинги, доцент Вовси скрылся или перешел на нелегальное положение; и три-четыре месяца о нем не было ни слуху ни духу, а когда «врачей-убийц» публично реабилитировали и наш доцент вновь явился на службу, оказалось, что ему нечего делать — коллеги по кафедре органической химии расхватили его учебную нагрузку и не пожелали добровольно расставаться с приварком. Что можно сказать по этому поводу? Древние римляне на пороге старой и новой эры воздевали руки к небу, горестно восклицая: «О времена, о нравы!» А мы?

Словом, начало 1953 года выдалось бурным: одни ликовали, гордясь разоблачением вражеской агентуры, другие негодовали, вопя о возмездии, третьи помалкивали, догадываясь, что в этой истории концы с концами не сходятся, а Рюмин понуро ходил в поисках работы и повсюду наталкивался на глухую стену равнодушия. Жена как могла успокаивала, целыми днями твердила, что он не пропадет, что бухгалтеры требуются везде,

а Михаила Дмитриевича никуда не брали, и на душе у него было черным-черно.

До чего же несовершенен окружающий нас мир, до чего слепы люди, удрученно размышлял он, сидя дома и уставившись в одну точку. Что из того, что он не завершил следствие по делу евреев-врачей? Разве в этом соль?! Кто-то, вероятнее всего, министр Игнатьев, из боязни за свою шкуру подставил его, Рюмина, под удар Сталина, вот и все. А было бы у него время, хотя бы еще месяц-два, он бы — не сойти ему с этого места! — справился не хуже других. Что особенного сделали там, на Лубянке, после его отстранения? Нахватили старых жидов по всем клиникам Москвы, устроили им круглосуточный мордобой и заставили признаться, что те работали на США по наводке Михоэлса и Шимелиовича. Это ли не халтура? Михоэлс с Шимелиовичем давно покойники, они ни признать, ни опровергнуть чьих бы то ни было показаний не могут, так что реального выхода на Америку как не было, так и нет. А звону — Бог ты мой! Почему у нас, в самой, казалось бы, справедливой стране, нет по-настоящему объективного подхода к людям, почему нарушается священный принцип — каждому по труду? Взять и сравнить трудовой вклад его, Рюмина, и этой сучки Тимашук, все заслуги которой сводятся к пятилетней давности доносу о просчете врачей, лечивших Жданова. Сегодня имя Тимашук у всех на устах, а про него не вспомнит ни одна собака, хотя он, Михаил Дмитриевич Рюмин, сам, без посторонней помощи, буквально из ничего выстроил схему еврейского заговора, подкрепил фактами, вычленил оттуда ветвь врачей-вредителей и, образно говоря, в поте лица взрастил урожай, который достался кому попало,

только не ему, честному пахарю. А ведь счастье было так близко, так возможно, но в самый ответственный момент фортуна поворотилась к нему жирной задницей! Теперь у Тимашук,— чтоб ей, гадине, сдохнуть побыстрее,— орден Ленина, а у него что? Волчий билет!

После Нового года Михаил Дмитриевич пришел на Лубянку, чтобы уплатить членские взносы, и секретарь первичной парторганизации полковник Цветаев еще подсыпал ему соли на раны. «Давно пора было всюду применить дубинку, а ты этого не делал, чего-то стеснялся,— по-свойски заявил Цветаев, дыша на штампик и ставя оттиск в партбилете Рюмина. — Вот сейчас руководство правильно поступает, и дела пошли...»

Но еще болезненнее унизили Рюмина несколько дней спустя, когда он с протянутой рукой явился в МГБ за вспомоществованием. «В январе 1953 года я зашел к Игнатьеву с просьбой выдать мне зарплату за январь, так как в это время еще не имел работы, — позднее вспоминал он. — Игнатьев удовлетворил мою просьбу и, сияя от удовольствия, сказал, что теперь «гроза миновала» — дело врачей удалось довести до желаемого конца».

«Ну и народ, сволочь на сволочи! — про себя возмущался бедный Михаил Дмитриевич. — Не люди, а свиньи неблагодарные!»

В органах госбезопасности не принято откровенничать с бывшими сослуживцами, поэтому Михаил Дмитриевич ни словечка не услышал о ходе следствия по делу антисоветской мегрелонационалистической группировки. Впрочем, это его ни капельки не интересовало. Пусть они там, в Грузии, все друг дружку пересажают, ему-то что до них?!

Между тем бригада полковника Цепкова продолжала действовать в прежнем направлении и даже несколько расширила «фронт работ», произведя новые аресты, но, по большому счету, все еще не достигла успеха. В подтверждение приведу выдержку из объяснения И. Зоделавы, бывшего первого секретаря ЦК ЛКСМ Грузии:

«...Считаю нужным заметить здесь о странном толковании и передергивании фактов со стороны полковника Цепкова и следователя МГБ СССР Макаренко.

В 1950 году я был в числе других гостей приглашен на свадьбу родственницы Барамии. Цепков и Макаренко заставили меня признать, что это был не свадебный вечер, а «сборище мингрельских националистов», и оценить факт выхода замуж мингрелки за мингрела как националистическое явление. Кто-то из присутствовавших на вечере предложил тост за здоровье Барамии, пожелав ему успехов в жизни и в работе. Макаренко расценил этот факт как пожелание Барамии захватить власть в Грузии...

Макаренко заявил мне, что мингрельцы очень хвалят свою кухню потому, что они националисты, а вы, руководящие партийные работники, не принимали мер против подобных явлений и не изживали их, „так как сами являлись мингрельскими националистами...“»

Если читателям покажется, что они не встречали большего вздора, я берусь доказать, что это не предел, и предлагаю познакомиться с показаниями К. Бечвая, до ареста — первого секретаря Аджарского обкома КП(б) Грузии:

«На следствии подполковник Степанов из бригады Цепкова сразу же потребовал от меня полного признания, иначе я „испущу дух в камере“.

У него, дескать, имеются достаточные материалы и основания для того, чтобы сегодня же уничтожить меня как врага... Степанов сказал, что я являюсь турецким шпионом, английским, американским, французским, и особо подчеркнул почему-то, что я бразильский шпион, о чем меня впоследствии допрашивали специально. Кроме того, он связал меня с политэмигрантом Гегечкори, добиваясь от меня признания, что я родственник Гегечкори по той причине, что я родом из Гегечкорского района, работал на участке, граничащем с Турцией, и почему бы мне не быть в связях с грузинской меньшевистской эмиграцией в Париже...»

Впрочем, можно ли было ожидать других свершений от полковника Цепкова и его ассистентов? Неукоснительно выполняя заказ «великого продолжателя бессмертного дела Ленина», они старались в меру своего разумения и, естественно, ведать не ведали о том, какие напасти обрушатся на их головы в скором будущем.

Предчувствия не одолевали и Рюмина, в чьем бедственном положении наконец-то произошли позитивные сдвиги — 2 февраля 1953 года его зачислили на рядовую должность в Министерство госконтроля. Зарплату, правда, положили грошовую, но Михаил Дмитриевич понимал, что сейчас не до жиру. Хорошо, что не выдворили из Москвы, а то пришлось бы мыкаться — ни кола, ни двора где-то в занюханной глубинке. Надо тихо-спокойно пересидеть смутное время, проявить себя на низовой работе, а там, глядишь, наметится какой-нибудь просвет. Людская память короткая, пройдет год-другой, все порастет быльем, и тогда — будьте уверены! — уж он-то, наученный горьким опытом, больше свой шанс не упустит.

Поворотным моментом в судьбах действующих лиц этой повести явилась смерть Сталина. Кого-то из преторианцев эта смерть вознесла, кому-то ненадолго вернула свободу, а кого-то, напротив, погнала с насиженных мест и, более того, бросила за решетку. Чуть ли не первой жертвой оказался Рюмин. Он собирался в служебную командировку в Тулу, чтобы проверить тамошнее управление гострудсберкасс, но не попал туда — 17 марта в 23.30 ему предъявили ордер на арест. «А в чем дело?» — в полной растерянности вымолвил Михаил Дмитриевич, которого мигом прошиб пот. «Там объяснят», — прозвучало в ответ.

На этом мы прервем рассказ о гаснущей жизни Рюмина и переключимся на фигуру крайне одиозную, доселе выступавшую в нашем повествовании в качестве закадрового персонажа. Речь пойдет о Лаврентии Павловиче Берии. Состоявшийся сразу после смерти Сталина Пленум ЦК КПСС фактически сделал его вторым человеком в государстве, назначив первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и вручив ключи от Лубянки. И Берия начал действовать без промедления. Чтобы его шаги не казались чересчур странными, слегка приподнимем завесу, скрывавшую истинный характер взаимоотношений между кремлевскими царедворцами и их только что умершим властелином.

ЗАМЫСЕЛ ВОЖДЯ

Прежде чем перейти к подробностям, напомним читателям, что в решении ЦК ВКП(б) о наличии антисоветской группировки Барамии говорилось не только об опаснейших проявлениях мег-

рельского национализма, но и о взяточничестве, хищениях и растратах в Грузии. Между тем в следственных материалах по делу Барамии, Рапавы и других нет ни слова о корыстных преступлениях. Быть может, Сталин почерпнул соответствующую информацию не из доноса Рухадзе, а из иных, более авторитетных источников? Должны же быть основания для столь категоричных формулировок.

Написал эти строки и остановился, подумав — а поймут ли меня? Многие, кто язвительно, а кто добродушно, посмеются над наивностью автора, который считает, будто казнокрадство в Грузии нуждалось в каких-то особых доказательствах. На кой леший они, эти доказательства, когда семьдесят с гаком лет нашу страну, от Бреста до Камчатки и от Мурманска до Кушки, разворовывали все, кому не лень? А о Грузии, мол, смешно говорить — там живут такие лихоимцы, что пробу ставить негде!

Где было больше всего хищений и взяток — в Тбилиси или в Москве, в Ташкенте или в Ростове-на-Дону — это еще вопрос. Но суть, по моему, не в нем. Куда важнее то, что рост числа и размеров корыстных преступлений начался в конце пятидесятых годов, его темпы постепенно ускорялись, а «девятый вал» пришелся на период перестройки. Крали, конечно, и при Сталине, но не в пример скромнее — сдерживал страх, реальная опасность, исходившая от миллионной армии штатных и внештатных осведомителей, — и Грузия не была исключением из правила.

Итак, откуда же Сталин получал информацию о явном неблагополучии в Грузии? Оказывается, сведения о взяточничестве поступили от замести-

теля министра путей сообщения СССР В. А. Гарныка, сопровождавшего Сталина в его последней поездке на юг. Как показал на допросе арестованный генерал-лейтенант Власик, Гарнык сообщил эти сведения ему, а он — Иосифу Виссарионовичу.

Что же из ряда вон выходящего выявил Гарнык, если он осмелился нарушить покой отдыхавшего Вождя?

Об этом мы узнаем из докладной записки Рухадзе:

«Товарищу СТАЛИНУ

22 октября сего года я связался с замминистра путей сообщения тов. Гарнык В. А. и спросил о лицах, которые поставили его в известность о фактах взяточничества при поступлении в вузы Грузинской ССР. Получив необходимые данные — приступил к проверке.

Докладываю результаты проверки:

— во время нахождения в Боржоме с 13 августа по 14 сентября 1951 года тов. Гарнык В. А. проживал в своем служебном вагоне на ст. Боржом-товарная. В этот период он познакомился с членами семей железнодорожников Гаглошвили, Элисашвили, Тулашвили и Сухаревой и расспрашивал их о жизни...

Дочь железнодорожника Элисашвили Гульнара Арчиловна (20 лет) в беседе высказала недовольство тем, что она два раза держала экзамен в Грузинский сельскохозяйственный институт и ее не приняли, добавив, что без протекции это не удастся.

Проверкой в Сельхозинституте установлено, что Элисашвили Г. А. в 1950 г. срезалась по физике, потеряла право сдачи экзаменов по другим

предметам и взяла документы обратно. В 1951 г. она вновь вышла на экзамены в тот же институт, однако набрала 19 баллов вместо установленного минимума в 23 балла из 30 возможных.

— никто из лиц, с которыми встречался тов. Гарнык В. А., не подтвердили, что они говорили ему о том, что для поступления в вузы Грузинской ССР нужна взятка порядка 10 000 рублей, как сообщил тов. Гарнык В. А.

Одновременно в ходе проверки был выявлен ряд неправильных действий тов. Гарнык В. А., о которых считаю необходимым довести до Вашего сведения:

— тов. Гарнык В. А. почти каждый день находился в нетрезвом состоянии. Он по два-три раза в день, будучи выпившим, заходил в буфет на ст. Боржоми-товарная и на виду у всех за прилавком распивал спиртные напитки, предъявляя при этом претензии буфетчице Новрузовой Н. И. о недостаточной охлажденности напитков...

Н. Рухадзе

29 октября 1951 г. г. Тбилиси».

Этот документ я привел почти полностью только для того, чтобы читатели сами оценили и «сведения» и их источник. Напомню, что нашептывания Рухадзе и Мгеладзе тоже не внушали доверия. Однако Сталин отдал приказ спешно выпустить решение ЦК ВКП(б). Значит, у него был свой расчет. Активность Сталина в расследовании мегрельского дела косвенно подтверждает его личную заинтересованность, но не раскрывает ее мотивов. Чего же он добивался? На кого замахнулся?

Если помните, в Цхалтубо во время обеда, на

котором присутствовал Рухадзе, Сталин пренебрежительно отозвался о Берии, сказав Поскребышеву, что «Лаврентий всюду подсовывает мегрельцев». Как трактовать эту реплику — как ничего не значащее проявление старческой ворчливости или как проговорку?

Чтобы докопаться до истины, я изучил биографии арестованных и довольно быстро установил, на кого они ориентировались, какому богу молились.

М. И. Барамия был выдвинутцем Берии и, стремясь выслужиться, защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Выдающаяся роль Берии в обороне Кавказа». В дальнейшем он хотел выпустить ее отдельной книгой, но не успел — помешал арест. Рукопись книги была изъята при обыске.

А. Н. Рапава рука об руку работал с Берией с 1924 года, когда стал его заместителем в секретно-политической части ЧК Грузии; в 1935 году по инициативе Берии его назначили заместителем наркома внутренних дел республики, а в 1937 году перебросили в Сухуми — председателем ВЦИК, а позднее — председателем Совмина Абхазии. В 1938 году Берия вернул Рапаву в Тбилиси, чтобы использовать в качестве шефа НКВД Грузии. Они дружили семьями. Кстати говоря, жена Берии в своих показаниях на следствии коснулась отношений между Берией и Рапавой:

«...когда Рапава стал наркомом, он изменился, чувствовалось проявление подхалимства. К тому же должна сказать, что Рапава человек ограниченный. Говорила об этом Берии — зачем держать такого идиота на таком ответственном посту? Берия ответил грубо: „Не вмешивайся, не твоего ума дело...“»

Г. Т. Каранадзе и П. А. Шария входили в ближайшее окружение Берии; В. М. Максимелашвили, до ареста служившая в Первом управлении МГБ СССР в звании майора, еще в 1938 году работала секретарем Берии в Тбилиси, а затем, переехав в Москву вслед за ним, получила жилплощадь в доме на 2-й Троицкой улице, где первое время проживал сам Лаврентий Павлович, и т. д.

Короче говоря, арестованные по мегрельскому делу принадлежали к бериевской лейб-гвардии. Выходит, что Сталин, затеяв мегрельское дело, подбирал ключи к Берии? Для полной уверенности мне не доставало фактов, и я сомневался до тех пор, пока в одном из томов уголовного дела не наткнулся на племянника жены Берии — личность этого гражданина и, главное, та роль на следствии, которую отвели ему Рухадзе с Цепковым, мигом развеяли мои сомнения.

Нина Теймуразовна Берия, в девичестве Гегечкори, рано осиротела и воспитывалась в семье Шавдия, близких родственников ее матери. Она вышла замуж в 1922 году, когда ей было шестнадцать лет, а год спустя в семье Шавдия родился младенец, названный Теймуразом. К 1940 году сей младенец превратился в развязного хлыща, чьи хулиганские выходки настолько досадили родителям, что те отправили сыночка в Москву — авось тетя Нино и дядя Лаврик окажут на него благотворное воздействие. Дядя Лаврик от наставничества уклонился, ему и без того хватало забот, а Нина Теймуразовна верно оценила дурные наклонности племянника и решила, что спасти его от тюрьмы может только Красная Армия. Так Теймураз Шавдия стал курсантом Подольского стрелково-пулеметного училища, а затем перевелся в бронетанковое училище, дислоциро-

ванное в городе Ново-Борисове Белорусской ССР. В конце июня 1941 года личный состав училища отправили на фронт, чтобы задержать прорвавшиеся немецкие части. Дней через 10-15, уже в июле, Теймураз Шавдия попал в окружение и сдался в плен. Девять месяцев спустя он вновь оказался на фронте и воевал в районе Туапсе, но уже на стороне немцев, будучи командиром отделения в грузинском национальном легионе. За верную службу и высокую дисциплинированность новые хозяева наградили его медалью «Зеленая лента». Вскоре подававший надежды воин завербовался в части СС, прошел переподготовку в Крыму и был направлен для дальнейшего прохождения службы во Францию, где в чине унтер-шарфюрера выполнял обязанности переводчика, нес караульную службу в тюрьмах, дважды сопровождал в Германию эшелоны с участниками движения Сопротивления, а также, по собственному признанию, принимал участие в расстрелах французских патриотов.

В конце войны Теймураз Шавдия был арестован французами, но счастливо избежал расплаты, вступив в «Антивласовский комитет» и раздобыв там фиктивные документы об участии в освободительной борьбе с фашизмом. В августе 1944 года в Париже произошла первая встреча Теймураза с бывшим министром иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии Евгением Гегечкори, который сразу же заговорил с ним об общих родственниках, выделив Нину Теймуразовну Берия и ее сановного супруга. Гегечкори охотно помогал молодому родственнику деньгами, подарил ему костюм, макинтош, шляпу, а с наступлением холодов преподнес теплое серое пальто.

В 1945 году Шавдия прилетел в Советский Союз на самолете вместе с П. А. Шария, бывшим секретарем ЦК КП(б) Грузии, и преспокойно зажил в отчем доме. С учетом его, мягко говоря, небезупречного прошлого органы госбезопасности, казалось бы, должны были проявить к нему специфический интерес, но почему-то не проявили. Мало того, сохранивший хулиганские замашки Теймураз как-то на пикнике в окрестностях Тбилиси ненароком пристрелил из пистолета знакомую девушку, но и это сошло ему с рук.

В ответ на вопрос, почему Теймураз Шавдия по возвращении на родину не был подвергнут аресту, Рапава на допросе у Рухадзе признал, что это должно было произойти, но не произошло по причине, которую он, Рапава, якобы не помнит.

Гадать на кофейной гуще не стоит, все предельно ясно — страшась гнева Берии, Рапава не посмел беспокоить таких высокородных людей, как члены семейства Шавдия-Гегечкори.

Смена министров госбезопасности в Грузии на судьбу Шавдии не повлияла — Рухадзе не хуже Рапавы знал, с кем имеет дело, поэтому бывший ээсовец гоголем расхаживал по тбилисским улицам и в ус не дул вплоть до декабря 1951 года, когда Рухадзе рассказал о нем Сталину.

Мудрый Иосиф Виссарионович, надо полагать, моментально собрал, какую выгоду можно извлечь из Шавдии, приказал арестовать его и, видимо, лично predetermined, что Теймураз возьмет на себя роль агента-связника между Гегечкори и мегрельскими националистами, за которыми стоял Берия. Вряд ли Рухадзе сам нашел столь ловкий ход, а если бы и нашел, то никогда не отважился на безрассудство — слишком высоко засел Лаврентий Павлович Берия, чтобы от-

крыто обнажать против него чекистский меч. Коль скоро Шавдию допрашивали без каких-либо скидок на родственные связи — значит, Сталин разрешил Рухадзе с ним не церемониться.

Для чего же Сталин копал яму Берии? Поскольку смерть помешала ему завершить начатое, нам остается только гадать. Вполне возможно, что он хотел избавиться от Берии. Возможны и иные гипотезы — ведь бережно собирая компромат на своих соратников, Сталин отнюдь не всегда пускал его в ход, предпочитая держать их на крючке. Хозяин — барин: захочет — казнит, не захочет — даст еще пожить, чтобы не за совесть, а за страх создавали материально-техническую базу коммунизма. А может быть, Сталину взбрело в голову арестовать Нину Теймуразовну. Раз уж он сажал за решетку жен Молотова и Калинина, то почему нужно было делать исключение для Берии? Человек он был непредсказуемый, в темных омутах его сознания не отыскать однозначных ответов...

Знал ли Берия, что на него охотятся? Здесь, по-моему, сомневаться не приходится — он знал все до мелочей. Пытался ли он защищаться? Если и пытался, то совершенно незаметно. Он, вероятно, укрепил оборону и выжидал, что ему было не впервой, ибо могильный холод опалы и прежде доходил до Лаврентия Павловича. Но тем и отличается закаленный боец от скороспелых недоумков, возомнивших себя знатоками политики, что нипочем не выдаст тревоги. Берия часто встречался со Сталиным, пил с ним вино, чокался и не отводил глаз под пристальным взглядом Вождя. Оба они были выдающимися актерами и в этом отношении не уступали друг другу.

В последнее время высказываются догадки, что Берия помог Сталину досрочно перекочевать

в мир иной. Не вступая в дискуссию с теми, кто придерживается данной точки зрения, вскользь замечу, что, на мой взгляд, это крайне маловероятно. Дело в том, что вопреки распространенному заблуждению в те времена Берия не контролировал кремлевскую охрану, а пойти с кем-то на тайный сговор он, думаю, поостерегся.

Кто еще знал о подкопе под Берию? Кроме Рухадзе, Рюмина и Игнатьева полностью в курсе дела был Маленков — Игнатьев регулярно осведомлял Георгия Максимилиановича о всех сколько-нибудь значительных операциях. Допускаю, что Маленков не только знал, но и способствовал проводившимся в МГБ «земляным работам» — как известно, члены Политбюро сталинского ЦК дружелюбием не отличались и больше всего на свете любили хоронить коллег.

К моменту, когда Берия твердо взял в руки карательные органы страны, Рухадзе уже сидел в Лефортово, в то время как Маленков формально занял место Сталина, а Игнатьев был избран секретарем ЦК КПСС, курирующим МВД. Что же касается Рюмина, то он был совершенно беззащитным и при умелом обращении мог потянуть за собой других. Поэтому Лаврентий Павлович начал с Рюмина.

СОРТИРОВКА

В наследство от упраздненного Министерства государственной безопасности СССР Берии достались Внутренняя и Лефортовская тюрьмы, битком набитые «врагами народа». С ними надо было что-то решать, и то, как поступил Берия, четко характеризует и его самого, и те критерии, которыми он руководствовался.

Созданная по распоряжению Берии комиссия вникла в материалы следствия по делу врачей-убийц, передпросила арестованных, затребовала объяснения от каждого члена следственной группы и в месячный срок завершила свою работу, составив убийственной силы документ, вынесенный на рассмотрение Пленума ЦК КПСС. Берия доказал, что Игнатьев, будучи министром госбезопасности с июля 1951 года по март 1953 года, не пресекал противоправную деятельность подчиненных и сам насаждал порочные методы ведения следствия, и настаивал на его аресте и привлечении к суду. Однако с его доводами не посчитались — защищая своего клеветника, Маленков смягчил удар, в результате чего Игнатьева вывели из Секретариата ЦК и вместо тюрьмы отправили в Уфу на пост первого секретаря Башкирского обкома КПСС.

4 апреля 1953 года газета «Правда» напечатала сообщение МВД СССР о реабилитации врачей. Там же под рубрикой «В Президиуме Верховного Совета СССР» была помещена следующая информация:

«Президиум Верховного Совета СССР постановил отменить Указ от 20 января 1953 года о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л. Ф., как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами».

Для проведения инспекции по мегрельскому делу специальная комиссия не создавалась — поскольку в материалах данного дела затрагивались весьма деликатные моменты, Берия занялся этим лично, подключив особо доверенных сотрудников в лице генерал-полковника Кобулова и генерал-лейтенанта Влодзимирского. О том, как они работали, лучше других рассказал А. Рапава:

«16 марта 1953 года я был этапирован во Внутреннюю тюрьму МГБ СССР. Через несколько дней меня вызвал на допрос начальник Следственной части по особо важным делам генерал Влодзимирский и предложил написать обо всем в камере. Я написал все, как было, после чего меня доставили в кабинет Берии, где находились он и Кобулов. Берия подробно расспросил о моем деле и методах следствия, потом сказал, что я буду освобожден и что арестовали меня по распоряжению Сталина.

«Ты ушел к Сталину, — с усмешкой заявил Берия, — а он тебя посадил». Этим он дал мне понять, что я как бы отошел от него за последнее время, поэтому такой результат. Тогда я не знал о смерти Сталина, и его заявление было для меня по меньшей мере странным...»

Примечательно, что в день освобождения из-под стражи Рапаву назначили министром госконтроля Грузинской ССР, о чем он узнал на Лубянке, стоя с вещами в кабинете Кобулова.

Примерно так же решилась судьба арестованного Каранадзе, с той лишь разницей, что он прямо из тюрьмы отправился на пост первого заместителя министра внутренних дел Грузии.

Остальные обвиняемые за решеткой тоже не задержались — 8 апреля 1953 года Берия утвердил постановление о прекращении уголовного преследования и освобождении из-под стражи 37 арестованных по делу мегрело-националистической группы Барамии. А их место заняли полковник Цепков и члены его бригады.

Реабилитационная кампания не обошлась без накладок. Зная, что Берия покровительствует томившимся в неволе грузинам, и желая угодить, генерал Влодзимирский, по свидетельству очевид-

цев, вместе с оправдательными документами на жертв мегрельского дела положил в папку министра и справку на Рухадзе. Берия возмутился и запретил Влодзимирскому всякую самостоятельность, в виде епитимии поручив ему пересмотреть дело Теймураза Шавдии, которому уже успели отверстать 25 лет лагерей. Рухадзе тоже побывал в кабинете Берии (это произошло 21 марта 1953 года) и наивно понадеялся на милость Лаврентия Павловича, но свобода ему только пригрезилась — выяснив подробности разговора Сталина с Рухадзе, Берия потерял к нему интерес. Тогда Рухадзе принес покаяние, оставшееся безответным:

*«Лаврентию Павловичу Берия
(лично)*

Я плачу, мучаюсь, раскаиваюсь во всем случившемся. Мне очень и очень тяжело...

Прошу поверить, Лаврентий Павлович, что у меня не было вражеских намерений. Обстановка и обстоятельства, в которых я оказался, а также одиночество, сыграли большую роль в моих грехах. Я не оказался на высоте своего призвания, я не оправдал доверия партии и наделал много серьезных ошибок вплоть до преступлений. Я полностью виновен, я давно это осознал и прочувствовал...

Лаврентий Павлович, Вы знаете меня свыше 25 лет, я рос у вас на глазах и воспитан Вами. Обращаюсь к Вам с просьбой как к родному отцу и воспитателю моему и на коленях, со слезами на глазах прошу пощадить, простить и помиловать. Прошу ради детей своих дать мне возможность умереть на воле, повидав их в последний раз...

Вы и только Вы, Лаврентий Павлович, можете спасти меня..

Арестованный Н. Рухадзе

5 апреля 1953 г. М-ва, Внутренняя тюрьма».

Среди тех, кто удостоился личной встречи с Лаврентием Павловичем, был и арестованный Власик, который без утайки рассказал все, что знал об истоках мегрельского дела. Реабилитация врачей, следуя логике, сулила свободу и Власику, но Берия распорядился вернуть его в камеру.

Из множества арестованных с санкции Сталина сотрудников госбезопасности, обвинявшихся в заговоре с целью свержения советского строя, Берия выпустил на волю примерно половину. Вновь приступили к исполнению своих обязанностей генералы Райхман и Эйтингон, тогда как бывший министр госбезопасности Абакумов по-прежнему сидел в камере, хотя выдвигавшиеся против него обвинения, как говорят, приказали долго жить.

Чем это объяснить? Только одним — затеянная Берией реабилитация носила сугубо избирательный характер и, по существу, была всего лишь сортировкой, разделением жертв свежих сталинских репрессий на своих, ничьих и чужих. Свои вызволялись из тюрем и расставлялись сообразно с наметками Берии, ничьи — тут уж кому как повезет, а чужие — на них ему было наплевать.

АРЕСТОВАННЫЙ № 5

И задолго до Рюмина, и при нем, и после него особо важные государственные преступники фигурировали в тюремной документации только

под номерами — фамилию, имя и отчество они утрачивали, чтобы надзиратели и прочая тюремная обслуга не узнали, с кем имеют дело. Так что доставили в приемник тюрьмы на Лубянке Михаила Дмитриевича Рюмина, а препроводили в камеру «арестованного № 5». Но прежде, как водится, его сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и составили анкету, для чего раздели догола и зафиксировали, что особых примет (увечий, повреждений, наростов, бородавок, лишних пальцев, рубцов, шрамов, плешивости, асимметрии лица, разноцветности глаз и татуировок), а также прочих особенностей и привычек (картавит, заикается, грызет ногти, жестикулирует, харкает и т. д.) у нового постояльца не замечено.

На первом допросе оправившийся от шока Рюмин держался эдаким молодцом, отрицал какую-либо вражескую деятельность и, охотно признавая отдельные ошибки, — у кого их нет? — заверял следователей, что «будет работать не покладая рук на любом посту, куда он будет назначен». На следующий день Рюмина допросил сам Берия. Допрос не протоколировался, однако известны его продолжительность — 55 минут, равно как и смысл — Лаврентий Павлович объявил Рюмину, что тот может рассчитывать на снисхождение лишь в том случае, если полностью раскроет свое нутро.

Собственноручные показания Рюмина любопытны разве что как образец тактического лавирования, как наивная попытка выдать себя за жертву форсмажорных обстоятельств.

«После того, как по моему заявлению на имя И. В. Сталина была дана острая оценка и начались аресты, я почувствовал себя в каком-то сильном водовороте и первое время не сопро-

тивлялся этому водовороту, а наоборот — своими некоторыми действиями усиливал его, — писал Рюмин. — Такое мое поведение... привело к возникновению большого дела на арестованных сотрудников МГБ СССР. Из результатов следствия мне было известно, что при самой острой оценке они (одни больше, другие меньше) совершали служебные преступления, однако я, руководствуясь преподанным Игнатьевым вопросником, без каких-либо оговорок требовал от подчиненных вести следствие в направлении вскрытия организованного вредительства по заданию иностранных разведок...

Такие документы представлялись нами в Инстанцию и вызывали еще более жесткие требования нажима на арестованных... Игнатьев передал мне указание ЦК бить арестованных врачей смертным боем...»

По-видимому, первая беседа с Берией изрядно подбодрила Рюмина. Во всяком случае завершил он собственноручные показания верноподданическим аккордом:

«Когда мне придется умирать, независимо в силу чего и при каких обстоятельствах, моими последними словами будут: Я предан партии и ее Центральному Комитету!»

В данный момент я верю в мудрость Л. П. Берия и нынешнего руководства МВД СССР и надеюсь, что мое дело будет иметь справедливый конец.

Рюмин. 24 марта 1953 г.»

Оптимизма Михаилу Дмитриевичу хватило ровно на четыре дня — 28 марта его вновь доставили в кабинет Берии. На сей раз разговор

длился 25 минут и закончился сухой фразой Лаврентия Павловича: «Больше я вас и вы меня не увидим. Мы вас ликвидируем».

Затем начались изнурительные допросы. Объективности ради отмечу, что бериевцы Рюмина не били, хотя он, по их мнению, злонамеренно уклонялся от дачи правдивых показаний. Но это не помогло — бывшие подчиненные изобличили Рюмина в фальсификации уголовных дел.

Для примера приведу выдержки из показаний майора госбезопасности Бурлака:

«Оказавшись у руководства следствием в центральном аппарате МГБ СССР, Рюмин стремился во что бы то ни стало доказать, что в министерстве действовала вражеская группа или организация во главе с Абакумовым.

В августе или сентябре 1952 года Гришаевым по указанию Рюмина была составлена для ЦК партии обзорная справка по делу Абакумова и других, которую я отнес к заместителю начальника Следственной части по особо важным делам Соколову, чтобы он просмотрел ее и высказал свое мнение. Как сейчас помню, Соколов пожал плечами и сказал, что в справке речь идет о группе, а фактически, насколько он знает, никаких данных или показаний о существовании антисоветской группы пока не имеется.

Я согласился с Соколовым и, придя к Рюмину, доложил ему мнение Соколова. Рюмин с раздражением бросил справку на стол и заявил, что Соколов не видит группы и организованной деятельности потому, что „он сам нечист на руку и замешан в этом деле“».

Вот как оценил Рюмина и, кстати, самого себя подполковник госбезопасности Гришаев:

«Рюмин в беседах со мной, Коняхиным и дру-

гими работниками, принимавшими участие в следствии по делу Абакумова и в окончании дела Еврейского антифашистского комитета, проводил мысль, что арестованные — люди обреченные, что вопрос об их судьбе решен в Инстанции, вплоть до меры наказания. Он всячески подчеркивал, что не следует обращать внимание на крупные недостатки и нарушения процессуальных прав обвиняемых.

В рапорте на имя Министра тов. Берия Л. П. и в объяснении на имя тов. Влодзимирского Л. Е. я старался честно и откровенно, не жалея себя, вскрыть корни допускаявшихся мною и другими сотрудниками Следчасти ошибок. Сейчас я могу лишь сказать, что никогда кроме желания быть максимально полезным Родине и народу других помыслов у меня не было. Сейчас с горечью в сердце должен признать, что некоторые из моих дел оказались в явном противоречии с желаниями и стремлениями...»

Покаявшийся Гришаев вышел из-под удара, отделавшись легким испугом, что, естественно, не светило следователю № 1 — слишком многое он вынужден был признать. Правда, впоследствии он попытался отказаться от ранее данных показаний, так как — цитирую — «просидел в карцере 37 суток... и был в таком состоянии, что готов был подписать, что угодно».

Здесь, наверное, нет преувеличения — о незавидном состоянии Рюмина можно судить по справке медчасти Лефортовской тюрьмы: «...общая слабость, головокружение... отмечается расшатывание зубов, разрыхление десен, со стороны нервной системы — лябильность (плаксивость, — К. С.)...»

В это время фатальный исход кажется Рюмину

неизбежным. Это видно из его обращения к Маленкову, где есть такие слова:

«...Абакумов, как хиромант, заявлял на следствии: «За мое дело рано или поздно кое у кого полетят головы, как горошинки». Со мной это уже произошло. Кто будет следующим, не знаю...»

О полной утрате способности к сопротивлению говорит и похожее на литанию письмо, адресованное Берии:

«Дорогой Лаврентий Павлович!

В прошлом, бывая в ЦК, мои мысли часто обращались к Вам, я всегда ждал от Вас ценного совета, помощи и защиты...

Теперь я глубоко осознал, как тяжело переносить слезы детей, жен и матерей. И в эти трудные для меня дни все мои надежды и мысли тоже обращены к Вам — великому государственному деятелю, озаренному лучшими качествами человека.

Дорогой Лаврентий Павлович, Вы хорошо знаете мое дело. Я не имею права на какие-либо оправдания. У меня остается одно — надежда на Ваше великодушие. Простите преступления, которые были совершены мною в большом водовороте без какого-либо злого умысла.

Сейчас меня одолевают ежеминутно слезы 3-х детей, жены и матери, доживающей (если не умерла) последние дни с тяжким горем.

Дорогой Лаврентий Павлович, прошу Вас, простите.

Рюмин

28 августа 1953 г.»

Мысленно сопоставив даты, внимательные читатели догадались, что это был глас вопиющего в пустыне: Берия не получал и не мог получить послания Рюмина — «великий государственный деятель, озаренный лучшими качествами человека» вот уже два месяца содержался под арестом в ожидании скорого конца.

Обстоятельства ареста Берии освещались многими авторами, поэтому, как мне кажется, лучше сразу перейти к существу его уголовного дела и передать слово комментатору.

КОММЕНТАРИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЮСТИЦИИ А. Ф. КАТУСЕВА

23 декабря 1953 года Специальным Судебным Присутствием Верховного суда Союза ССР в закрытом судебном заседании, без участия сторон — обвинения и защиты, в соответствии с постановлением ВЦИК СССР от 1 декабря 1934 года были осуждены Берия Л. П., Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е. по статьям 58 — 1«б», 58—8, 58—11, а Берия, кроме того, по статье 58—13 Уголовного Кодекса РСФСР (в редакции 1926 года) и части 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», на основании которых названные лица приговорены к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежавшего им имущества, с лишением воинских званий, орденов и наград.

В совершении каких преступлений их признали виновными?

Прежде чем перейти к анализу законности

и обоснованности приговора, прямо скажу, что для меня как юриста нет вопроса в том, были ли уголовными преступниками Берия, Меркулов и остальные подсудимые. Тем не менее при непредвзятом подходе часть предъявленных им обвинений с учетом некоторых вновь открывшихся обстоятельств представляется мне несостоятельной и нуждается в юридической переквалификации.

Берия, в частности, признан судом виновным в измене Родине, в организации заговорщической группы с целью захвата власти и установления господства буржуазии, в совершении террористических актов против преданных партии и народу политических деятелей и в связях с иностранной разведкой до момента разоблачения и ареста. Наряду с этим Берия и другие осужденные пытались активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с русским народом.

Как видите, обвинений много, поэтому начну по порядку.

Состав такого преступления, как измена Родине, совершенная военным служащим (статья 58—1«б» УК РСФСР в редакции 1926 года), — а Берия, напомню, имел воинское звание Маршала Советского Союза — предусматривает действия, направленные в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости и неприкосновенности его территории с прямым контрреволюционным умыслом.

Содержались ли в деяниях Берии признаки этого преступления?

Берии вменялось в вину, что летом 1941 года он втайне от Советского правительства хотел ус-

тановить связь с Гитлером через посла Болгарии в СССР Стаменова, пытаясь начать мирные переговоры и предлагая уступить гитлеровской Германии Украину, Белоруссию, Прибалтику, Карельский перешеек, Бессарабию, Буковину: ценою этих территориальных уступок и порабощения советских людей Берия добивался предательского соглашения с Гитлером.

Такой факт имел место. И выбор посредника не был случайным, ибо по существовавшей в то время договоренности советские интересы в Германии представляла Швеция, а германские в Москве — Болгария. Но каковы были истинные намерения Берии?

На следствии и на судебном заседании Берия заявлял, что получил от Сталина задание «через Стаменова создать условия, позволяющие Советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил», но его словам не поверили.

Недавно по жалобе ранее осужденного П. А. Судоплатова Главная военная прокуратура возобновила следствие по одному из старых уголовных дел и установила, что в 1941 году Берия вызывал к себе руководителя разведывательно-диверсионной службы НКВД СССР и со ссылкой на Сталина давал указание встретиться с послом Стаменовым, чтобы — цитирую документ — «подсунуть немцам дезинформацию в расчете на то, что таким образом удастся задержать наступление и дальнейшее продвижение германо-фашистских войск».

Установлено также, что, помимо Берии и непосредственного исполнителя, в замысел этой операции был посвящен Молотов и что Стаменов, будучи искренним приверженцем Советского Союза, никаких действий в этом направлении не

предпринял. Более того, Стаменов заявил представителю НКВД П. А. Судоплатову, что не станет передавать унижительных для СССР предложений, так как уверен в победе Красной Армии над фашистской Германией. Поскольку раскрыть Стаменову дезинформационный характер операции было невозможно, история не имела продолжения.

Эти вновь открывшиеся обстоятельства коренным образом меняют картину происшедшего.

Обвинение Берии в том, что он в 1942 году хотел пропустить немецкие войска через Кавказский хребет для захвата Баку, базировалось только на свидетельских показаниях отдельных военачальников, утверждавших, что подсудимый воспрепятствовал выдвижению на передовые позиции двух воинских частей НКВД, и представляется мне весьма спорным, ибо наличие маневренных резервов для локализации возможных прорывов врага, по мнению специалистов, было не менее важным, чем прочность первой линии обороны на перевалах.

А теперь перейдем к обвинению в заговоре. Надо сказать, что заговор с целью захвата власти является наименее исследованной юристами формой измены Родине, потому что практика — достаточно сослаться на громкие процессы тридцатых годов — не дала правовой науке того материала, который был бы пригоден для обобщений и аргументированных выводов. Однако не вызывают споров три обязательных признака заговора: 1) наличие двух или более лиц; 2) наличие соглашения между ними относительно совместной деятельности; 3) наличие цели захвата власти в центре и на местах.

Так вот, со всей ответственностью берусь утверждать, что в деле Берии и других есть лишь

первый признак, тогда как оставшиеся два не подкреплены сколько-нибудь вескими доказательствами, подразумевая под этим не только намерение реставрировать капитализм в СССР, но и само стремление захватить власть путем переворота. Какого числа, в каком месяце и в каком году Берией намечался день мятежа? Кто готов был участвовать в нем? Какие силы собирались для этого использовать? Не ищите ответов на названные вопросы — в материалах дела Берии их нет.

В действиях Берии после смерти Сталина просматривалось лишь желание расширить сферу своего влияния, потеснить соперников, однако для обвинения в заговоре это, конечно, не довод.

Ни обвинительное заключение, ни приговор по данному делу не называют доказательств того, что Берия сотрудничал с иностранной разведкой до момента разоблачения и ареста, если не считать утверждений, будто он, например, «выручил английского шпиона Майского, приказав прекратить следствие по его делу». Вздорность подобного обвинения очевидна, ибо посол СССР в Великобритании, а затем заместитель наркома иностранных дел СССР академик И. М. Майский давно и полностью реабилитирован.

Столь же бездоказательно и обвинение в том, что Берия сеял вражду и рознь между народами Советского Союза. Из материалов дела усматривается, что с весны 1953 года Берия выдвигал на руководящие должности в системе МВД на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике преимущественно национальные кадры и требовал, чтобы новые руководители непременно владели языком народа той республики, где они работают. Разве это означало сеять рознь и подрывать дружбу с русским народом?

Совсем уж абсурдно, с точки зрения закона, выглядит утверждение, будто Берия и его подчиненные занимались «шпионажем для захвата власти». Уголовным кодексом предусмотрена такая форма измены Родине, как шпионаж, т. е. передача, равно как похищение и собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну. Судом признаки состава этого преступления не установлены, да и обвинения по статье 58—6 УК РСФСР (в редакции 1926 года) осужденным не предъявлялись и не вменялись.

Обвинение Берии в совершении террористических актов против преданных Коммунистической партии и народу политических деятелей объективно нуждается в переосмыслении в свете целого ряда вновь открывшихся обстоятельств, начиная с выступления Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС и кончая выводами Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов.

«...Болезненная подозрительность привела его (Сталина. — *А. К.*) к огульному недоверию, в том числе и по отношению к выдающимся деятелям партии, — говорил Н. С. Хрущев делегатам XX съезда КПСС. — Имея неограниченную власть, он допускал жестокий произвол. Когда Сталин говорил, что такого-то надо арестовать, то следовало принимать на веру, что это „враг народа“».

На множестве примеров удалось установить, что ни один из руководителей партии и старых большевиков не арестовывался без личного указания Сталина, который ревниво следил за тем, чтобы Ягода, Ежов и Берия не превышали своих

полномочий. В этом смысле показателен такой факт, как расстрел 8 сентября 1941 года в Орловской тюрьме 161 политического заключенного, в том числе Христиана Раковского, Марии Спиридоновой, Валентина Арнольда, Петра Петровского, Ольги Каменевой и других. Долгое время считалось, что их расстреляли по распоряжению Берии. А что оказалось на самом деле?

В апреле 1990 года Главная военная прокуратура закончила следствие, в ходе которого было обнаружено, что применение высшей меры наказания к 170 заключенным, одновременно осужденным к лишению свободы за контрреволюционные преступления, предписывалось постановлением от 6 сентября 1941 года № 634 сс, подписанным Сталиным как Председателем Государственного Комитета Обороны. Правда, Берия был причастен к этому — он направил Сталину письмо со списком на 170 фамилий и заключением: «НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру наказания...» Но, зная повадки Сталина, нельзя исключать, что это письмо Берии появилось по инициативе «Хозяина».

Вина Берии от этого не становится меньше, все равно он в крови с головы до ног. Но квалификация его преступных деяний должна быть иной — она уже не может основываться на статье 58—8 УК РСФСР (в редакции 1926 года), ибо неправомерно говорить о терроре с контрреволюционным умыслом, если уничтожение ни в чем не повинных советских граждан производилось Берией и его подручными по прямому указанию главы государства. В данном случае преступления Берии и других осужденных подлежат квалификации по статье 193—17 п.«б» УК РСФСР тех лет, где за систематическое злоупотребление властью,

повлекшее за собой особо тяжкие последствия, тоже предусмотрен расстрел.

Считаю своим долгом отметить, что вновь открывшиеся обстоятельства лишь дополнительно высветили ошибки и натяжки в приговоре по делу Берии и других, в то время как наиболее серьезные из них были очевидны и прежде. Чем же объяснить, что крупнейшие наши юристы-практики под руководством Р. А. Руденко предъявили обвинение, не подкрепленное надлежащими доказательствами?

Ответ лежит на поверхности — еще до начала предварительного следствия были обнародованы постановление июльского (1953) Пленума ЦК КПСС и Указ Президиума Верховного Совета СССР, в которых содержалась не только политическая, но и правовая оценка содеянного Берией. Иными словами, партийное и государственное руководство сознательно предопределило приговор по делу Берии, не считаясь с исключительной в этой сфере прерогативой суда, казалось бы, гарантированной статьями 102 и 112 действовавшей Конституции СССР. В прокрустовом ложе казарменного социализма юристам в таких случаях оставалось облечь решение высших органов власти в благопристойную упаковку акта правосудия. Впрочем, в духе таких отношений с властью воспитывала юридические кадры почти вся правовая наука, рождавшая когорты обладателей ученых степеней за наукообразное обоснование любых поступков политических лидеров.

ВРЕМЯ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Больше всего на нашей грешной земле Берия любил власть и женщин. Что у него стояло на первом месте, а что на втором, я, ей-богу, затруд-

няюсь сказать. Судя по всему, обе пламенные страсти Лаврентия Павловича сосуществовали на равных правах.

Возникает вопрос — было ли у него время думать о женщинах? Насколько я понял, Берия думал о них всегда и везде, даже на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. Иначе как объяснить тот факт, что в перерывах он выходил из кабинета Сталина и по телефону Поскребышева заказывал женщину с доставкой на дом. Так бывало не раз и не два, поэтому уместно говорить не об исключении из правила, а о самом правиле.

Не знаю, кто как, а я не очень-то доверяю свидетельским показаниям в отношении лиц, до ареста занимавших главенствующее положение, а после ареста, еще до следствия и суда, громкогласно объявленных врагами народа. Когда вся мощь государственной машины направлена против низложенного мастера-механика, еще вчера эту машину смазывавшего и лелеявшего, подмастерья, словно по команде, бросаются врассыпную — это закон. Вообще говоря, лакейская преданность, базирующаяся на страхе и на лжи, в критические моменты по-другому и не проявляется. И, согласитесь, было бы странно, если бериевские вассалы в ходе следствия не возводили бы поклепов на бывшего сеньора. Но их показания в той части, которая касалась интимной жизни Берии, не содержат заметных преувеличений и, в сущности, не противоречат показаниям самого Лаврентия Павловича, отраженным в цитируемом протоколе допроса:

«Б е р и я: Я легко сходился с женщинами, имел многочисленные связи, непродолжительные. Этих женщин привозили ко мне на дом, к ним я никог-

да не заходил. Доставляли мне их Саркисов и Надарая, особенно Саркисов.

Руденко: По вашему указанию Саркисов и Надарая вели списки ваших любовниц. Вы подтверждаете это?

Берия: Подтверждаю.

Руденко: Вам предъявляется девять списков, в которых значатся 62 женщины.

Берия: Большинство женщин, которые значатся в этих списках, мои сожительницы. Списки составлены за ряд лет.

Руденко: Вы признаете, что превратили свой дом в притон разврата, а свою личную охрану в сводников?

Берия: Дом я не превратил в притон, а что Саркисов и Надарая использовались для сводничества — это факт...»

Надо сказать, что упомянутые тогдашним генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко списки из 62 фамилий было далеко не полными. Когда следствие состыковало все обнаруженные списки и присовокупило сюда агентурную информацию, то число установленных любовниц Лаврентия Павловича возросло до 221. Кого там только не было — и спортсменки в ранге чемпионки мира и Европы, и официантки, и певицы, и комсомольские функционерши, и прима-балерины, и проститутки, и жены известных деятелей культуры, и домохозяйки, и киноактрисы, и отличившиеся на войне летчицы, и врачи с медсестрами, и студентки, и научные работники, и даже школьницы. Где он их находил? Где придется. С кем-то знакомился в официальной обстановке, а в основном, как уже говорилось, не утруждал себя черновой работой, передоверяя ее чинам из личной охраны.

«Знакомство с женщинами Берия завязывал

различными способами, — показал на допросе полковник Саркисов. — Как правило, такие знакомства намечались во время его прогулок. Прохаживаясь около своего дома, Берия замечал какую-нибудь привлекательную женщину. В этом случае он посылал меня, моего заместителя Надарая или сотрудников охраны узнать ее фамилию, имя, адрес и телефон. Я шел вслед за этой женщиной и старался разговориться с нею, чтобы выяснить интересовавшие Берия сведения. Таким же путем Берия заводил знакомства и во время поездок по улицам на автомашине. Ездил он, как правило, очень тихо и всегда рассматривал проходивших женщин. Если какая-нибудь из них нравилась Берия, он велел мне установить связь. Если это удавалось, я докладывал Берия и по его указанию ездил за женщиной либо посылал машину, предварительно договорившись о встрече. Женщины на квартиру Берия доставлялись, как правило, на ночь...

Когда я возражал в отношении завязывания знакомств с девушками и приглашения их в особняк, Берия недовольно говорил мне: „Что ты мне одолжение делаешь? Ты чекист и должен выполнять свои служебные обязанности!“»

Однажды Саркисова спешно вызвали с партийного собрания — Берия позвонил из Кремля и последними словами костерил за то, что Саркисов отвлекается на всякую ерунду, когда ему, Берии, приспичило пообщаться с дамой.

На допросах большинство женщин, чьи фамилии фигурировали в списках Саркисова и Надарая, показали, что соглашались на физиологические контакты с Берией из боязни за свое будущее. Не уверен, что все они говорили искренне, поскольку кое-кто извлек из этих отношений очевид-

ную пользу, а некоторые, как я уяснил из материалов уголовного дела, страшно гордились близостью к знаменитому человеку, верному соратнику товарища Сталина. Трудно поверить в то, чтобы женщина из боязни уступившая домогательствам Берии, буквально на следующий же день хвастала подругам, чем ее поили и кормили в особняке и как Лаврентий Павлович показал себя в постели. Впрочем, нашлись и те, которые без ложной скромности признавались в том, что сожительствова-ли с Берией из любопытства и получали удовольствие, так сказать, полным рублем.

Использовал ли Берия свое служебное положение как средство давления на женщин? После его ареста некий гражданин Х. со ссылкой на инженера П. сигнализировал, что Берия якобы принуждал к сожительству солистку Тбилисского оперного театра С., угрожая в противном случае воспрепятствовать награждению орденом Ленина, к которому она представлялась. Правда, ни сама певица, ни кто-либо другой этого не подтвердили. А что его безграничные возможности упрощали ситуацию до предела — это не вызывает сомнений и характеризует Берию как законченного циника. Для пушей убедительности приведу такой пример:

«Посещала особняк Берия В., жена известного артиста, — показал на следствии полковник Надарая, заместитель начальника личной охраны Берии. — Однажды Берия вызвал мужа В. к себе на Лубянку, и он до утра ждал «приема», а в это время Саркисов отвез его жену в особняк, где она всю ночь провела с Берия. Утром мужу В. сказали, что Берия занят и не может его принять. Всю ту ночь я продежурил в кабинете Берия, поэтому мне известен этот факт».

Не менее показателен и случай, рассказанный гражданкой К., домохозяйкой:

«Я встретила с Берия при следующих обстоятельствах. Хоронили А. А. Жданова. Я видела с балкона траурную процессию. Видела Берия, который шел у гроба Жданова, нес гроб на Красную площадь. И вот в то время, когда с Красной площади еще доносились звуки траурных мелодий, Берия позвонил ко мне домой и сказал, что сейчас заедет. Считая, что кто-то подшучивает надо мной, я спустилась вниз в домашнем платье, имея в виду строго отчитать шутников за неуместные шутки. Каково же было мое удивление, когда в машине, остановившейся у моего дома, я увидела Берия. Я лишилась дара речи, забыла поздороваться с ним, машинально села в автомобиль. Я была буквально потрясена и сказала: «Как же так? На Красной площади такое печальное событие, а вы?..» Берия ответил: „Когда сталкиваешься с грустным, то стремишься к живому“».

Впечатлительность и простодушие гражданки К. — отдельная тема, ее едва ли нужно касаться. А вот отношение Берии к смерти Жданова требует авторского комментария.

В борьбе за власть Жданов изрядно потеснил Берию и отстранил его от руководства органами госбезопасности. Лаврентий Павлович, естественно, затаил злобу и, надо полагать, не слишком горевал по поводу смерти Жданова. Для него она, эта смерть, скорее была торжеством, а не тризной, поэтому, прилюдно выказав подобающую скорбь, он прямо из мавзолея Ленина позвонил гражданке К. насчет randevu.

А теперь несколько слов о том, как Берия «стремился к живому»:

«...лежа со мной в кровати, Берия спрашивал: «А кто твои приятельницы? Как они выглядят, какие у них глаза, фигурка, темперамент? Приезжай ко мне с ними вместе, и мы вместе ляжем в постельку», — вспоминала домохозяйка К. — Все это Берия сопровождал циничными комментариями в очень грубой, неприличной форме. Берия находил особое удовольствие выражаться нецензурно и страшно хотел, чтобы я также произносила нецензурные слова. Он очень просил меня об этом, но я не согласилась...»

Где женщины, там и трата денег. Как же Берия выходил из положения? Особой щедростью он не отличался, во всяком случае за государственный счет. Проституткам Саркисов и Надарая, по их словам, платили за визит к Берии от 100 до 250 рублей, неукоснительно придерживаясь действовавших в то время «тарифных ставок», а что касается тех женщин, которые не претендовали на поденную плату, то подарками их не баловали. Кому-то Берия дарил цветы, кому-то — сибирского котенка, а ценностей там и близко не было.

«Рита была сожительницей Берия, — рассказывал на следствии полковник Саркисов. — На квартире у Берия, сидя за столом во время ужина, Рита в моем присутствии просила Берия достать ей золото для зубов ее матери. Берия обратил ее просьбу в шутку и сказал, что стальные зубы гораздо лучше и прочнее».

Но черствым человеком он не был. В подтверждение приведу выдержки из показаний гражданки М., артистки ансамбля Всесоюзного радио:

«Берия имел со мной интимную связь. Он как-то раз спросил меня, почему я живу в Подольске. Я ответила, что в Москве у меня нет жилплощади. Берия сказал: «Подумаем». В следую-

щую нашу встречу Берия сказал: «Напишите заявление на мое имя, я вам помогу». Я отдала заявление и через месяц напомнила о нем Саркисову. На другой день мне позвонили и велели прийти за ордером в Хозотдел Совета Министров СССР. Так я получила жилплощадь на улице Чкалова, где сейчас и живу. Когда я потом обратилась к Берия и сказала, что моя мать спрашивает, кому говорить спасибо, то Берия ответил: „Скажи — Советской власти...“»

Сопоставление двух этих эпизодов позволяет сделать вывод — Берия, по-видимому, считал, что золотые зубы — баловство, тогда как жилье — дело, жизненная необходимость. И еще — у Берии только под конец жизни появились крупные суммы денег. Об этом, в частности, свидетельствует фрагмент протокола допроса:

«Руденко: Вы сифилисом болели?

Берия: Я заразился сифилисом в период войны, кажется, в 1943 году, и прошел курс лечения.

Руденко: Теперь перейдем к иным обстоятельствам, характеризующим ваше моральное падение. Скажите, до проведения кредитной реформы в 1947 году вы были осведомлены о ней?

Берия: Знал.

Руденко: Вы признаете, что, используя в преступных корыстных целях эту вашу осведомленность, дали задание Людвигову поместить в сберкассу ваши деньги в сумме 40 тысяч рублей, чтобы избежать переоценки?

Берия: Раз Людвигов говорит, наверное, дал.

Руденко: Считаете ли вы эти ваши действия преступными?

Берия: Безусловно».

Ничуть не оспаривая того, что Берия совершил

Начальник Главного управления контрразведки
(ГУКР) «Смерш», заместитель наркома обороны,
генерал-полковник В. С. Абакумов

В. С. Абакумов на фронте

В. С. Абакумов на улице Берлина

В. С. Абакумов в побежденной Германии

В. С. Абакумов у памятника Бетховену в Вене

Встречи В. С. Абакумова с избирателями

В. С. Абакумов в служебной командировке

В. С. Абакумов до ареста

В. С. Абакумов. «Матросская тишина»

22/08-52

Товарищу Берия Л. П.
Товарищу Маленкову Г. М.

Дорогие Л. П. и Г. М.

Прошло уже более года, а мы все еще безграмотно говорим. Проводят, что намерены сделать некие работы разных видов. Многие сидят в хороших условиях и делают это как можно лучше. От этого и выработались некоторые результаты в области работы. Я все время утверждаю, что у нас были в работе недостатки, которые надо устранить и т. д. и что у нас не было достаточных знаний и опыта, а руководить такими большими делами как это еще, но это пока я представляю у нас и у гражданских тов. Сидящему И. В. Мелехову надо еще все выразить, где-то указать на недостатки, которые существуют как у нас в вопросах еще в области организации работы. Совершенно необходимо, чтобы у нас в области организации работы были бы такие же недостатки, как у гражданских тов. Сидящему И. В. Мелехову надо еще все выразить, где-то указать на недостатки, которые существуют как у нас в вопросах еще в области организации работы.

3/4752

Секретариат Заместителя Председателя
Совета Министров СССР

ТОВ. Л. П. БЕРИЯ

Куда МТФ СССР

Кому Васно и. Владимирову С.В.

Тов. Берия и Маленков Г.М.
отомышны.

52323 1952 г.

20 СЕН 1952

(подпись)
Л. Берия

ЦК КПСС

- Тов. МАЛЕНКОВУ Г.М.

Л. Берия
Л. Берия

октября 1952 г.

Служебные пометки на письмах В. С. Абакумова

11/2-52.

Товарищу Берия Л. П.
Товарищу Маленкову Г. М.

Дорогие Л. П. и Г. М. (занимаетесь работой)

Когда бы вы знали следующее. Рядом
и его работники во всей провокации кбурдо
они верят, допускают большие злоупотребления
наиболее в извращенном виде формы очень
опробованного характера. В ряде провокаци-
онных показаний ~~_____~~
происходила вину, что и тогда мы были
гов. Спешите заняться на некоторых крупных
работниках следом их опоработать. Писемные
документы были, когда исследуем, но
для микрофонного дела, но восточном М-во
Васильева и его заместителю, но секретом
издала, окружавших на м. д. Голубов
и некоторых друзей. Должны были
мне представлял "Как вы могли видеть
занимает на т. Погодава. Он такой человек
человек, будущи больше в Ленинграде
мне не касаясь родной профессии и
руководит боями, а вы не надо ищите
дана заверит как вы могли видеть
на Голубов вольном человеком так
Г. Воронин? Голубов видел мало
думал, кто надо потереть голову
мне бы представлял так Адмирал так
вопрос и говорить мне не стоит.
Тем более, что все мы были вопро-
сами занимали лично тов. Сталин и
занимает докладывать ему. Возвращая
спешите у Сталина кто-то мог взять
на себя ответственность через выходы
органов мажорант. Ясно, что это
для занятия и других такт, роде
Ваше извещено из Адмир докладов, касаясь
Г. Воронин. Это дело и не в провинции.

В. С. Абакумов

Письмо В. С. Абакумова «Товарищу Берия Л. П.
Товарищу Маленкову Г. М.» от 11.10.52 г.

Только лично

Товарищу Берия Л. П.

ОТ А.

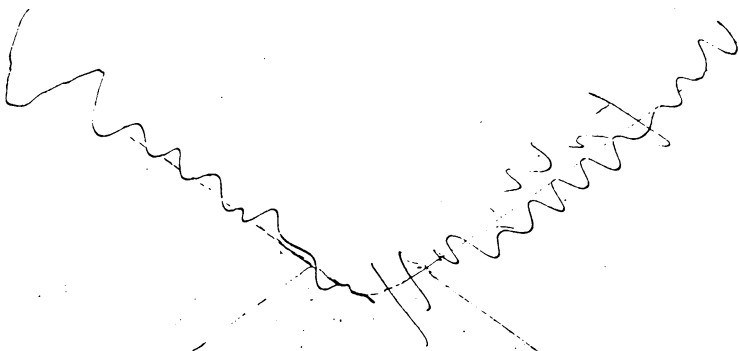
10 18 52

2695

Резерв

3/6677

Лицевая сторона конверта письма В. С. Абакумова
«Товарищу Берия Л. П.»

Оборотная сторона конверта

Справка

14 октября 1953 года Зам. Глав-ного Военного Прокурора Генерал-майор юстиции Китаев в допросе в качестве свидетеля обвиняемого Абакумова В. С. по вопросам, касающимся преступной деятельности Берия и его свиты.

Протокол допроса Абакумова в его деле не оставлен.

Г. Следователю от отста
полковник

14/X-53г.

Цыганов
(подпись)

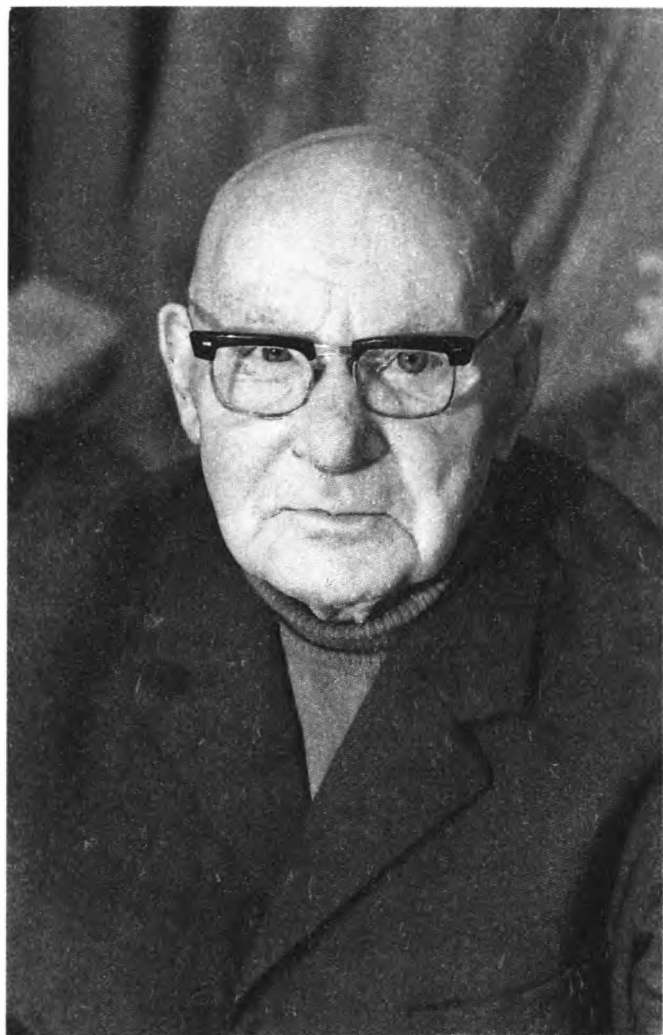
И. А. Чернов перед войной

И. А. Чернов после Победы

И. А. Чернов до ареста

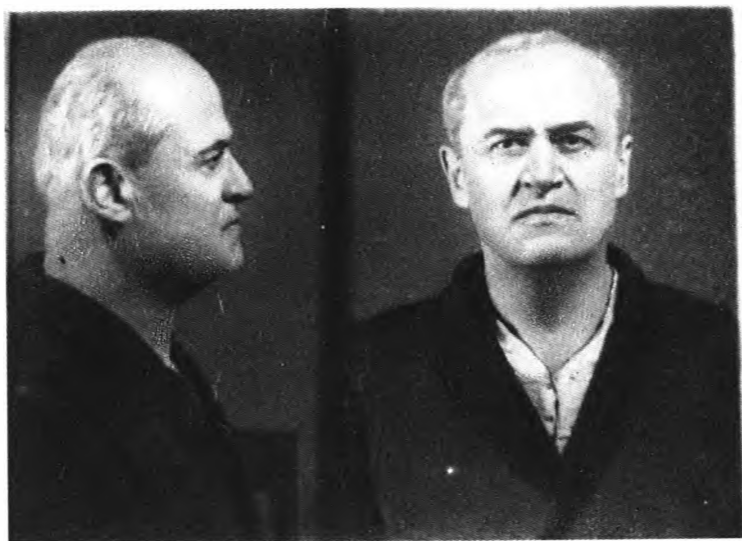

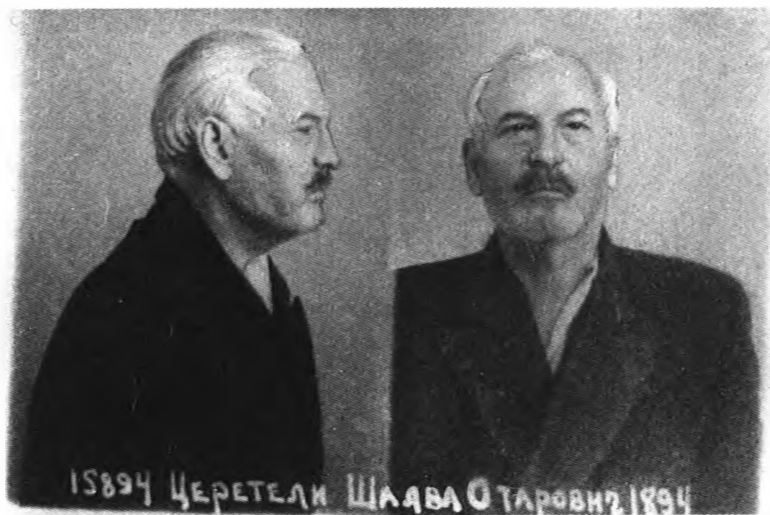
И. А. Чернов, декабрь 1990 г.

Н. М. Рухадзе

А. Н. Рапава

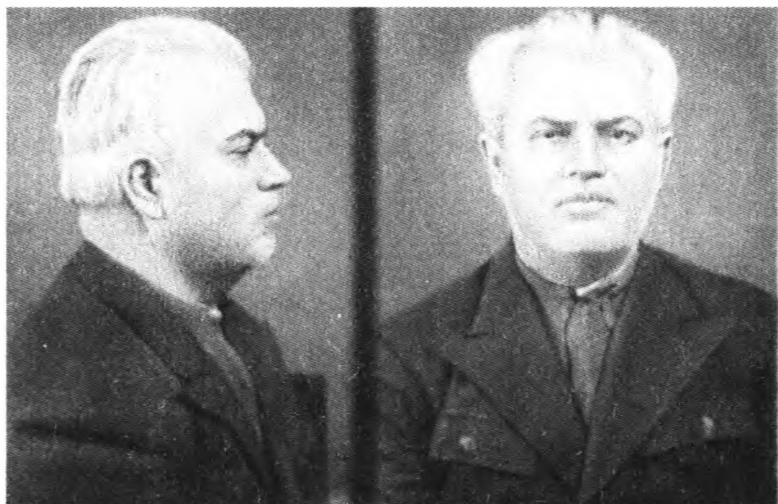

Ш. О. Цертели

М. Д. Рюмин

П. А. Шария

Справа налево: С. Н. Надарая и Р. С. Саркисов

Сидят: Н. Т. и Л. П. Берия.
Стоят: Б. А. Людвигов и Г. А. Ордынцев

Л. П. Берия на даче

Впереди Р. С. Саркисов, сзади Л. П. Берия

На рыбалке

П. А. Шария
и Н. Т. Берия
на пляже в Гаграх

Похороны И. В. Сталина

А. И. Солженицын на фронте

В заключении

Листья

36

Трудовая книжка.

Фамилия Солженицын
Имя Александр
Отчество Исавир
Год рождения - 1918
Образование высшее
Профессия - преподаватель математики

Сведения о работе.

1. 1941г. - VIII-20 - Марозовский РОНО.
Назначено преподавателем математики
Средней Школы №1 им. Луначарского
г. Марозовски Ростовской области.
Приказ №95 по Марозовскому
РОНО от 20/VIII-41г.
2. 1941г. - X-18 Ввиду ухода в РККА
от работы освободить.
Зав РОНО
Генерал
Мароз. РОНО.

Копия подлинника верно,
Копия верно № 254
И. М. Рашевский
1942-55г.

Собственноручная копия трудовой книжки

Фотографии взяты из уголовных дел, хранящихся в архивах КГБ СССР и Главной военной прокуратуры.

Характеристика

(на ссыльно-поселенца Солженицына)

Солженицын Александр (Сася), 1918 г. рождения на ссыльно-поселенцев в Кокчетавском районе, Джамбулской области Туркестан в деревне м.ч. 1953 года и с того времени работает учителем старших классов школы им. Кирова с. Берши, Кокчетавского р-на, живёт одиночки, в семье семьи не кого не имеет.

За время нахождения в Кокчетавском районе Солженицын чётко выполняет режим для ссыльно-поселенцев не нарушил, контролирующую организацию выполняет свои обязанности.

В подготовке документов не замешан

Пом. ком. адм. № 254

Кокчетавского р-на м.ч.

И. Кушманбетов

И. Кушманбетов

с. Берши

Сведения о прохождении службы
в Советской Армии и наградах

Уч
Знак

- 18. I - 1941. - Селезнев А. П. мобилизован
Морозовским Райвоенкоматом. Замесил
рядовым в 74^й Озловский Гудерманский
полк батальон (ОГП), подчиненный шта-
бу Сталинградского ВО, расформирова-
нный в Кахово-Линьском р-не Сталн-
градской области.
- 18. II - 1941. - По призыву штаба Сталинградского
ВО мобилизован в АККУКС (г.р. Селезнев
Иванович адв.) на курсы командиров
батарей
- 3. IV - 1941. - Из АККУКС направлен в 3^ю Ленин-
градскую АктУчилище (г. Кострома)
- 14. V - 1941. - Курсы 3-го ЛГУ (5^й дивизион)
- 15. V - 1941. - Прикомандирован Местовским
В.О. присвоено звание лейтенанта.
- 5. VI - 1941. - 9^й ЗР.АП (Запасный Рязан-
ский Архивный Парк,
г. Саранск Мар. - ский ССР)
- 25. VII - 1941. - Командир батареи зенитной батареи
794 ОА.Р.Д (Совского Архивного
Забоедательского Архивного
двигателя) - Сызранский г. Саранск
двигателя)
- 7. VIII - 1941. - Северо-Западный фронт, 18 Удар-
ная Армия, 794 ОА.Р.Д при
13^й Акт Дивизии
- май 1943. - Брестский (позже Визинский), позже
1^й Белорусский фронт - 63^я Армия
(ген. Копанев), 794 ОА.Р.Д.

Селезнев, Александр
Иванович, лейтенан-
т, командир батареи
зенитной артилле-
рии в составе
Рязанского аэро-
дрома 2^й ОА.
командир
батареи - звание
лейтенант
в Белорусском
фронте -
командир
батареи.
на перед-
нем фронте
Рязанского
фронта (Трапкин)
П.О.Б.Р.
г. Саранск
командир
батареи

награжден Орденом Красной Звезды
в феврале 1945. - за успешный бой с танками Т-34
и танками и тяжелыми машинами против сил
батареи из угрозы аннулирован, командир
батареи в П.О.Б.Р. и командир Саранск-
ского представительства в Армии Красно-
ной Звезды.

9 апреля 1945. - Архивным органом Центрального
Службы по архиву, поступившему от 20.04.1945
Вильяма, ген. штаб Верховного Главнокоман-
дующего СССР

Уч
Знак
награжден
Орденом
Красной
Звезды

награжден Орденом Красной Звезды
в мае 1945. - за успешный бой с танками Т-34
и танками и тяжелыми машинами против сил
батареи из угрозы аннулирован, командир
батареи в П.О.Б.Р. и командир Саранск-
ского представительства в Армии Красно-
ной Звезды.

31.8.55.

Вильяма

СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС

С 1119822/5

тов. Хрущеву Н.С.

адм-стративного
Совещания в.м.и.и.и.
1945 г. 1945 г. 1945 г.
профессионально о с.б.и.и.
интересованное р.и.
идеологической а.и.

Здравствуйте

Все мои родственники, а именно
в составе армии, в том числе с нами
1945 г. по октябрю 1945 г. исправно на
первой в составе 794-го ОАВРД (полюс
- 68 Соединения Резерва ГВР) в составе команд
вире артиллерийской бригады, в составе
политбата Восточной армией (в составе
нашей армии и Красной Звезды, в августе 45 г.
присоединился к бригаде Краснознаменной,
по утверждению его полковник (З. 2. 45)
в дни моего детства хранил мои письма
хранил их в тайне. Восток о хитрости
моя тайная деятельность была не для
розна или поставлена под контроль.
Темно на основании моих друзей
написанной переписки с моим другом
Звезда, избранный, искаженно и грубо
тайно до неузнаваемости в преданиях, бы-

ни...
как
такой
и

...система в за-
...железные, один
...просить в
...вечер, в том я уже 1 1/2 года никак не
...однако, мой полковник совсем не
...для меня затруднительным (с
...персией и правду) по
...и легким, к тому же, персией
...систематически

Прошу вас сдать с меня ограничения
и передвижения, а по возможности и
прочие ограничения.

И.И. Солженицын

Письмо А. И. Солженицына Н. С. Хрущеву

Министру Обороны СССР
маршалу Жукову Г. К.

55

Бывало капитан Красной
Армии, командира взводотряда
44Р
и т.д. (дальнейшее состояние
Светлана Ивановна Жукова Кел-
дына, 1918 г., рождение)

Изложение

Заказан журнал Восточного Университета в 1941. и 3е
в Ленинградской Коммунистической Армии в 1947 г. (приказ Кашчи-
на от 11.04.42), а с апреля с 1948 г. (приказ 1948 г. по февралю
1945 г. командиром Батарей взводотряда 744-го СВРВД
(позднее переименован в состав 68-й Северо-Восточной Пограничной
Бригады - командиром в то время полковником Травинин
и позднее переименован на переименован на Батарей радиост. 68
это бригады (1-й взводотряд, 68-я Армия, 48-я Армия). Был награжден
три орденами: - Орденом Отечественной войны II степени (приказ ген.-лейт.
Кашчина от 6.5.43), Красной Звезды (приказ
полковника Травинина от 6.8.44) и председателем
о чем я писал 45 г. и Ардену Красного Тамбана - но я
снова арестан - 9 февраля 45 г. арестован по списку
... из журнала Восточного

Меня дважды заступил и безответственность службы в Ар-
мии не дали мне с собой создания постановления над самим
мне не следствием. Мне ставился в вину единственно
мой личный переписка со старшим другом детства лет
и тому времени также капитаном Красной Армии,
но на другом 7.5.43 - переписка, свидетельств расхождений
на политические темы. Переписка эта и послужила
единственной причиной ареста. Очевидно, дело призна-
но, что она не дает достаточно материала для осужде-
ния - потому что меня не судили, а... принести иди-
нистические восстановления... ОСС. ЧБД. ст. 7.7.45 -
5 лет Успен-Труд. лагерей, ст. 58-10-2 II. При этом
даже не было решения о лишении меня домашнего сви-
даний и арестов.

К февралю 1953-го года я отдал полный срок наказа-
ния. И хотя не было никакого приказа не только
с собою, но даже о лишении прав - меня наградили
в Дальневосточную область ^{временно} в Сталинку, где я уже и нахо-
жусь эти года.

17 сентября 1955 г. была объявлена амнистия,
которая как по закону (58-10-2 II, в 1945 г.), так и по
закону (как на военнопленных Красной Армии при

Там бывший военнопленный Советской Армии, проану
Вас немало мне

- о смерти союда
- о смерти судимости
- о лишении ареста?

Надеюсь.

Мой адрес:

Тамбаний Г. Г. Дальневосточная обл.
Там-Терский район
сло Берлик
Тамбаний ул. 8

Письмо А. И. Солженицына Г. К. Жукову

должностное преступление, хочу отметить следующее — в 1947 году 40 тысяч рублей были не Бог весть какими деньгами, а это значит, что Берия не был богачом и что в этом отношении отцы-основатели казарменного социализма не шли ни в какое сравнение с «прорабами» развитого социализма.

Чтобы окончательно снять вопросы о материальном благосостоянии Берии, доведу до сведения читателей, что хранителем денежных сбережений Берии являлся полковник Людвигов, начальник секретариата МВД СССР, у которого при аресте изъяли сберкнижку шефа с вкладом в сумме 363 тысячи рублей. Происхождение этих денег было очевидным: в качестве заместителя Председателя Совета Министров СССР Берия ежемесячно получал не только твердый оклад 8 тысяч рублей, но и не облагаемую налогами дотацию в размере 20 тысяч рублей; кроме того, в начале пятидесятых годов ему по решению правительства выдали две премии (150 и 100 тысяч рублей) за участие в создании атомного оружия.

А насчет заболевания сифилисом можно с малой долей иронии сказать словами старинной поговорки — на войне без убитых не бывает. Кстати, Берия страдал не только сифилисом. Врач Мкртыч Карапетович Ванцян, с 1926 года по 1953 год возглавлявший санитарный отдел ГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ Грузии, показал на следствии, что примерно в 1932 году Берия заболел гонореей, причем эта болезнь была у него хронической, на протяжении двух-трех лет.

Если кто-то из читателей сочтет эти сведения сенсационными, то, вероятно, только потому, что речь идет о члене Политбюро. Впрочем, что мы знаем о личной жизни власть имущих

людей того периода нашей истории? Почти ничего. В свое время завидную пруть являл всесоюзный староста М. И. Калинин — показная простота и морализаторство на тему коммунистического воспитания молодежи не мешали ему вдосталь наслаждаться прелестями опереточных примадонн. Вот, пожалуй, и все. Более известны случаи горького пьянства среди олигархов, но кого у нас этим удивишь?

В неустанном сексуальном поиске Берия был настолько горазд на выдумку, что озадачивал не только своих партнерш, но и бывалых военных следователей, которым довелось работать с десятками свидетельниц. Специфический язык юристов заметно уступает живой человеческой речи, поэтому при изучении протоколов допросов я, признаюсь, тоже кое-где заходил в тупик. Приведу пример из показаний гражданки Ж.:

«Берия предложил мне сношение противоестественным способом, от чего я отказалась. Тогда он предложил другой, тоже противоестественный способ, на что я согласилась».

Как прикажете понимать этот ребус?

Противозачаточные средства в те времена были самыми примитивными и Берией отвергались. Когда же его партнерши «залетали», что случилось довольно часто, им в порядке исключения делали аборт в лечебных учреждениях МВД СССР, о чем заботился полковник Саркисов. Если же в душу Саркисова закрадывались подозрения в том, что произошло это от Лаврентия Павловича, он безжалостно отказывал просительницам, потрясая имевшейся у него справкой, что Берия не способен к деторождению.

Были у Берии и внебрачные дети. Одного из них за год до войны под чужой фамилией

поместили в детский дом на окраине Москвы, а другого, появившегося на свет десять лет спустя, Берия предложил отдать на воспитание в деревню, что не встретило понимания матери. О деревне я упомянул только потому, что в данном случае у Лаврентия Павловича проявилось идиллическое, книжное представление о колхозниках, о полногрудых сельских кормилицах, о здоровой крестьянской пище и т. п. Голодной послевоенной деревни он толком не знал и, судя по всему, знать не хотел.

Приведенный мною термин «книжные представления» к Берии применим лишь отчасти, ибо Лаврентий Павлович редко посвящал свой досуг чтению, предпочитая, как уже отмечалось, более активные формы отдыха. А в перерывах между постельными развлечениями он с очередной дамой и полковниками Саркисовым и Надарая с азартом играл в подкидного дурачка, запуская глаза в чужие карты. Если учесть, что у полковников на двоих со скрипом набиралось десять классов средней школы, да и дамы особой культурой не отличались, то можно представить себе, как радовали Лаврентия Павловича жаркие карточные баталии. В беседах Берия не нуждался, для него отбирали женщин исходя только из возраста — до 24 лет. Любовницы подолгу не удерживались. За исключением тех, кто обнаруживал знойный темперамент и высшую постельную квалификацию. В этой связи замечу, что больше других нравилась Берии проститутка по кличке «Белла», для проформы числившаяся официанткой московского кафе № 612. Ее, по словам охранников из «девятки», Лаврентий Павлович уважительно именовал «профессором».

Уже знакомая читателям артистка Радиокоми-

тета М., которой Берия помог перебраться из Подольска в Москву, из чувства благодарности и сама отдавалась Лаврентию Павловичу, и поставляла ему своих приятельниц. Во время последней их встречи 24 или 25 июня 1953 года (точную дату она не запомнила) М. получила заказ на красивую подругу со сроком исполнения трое суток, однако групповой секс не состоялся — Берию уже арестовали. Сам по себе этот факт, конечно, не определяет, был заговор Берии или нет. Но, по сути, он идеально укладывается в рамки анализа доказательной базы обвинения, чему посвящалась предыдущая глава. В самом деле, трудно допустить, что человек, вознамерившийся буквально на днях осуществить государственный переворот, как ни в чем не бывало развлекается со случайными женщинами, тогда как ему надлежит день и ночь дирижировать заговорщиками и прослеживать каждый шаг противников.

Чувствовал ли Берия приближение своей гибели? Предпринимал ли какие-либо шаги с целью обезопасить себя, ответить ударом на удар?

Архивные документы дают основание полагать, что в самый последний момент Берия ощутил эту опасность, но было уже поздно.

ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ

Обществом чести иногда называют сицилийскую мафию — тот преступный синдикат, в котором лютая жестокость к врагам и предателям сочетается с верностью младших старшим и даже с весьма своеобразным нравственным кодексом, точно определяющим нормы поведения как клановых пастырей, так и послушной им паствы. Соответственно, люди чести — это мафиози,

сверху донизу повязанные круговой порукой. И если в документальной прозе допустимы литературные реминисценции, то позволительно сравнить Берию с доном Вито Корлеоне, героем нашумевшего романа Марио Пьюзо «Крестный отец», а человека, о котором я намерен рассказать, — с Люкой Брази, боевиком семейства Корлеоне, безраздельно преданным дону и не боявшимся ни бога, ни черта. Лица из ближайшего окружения Берии, понятно, слыхом не слыхали про Люку Брази — роман Пьюзо вышел в свет, когда их уже не было в живых, — однако с редким единодушием характеризовали пока что не названного мною человека как храбреца и цепного пса Лаврентия Павловича.

В последних числах июня 1953 года, поздней ночью, в спальне раздался телефонный звонок. Лежащий на кровати человек поднял трубку и сонным голосом назвал себя: «Церетели». — «Докладывает полковник Ковалевский! — четко прозвучало в трубке. — Шалва Отарович, из Москвы позвонил генерал армии Масленников. Он срочно просит вас связаться по «ВЧ». Какие будут приказания?» — «Высылай машину», — буркнул Церетели.

Когда усталого человека пятидесяти девяти лет от роду будят в четвертом часу ночи, он не сразу переполняется энтузиазмом. Но дело есть дело, да и Иван Иванович Масленников не кто-нибудь, а второй человек в МВД, он даром тревожить не станет. Поэтому Церетели быстро оделся, по давнишней привычке проверил личное оружие и вышел на улицу. Служебная машина мигом домчала его до штаба погранвойск Грузинского округа, где Церетели на полуслове оборвал доклад дежурного офицера, проследовал к аппарату

правительственной связи и велел соединить его с Москвой. Несколько минут спустя он услышал голос Масленникова и по-уставному обратился к нему: «Товарищ генерал армии, докладывает генерал-лейтенант Церетели!» — «Шалва Отарович, я только что вышел из кабинета Берии, — объяснил Масленников. — Лаврентий Павлович велел тебе первым же самолетом вылететь в Москву. Все понял?» — «Так точно! — подтвердил Церетели. — Вылетаю!»

В те годы беспосадочных рейсов Тбилиси — Москва не было, самолеты с поршневыми двигателями летали сравнительно медленно, поэтому на дорогу у Церетели ушло 5—6 часов, и я не исключаю, что в воздухе Шалва Отарович мог окинуть мысленным взором свою богатую впечатлениями жизнь. Родился он в 1894 году в местечке Сачхере Сачхерского района Грузии в семье князя. Благородное происхождение маленького Шалико, к сожалению, находилось в обратной пропорции к умственным способностям, вследствие чего его базовое образование ограничилось двумя классами начальной школы. По свидетельству профессора И. Талахадзе, члена КПСС с 1917 года, вместе с которым Церетели учился в Чиатуре, Шалико исключили из третьего класса за систематическую неуспеваемость, вызванную тупостью. Но храбростью он ничуть не уступал героям «Трех мушкетеров», что, кстати сказать, проявилось во время первой мировой войны, куда Церетели пошел добровольцем. Однако его военная карьера не состоялась — в 1915 году Церетели попал в плен на Австро-Венгерском фронте и два года находился в лагере русских военнопленных в Германии, под Цоссеном. Там он вступил в Грузинский легион и встретил 1918 год в Турции, где

в звании обер-лейтенанта командовал взводом, а затем и ротой легионеров. Чуть позднее, уже вернувшись в Грузию, он служил в армии меньшевиков, которые присвоили ему звание штабс-капитана. А в 1919 году Церетели заподозрили в сочувствии большевикам и подвергли аресту с содержанием сперва в Тбилисской, а потом в Кутаисской тюрьме. Церетели объявил голодовку и был помещен в тюремный лазарет, откуда совершил дерзкий побег.

В то же самое время в Кутаисской тюрьме сидел Лаврентий Павлович Берия, тогда мало кому известный двадцатилетний парень с не вполне ясным прошлым. Церетели знать не знал Берии, а Берия, наоборот, смотрел на Церетели снизу вверх, восхищаясь его мужеством.

После побега Церетели год с лишним скрывался в лесу, промышляя, по-видимому, мелким разбоем. Когда же он в 1921 году вышел из леса и обратился к другу детства Талахадзе, бывшему тогда заместителем наркома внутренних дел Грузии, с просьбой помочь устроиться на работу, Талахадзе ответил отказом под тем предлогом, что не знает, чем Церетели занимался в лесу при Советской власти. Шалико, по словам Талахадзе, обиделся, что, впрочем, несколько не помешало им семнадцать лет спустя вместе заседать в «тройке» НКВД ГССР под компетентным руководством наркома Гоглидзе.

В 1921 году Церетели поступил в рабоче-крестьянскую милицию и вскоре возглавил там отдел по борьбе с бандитизмом. Именно здесь обнаружилось его поразительное, вошедшее в легенду бесстрашие. Достоверно известно, что Церетели никогда не прятался за чужую спину, лично проводил наиболее опасные операции и обезвредил

множество отпетых бандюг. Правда, буйный нрав однажды едва не подвел его: в ресторане малость подвыпивший Шалва Отарович повздорил с каким-то гражданином и сгоряча пристрелил обидчика. Обычно за убийство привлекают к уголовной ответственности, но тогда все спустили на тормозах: органы ЧК — ГПУ республики возглавлял Берия, не посчитавший нужным отдать под суд ценного работника.

В 1938 году Берия был переведен в Москву на должность первого заместителя Ежова и взял с собой десяток особо доверенных сотрудников, в том числе начальника республиканской милиции Церетели. В НКВД СССР Шалва Отарович стал заместителем начальника 3-го спецотдела, занимавшегося в основном арестами и обысками. Зная способности Церетели, Берия, разумеется, не загружал его мелкой текучкой и поручал только серьезные дела. Так, Шалва Отарович вместе с Берией арестовывал наркома Ежова, а вместе с Панюшкиным и Сумбатовым-Топуридзе — замнаркома внутренних дел Фриновского. Он же брал под стражу молодого Кедрова, осмелившегося — бывают же чудачки! — написать Сталину о произволе Берии.

Известно, что в ходе обысков у арестованных пропадали антикварные вещи, деньги, монеты царской чеканки, дамские украшения из золота и драгоценных камней. Шалва Отарович знал много таких случаев и относился к алчным сослуживцам с ледяным презрением. Как-то на следствии его спросили, был ли он знаком с Богданом Кобуловым, правой рукой Берии. «Это очень грязный тип, способный на гадкие дела, — брезгливо ответил Церетели. — Жадный и властолюбивый. Он присваивал вещи осужденных

к расстрелу...» С точки зрения Шалвы Отаровича, большей мерзопакости, чем Кобулов, земля не рождала.

Словом, аресты и обыски были для Церетели занятием второстепенным, тогда как главным — так называемые специальные операции, о которых речь впереди.

В 1941 году Церетели был назначен первым заместителем наркома внутренних дел Грузии и отбыл обратно в Тбилиси. Это отнюдь не означало, что Берия отказался от его услуг. Напротив, как только возникала необходимость в надежном человеке, Берия тотчас вспоминал о Церетели. Например, Церетели выезжал в Иран для организации охраны Сталина в период Тегеранской конференции.

После войны Шалва Отарович работал заместителем министра госбезопасности Грузинской ССР и никогда не конфликтовал с Рапавой. Когда же на место Рапавы пришел Рухадзе, между ними сразу же начались распри — Рухадзе обожал подхалимаж, а Церетели не выказал и намека на подобострастие. Но до драки не дошло — считая, что с такими подонками, как Рухадзе, нельзя дышать одним воздухом, Шалва Отарович бесхитростно написал об этом сразу в четыре адреса: Сталину, Берии, Абакумову и Чарквиани. Немедленно последовал вызов в Москву, самый вежливый прием в Кремле и на Лубянке и, в итоге, новое назначение — заместителем министра внутренних дел Грузии по войскам. Это, кстати, был единственный случай, когда Церетели обратился с личной просьбой. Других поводов для просьб у него не было — его устраивало то, что он имел, а на большее он не претендовал.

Не обходили Шалву Отаровича и при распре-

делении наград. За беспорочную службу его грудь украсили четырнадцатью орденами, среди которых был орден Ленина, семь орденов Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени, орден Суворова 2 степени, ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, орден Красной Звезды, а также орден «Знак почета».

А теперь, располагая сведениями об основных вехах жизненного пути генерала Церетели, вернемся в 1953 год и проследим за событиями, развернувшимися в Москве. С аэродрома Шалва Отарович прямиком явился в приемную генерала армии Масленникова и попросил аудиенции. Однако Масленников не принял Церетели, сославшись на крайнюю занятость. А на следующий день в Министерстве внутренних дел СССР открыто заговорили об аресте Берии. Это известие поразило Шалву Отаровича в самое сердце. Выходит, он опоздал! Опоздал, понятно, не по своей вине, но что это меняет? В решающий момент рядом с батоно Лаврентием не оказалось верного человека, и подлые враги одолели его! Эх, если бы Берия вызвал его хоть на день раньше и дал ему десяток-другой хватких оперативников...

Генерал армии Масленников напрочь отказался принять Церетели. И другие генералы за версту обходили Шалву Отаровича, как прокаженного. Тогда он, недолго думая, подал рапорт на имя нового министра внутренних дел СССР Круглова и попросился в запас. Сожалеть ему было не о чем — не таков он, Церетели, чтобы чего-то домогаться. Раз с ним не захотели иметь дело, ему, человеку чести, не о чем толковать с обидчиками!

Возвратившись в Тбилиси, Церетели сдал дела и, став пенсионером, спокойно прожил дома ме-

сяц с небольшим. Ждал он ареста или нет — трудно сказать, но когда 13 августа ему внезапно предъявили ордер, на его лице не дрогнула ни одна жилка. Спешно этапированный в Москву, Шалва Отарович явился для следователей сущей находкой: он совершенно не умел лгать и на прямо поставленные вопросы всегда давал правдивые ответы. А если его пытались унижить, он невозмутимо говорил то, что думал. Однажды его спросили, как он, безграмотный человек, мог занимать руководящие должности в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД. «Не мне судить о степени собственной грамотности, — ровным голосом ответил Церетели. — Но одно знаю точно — чекистом я был грамотным».

Спросят — ответит, и все, дальше от него слова не дождешься. Поэтому о специальных операциях, в которых участвовал Церетели, впервые слышали от других арестованных.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

С Рапавой мы, если помните, расстались в первых числах 1953 года в кабинете генерал-полковника Кобулова, где изнуренный семнадцатимесячным тюремным заключением Авксентий Нарикевич узнал, что его освобождают из-под стражи и назначают министром госконтроля Грузинской ССР. Не столь уж сложно представить себе его тогдашнее состояние — ведь он вновь свободен и без промедления приобщен к власти. Значит, Лаврентий Павлович не держит на него зла!

В Тбилиси Рапаву ждала триумфальная встреча. Блюда грузинской кухни по вкусу и питательным качествам разительно отличались от тюремной баланды, марочные вина поднимали настрое-

ние, и Авксентий Нарикиевич еще больше воспрянул духом — черт возьми, мужчина в пятьдесят четыре года отнюдь не старик, есть время, чтобы пожить в свое удовольствие!

Но удовольствие продлилось всего лишь три месяца, после чего Рапаву арестовали и этапировали на Лубянку как члена банды Берии. «Что вы делали вместе с Берия либо по его преступным указаниям?» — спрашивали у него. Какое-то время Рапава запирался, а потом дал признательные показания:

«Летом 1939 или 1940 года, точно не помню, Л. П. Берия позвонил мне по телефону из Москвы и сказал, что в Тбилиси вместе с женой приедет наш посол в Китае Бовкун-Луганец, которого нужно хорошо встретить и поместить в санаторий в Цхалтубо. Одновременно мне было сказано, что придут два сотрудника НКВД, которых также нужно устроить в Цхалтубо.

Бовкун-Луганец прибыл поездом один, без жены, был мною встречен и помещен в дом отдыха Лечсанупра Грузии в Цхалтубо. Через день или два, точно не помню, прибыли сотрудники НКВД. Они сказали мне, что по указанию руководства должны ликвидировать Бовкуна-Луганца, что он — враг народа и, если его ликвидацию провести открыто, соучастники могут остаться в Китае. Далее мне было сказано, что Бовкуна-Луганца решено отравить.

Я позвонил по телефону Берия и доложил, что нецелесообразно проводить операцию по задуманному плану, так как внезапная смерть такого ответственного работника неизбежно повлечет за собой вмешательство врачей, вскрытие трупа и т. п. Берия ответил: «Я спрошу и сообщу». На второй день он сказал мне, чтобы сотрудники

возвращались назад, а я арестовал бы Бовкуна-Луганца и доставил в Москву. Это указание Берия было мною выполнено скрытно, ночью, так что никто посторонний не знал об аресте.

Через некоторое время Б. Кобулов по телефону передал мне подробный план операции. В Тбилиси прибудет служебный вагон с сотрудниками НКВД, которые привезут трупы Бовкуна-Луганца и его жены. Мне же надлежит инсценировать автомобильную катастрофу, о чем опубликовать в печати. При этом мне был даже передан текст сообщения в печать...

На дороге между Цхалтубо и Кутаиси мною была пущена под откос пустая легковая машина, затем были вызваны работники милиции, которые соответствующим образом оформили катастрофу (в машине было умышленно испорчено рулевое управление), а в отношении погибших было сказано, что они отправлены в Тбилиси для оказания скорой медицинской помощи... Трупы были похоронены обычным путем, но затем по указанию Б. Кобулова вырыты и вновь похоронены с почестями...»

А вот и само объявление, напечатанное в газете «Заря Востока» 9 июля 1939 года № 155 (4776):

«В ночь на 8 июля, в результате автомобильной катастрофы, погибли полпред СССР в Китае тов. Бовкун-Луганец Иван Трофимович и его жена Нина Валентиновна.

Катастрофа произошла между городом Кутаиси и курортом Цхалтубо на 6-м километре шоссе-шосейной дороги.

Выделенной Кутаисским горсоветом комиссией установлено, что автомашина потерпела аварию вследствие порчи рулевого управления».

Из показаний Рапавы явствует, что действовал

он в меру своего разума. Посудите сами, какими недоумками надо быть, чтобы поверить тому, что пострадавших в катастрофе отправили для оказания «срочной медицинской помощи» за двести с лишним километров в Тбилиси, тогда как под боком находилась Кутаисская областная больница?

Впрочем, кого им было стесняться в своем отечестве?

И еще — Рапава скромно умолчал о том, что ему пришлось «для порядка» ликвидировать водителя машины Бориса Чуприна, чей труп был захоронен вместе с четой Бовкун-Луганцев и в дальнейшем перезахоронению не подвергался. А может быть, Рапава позабыл об этом факте. Уничтожались тысячи ни в чем не повинных людей, разве мыслимо запомнить всех?

Рапава, по его словам, не знал главного — кто убил посла и его жену. Сопоставив кое-какие данные, следователи задали этот вопрос Церетели, который поведал следующее:

«Сейчас не могу вспомнить, в каком году это было, в 1939 или в 1940, но помню, что в летнюю пору. Я был вызван в кабинет Кобулова Богдана, где увидел Влодзимирского и еще одного сотрудника. Кобулов объявил нам, что есть двое арестованных, которых нужно уничтожить необычным путем. Мотивировал он это какими-то оперативными соображениями. Тогда же он объявил, что нам троим поручается выполнение этого задания и что мы должны это сделать прямо в вагоне, в котором будут ехать эти люди из Москвы в Тбилиси... Кобулов сказал также, что затем нужно сделать так, чтобы народ знал, что эти люди погибли в автомобильной катастрофе при следовании на курорт Цхалтубо и что по этому

вопросу даны соответствующие указания Рапава, работавшему тогда наркомом внутренних дел Грузии. От Кобулова сразу же все мы пошли в кабинет Берия. Берия не сказал нам ничего нового, повторив то, что говорил Кобулов. Не помню, или у Кобулова, или у Берия я попросил разрешения ликвидировать их с применением огнестрельного оружия, но нам этого не разрешили, сказав, что нужно ликвидировать тихо, без шума. Старшим группы был Влодзимирский. Помню, что вагон был необычным, в нем был даже салон, всего в вагоне было пять человек — нас трое и мужчина с женщиной.

Не доезжая до Кутаиси, мы ликвидировали этих лиц. Влодзимирский молотком убил женщину, а я молотком ударил мужчину, которого затем придушил наш сотрудник. Этот сотрудник сложил тела в мешки и перенес их в автомашину. Рапав же в соответствии с полученным заданием организовал «автомобильную катастрофу». Мне известно, что тела убитых были где-то похоронены, но затем поступило указание из Москвы похоронить их с почестями. Тогда тела были выкопаны, положены в хорошие гробы и вновь похоронены, но уже гласно...

Что это были за лица, я не знаю. Ликвидацию этих людей я считал законной, поскольку возглавлял эту операцию Влодзимирский, работавший тогда начальником Следственной части по особо важным делам НКВД СССР и знавший дела на этих арестованных. Больше заданий такого характера я не получал...»

Следователи усомнились в последних словах Шалвы Отаровича и любезно попросили его поднапрячь память.

«Вспомнил! — тотчас воскликнул простодуш-

ный князь Церетели. — Вместе с Влодзимирским и Гульстом я участвовал в тайном изъятии жены Маршала Советского Союза Кулика¹. Выполнялось это по указанию Берия... Для чего была изъята эта женщина и что с ней случилось потом — мне неизвестно».

ПОХИЩЕНИЕ ЖЕНЫ МАРШАЛА

Эту специальную операцию я тоже сложил как мозаику, но на сей раз из показаний не двух, а четырех преступников. Сделано это не столько для повышения достоверности, сколько потому, что в каждом из показаний читатели смогут уловить личный оттенок, элемент эдакого, если хотите, индивидуального отношения к происшедшему.

Первое слово по старшинству принадлежит Берии, поэтому для начала приведу выдержку из его допроса 26 августа 1953 года:

«Руденко: Церетели Шалву Отаровича вы знаете?

Берия: Церетели знаю примерно с конца 1922 года... по совместной работе в Грузии. Знаю его с положительной стороны, как человека храброго. Использовался он по борьбе с бандитизмом.

Руденко: Для какой цели вы намерены были привлечь Церетели в 1941 году, незадолго до Великой Отечественной войны?

Берия: Не помню, в 1940 или в 1941 году Церетели намечался мною на работу в спецгруппу для осуществления специальных заданий, то есть избияния, тайного изъятия лиц, подозрительных по своим связям и действиям. Так, например, имелось в виду применить такую меру,

¹ Г. И. Кулик (1890—1950) — Маршал Советского Союза (1940), Герой Советского Союза (1940), с 1939 г. зам. наркома обороны СССР и начальник Главного артиллерийского управления, депутат Верховного Совета СССР (1937).

как уничтожение Литвинова, Капицы. В отношении режиссера Каплера намечалось крепко избить его...

Руденко: Тайное похищение и убийство Кулик-Симонич было совершено по вашему личному приказанию?

Берия: Так. Я не могу вспомнить, кому я дал распоряжение о тайном изъятии и уничтожении Кулик-Симонич, но мне помнится, что ее допрашивали. Было ли решение Особого совещания по ее делу, я не помню. Не помню также, обращался ли Кулик ко мне с заявлением о том, что исчезла его жена. Не помню, объявлялся ли всесоюзный розыск Кулик-Симонич...»

По версии Анатоля Франса, в старости бывший прокуратор Иудеи Понтий Пилат начисто позабыл об уголовном деле Иисуса Христа. Быть может, Лаврентий Павлович с годами тоже утратил память? Нет, он помнил почти все. В доказательство приведу фрагмент из стенограммы закрытого судебного заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 18—23 декабря 1953 года. Допрос проводился членом суда Кучавой.

Вопрос: Вы отдали Меркулову распоряжение о похищении, а затем убийстве Симонич-Кулик?

Ответ: Я получил небольшую сводку о Кулик. Вернее, я попросил, чтобы мне дали о ней сводку. Получив сводку, показал ее. Мне было приказано изъять Кулик-Симонич и так, чтобы никто об этом не знал. Получив такие указания, я вызвал Меркулова и Влодзимирского и поручил произвести операцию. Они выполнили мое поручение...»

А вот что рассказал на допросе Гульст, назна-

ченный старшим группы по тайному изъятию жены маршала. Поскольку с этой фигурой читателя встречаются впервые, следует представить его: Гульст Вениамин Наумович, 1900 года рождения, еврей, член КПСС с 1921 года, образование — незаконченное высшее, в период следствия по делу Берии и других — пенсионер МВД.

«В 1940 году (тогда он был заместителем начальника 1-го отдела по охране. — К. С.) меня вызвал к себе Берия. Когда я явился к нему, он задал мне вопрос: знаю ли я жену Кулика? На мой утвердительный ответ Берия заявил: «Кишки выну, кожу сдеру, язык отрежу, если кому-то скажешь то, о чем услышишь!» Затем Берия сказал: «Надо украсть жену Кулика, в помощь даю Церетели и Влодзимирского, но надо украсть так, чтобы она была одна».

В районе улицы Воровского в течение двух недель мы держали засаду, но жена Кулика одна не выходила. Каждую ночь к нам приезжал Меркулов проверять пост, он поторапливал нас и ругал, почему мы медлим. Но однажды она вышла одна, мы увезли ее за город в какой-то особняк... Слышал, что Кулик объявлял розыск своей жены, но найти ее не мог...»

О том, что произошло дальше, мы узнаем из упомянутой выше стенограммы Специального судебного присутствия, где председательствующий, Маршал Советского Союза И. Конев, допрашивал подсудимого Влодзимирского:

В о п р о с: По указанию Берия вы принимали участие в пытках, похищениях и убийствах советских людей?

О т в е т: В 1939 году, в июне или в июле, меня вызвали в кабинет Берия. Там находился Меркулов и еще кто-то. Берия дал указание Мер-

кулову создать опергруппу из 3—4 человек и произвести секретный арест жены Кулика. Я был участником этой группы. Меркулов разработал план, как устроить засаду, и предложил жене Кулика снять секретно. Ордера на арест жены Кулика не было.

В о п р о с: Значит, вы тайно похитили человека ни в чем не виновного... то есть без всяких оснований?

О т в е т: Была ли она виновата или нет, не знаю. Я считал, что ее снимают незаметно, так как не хотят компрометировать ее мужа.

В о п р о с: Вы похитили жену Кулика, а что вы с ней сделали?

О т в е т: Мы привезли ее в здание НКГБ и сдали. Я больше ничего не делал... Через полтора месяца меня вызвал Кобулов, приказал выехать в Сухановскую тюрьму, получить там жену Кулика и передать ее Блохину. Я понял, что если жена Кулика передается коменданту Блохину, то значит для исполнения приговора, то есть расстрела... Я только теперь узнал, что ее допрашивали Берия и Меркулов...»

Стало быть, Кулик-Симонич допрашивали. А где же протокол ее допроса? Его уничтожили сразу же после того, как миновала надобность. А что такая надобность была, мы поймем из ответов подсудимого Меркулова на вопросы члена суда Михайлова:

«В о п р о с: Вы допрашивали Кулик-Симонич?

О т в е т: Кулик-Симонич я допрашивал вместе с Берия, правильнее сказать — допрашивал ее Берия, а я вел запись протокола. Никаких показаний о своей шпионской работе она нам не дала и была нами завербована в качестве агента.

В о п р о с: За что же была убита Кулик-Симонич?

О т в е т: Я ее не убивал. Берия сказал мне, что о ее расстреле есть указание свыше. У меня не было никаких сомнений в том, что такое указание действительно было получено...»

Кто же заказал убийство жены Кулика? Тот, кто произнес историческую фразу: «Жить стало лучше, жить стало веселей», — Иосиф Виссарионович Сталин.

Ни в одном документе дела Берии его фамилия не упоминалась с оттенком осуждения, но удивляться здесь нечему — таковы были «правила игры» и на предварительном следствии, и в судебном заседании. Еще бы, в ту пору Сталин — личность неприкосновенная, на нее запрещалось набрасывать даже легкую тень. Судьи и следователи — люди дисциплинированные, что прикажут — то они и сделают, да и подсудимые тоже народ сознательный, как-никак старые члены партии, им и в преддверии смерти надлежит радеть о незыблемости канонов.

Вдумаемся, могли ли два народных комиссара СССР — внутренних дел (Берия) и государственной безопасности (Меркулов) — по собственной инициативе похитить жену одного из трех живых Маршалов Советского Союза? Утвердительный ответ на этот вопрос даст только человек, совершенно не знакомый с нравами и обычаями кремлевского «двора». И ликвидацию Бовкуна-Луганца исполнили по команде Сталина. Помните, как Рапава возражал против отравления посла, а Берия сказал: «Я спрошу и сообщу»? У кого он мог спрашивать? У Сталина, у кого же еще! Да и за проектировавшимися акциями в отношении Литвинова, Капицы и Каплера безошибочно угадывается его злая воля. Литвинов был принципиальным противником пакта Молотова — Риббент-

ропа, мешал установлению тесных контактов с Гитлером и за одно это, по мнению Сталина, заслуживал смерти. Кстати, Берия лично осматривал дорогу, по которой Литвинов ездил на дачу, выбрал поворот, где удобно было устроить автокатастрофу, и не довел дело до конца лишь потому, что Сталин передумал. Капица отличался независимостью суждений, что тоже каралось смертью, но, к счастью, до него не дошли руки — что-то отвлекло Сталина, и он забыл о Капице. Что же касается намечавшегося избиения кинорежиссера Каплера, то тут побудительный мотив у Вождя был, как говорят, проще пареной репы — сукин сын Каплер завел шашни со Светланой Аллилуевой, забыв о том, чья она дочь. Казнить за шашни — вроде бы перебор, а вот хорошенько набить морду — в самый раз. Полагаю, что мысль использовать жену Кулика в качестве агента при муже родилась в голове у Берии экспромтом, однако мудрый Вождь отбросил ее, как шелуху, — живая женщина может разболтать, где она побывала и о чем с нею беседовали, а мертвая куда надежнее, та точно ничего не скажет...

Едва ли Берия, Меркулов, Влодзимирский и Церетели размышляли о том, что законно, а что нет. Раз сам товарищ Сталин приказал тайно ликвидировать кого-то, значит, у него были бесспорные основания. А всякого рода бумаженции вроде ордеров на аресты или решений «троек» — это простые формальности, за которые цепляются только буквоеды. Главное — не рассуждать, а вовремя выполнить приказ и донести об исполнении. Тогда страна оценит тебя по достоинству. И страна оценивала героев — за выполнение особых заданий Лев Емельянович Влодзимирский и Шалва Отарович Церетели получили ордена

Красного Знамени, а Вениамин Наумович Гульст был выдвинут на пост заместителя народного комиссара внутренних дел Эстонии.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК

12 мая 1954 года Комитет государственной безопасности при Совете Министров Грузинской ССР отправил на Лубянку письмо следующего содержания:

«Нашими органами с 1925 года, с некоторыми перерывами, активно разрабатывается как буржуазный националист и агент бывших немецких разведорганов писатель Гамсахурдиа Константин Семенович, 1892 года рождения.

В ходе агентурной разведки установлено, что Гамсахурдиа на всем протяжении Советской власти в Грузии проявил себя непримиримым буржуазным националистом, открыто насаждающим националистические взгляды среди окружающих и протаскивающим их в своих произведениях.

Имеющимися у нас оперативными и следственными материалами Гамсахурдиа изобличается как поддерживающий с 1913 года тесные связи с германскими разведорганами, вербовавший по их заданиям агентов и собиравший для них сведения шпионского характера вплоть до 1936 года. Массовый разгром всякого рода антисоветско-националистических формирований в Грузии, произведенный нашими органами, пресек шпионскую деятельность Гамсахурдиа в связи с арестом завербованной им агентуры.

В последующем получены лишь отрывочные данные оперативной слежки и литерных мероприятий, подозрительные на связь с английской разведкой, что проверить пока не удалось.

Гамсахурдиа К. С. во всех когда-либо существовавших на территории Грузии нелегальных организациях всегда играл руководящую роль.

Он же проходит по показаниям вскрытой и частично ликвидированной в 1947 году нелегальной антисоветской организации «Комитет независимой Грузии» — Готуа Л. и Гозалишвили Г. — как участник этой организации, намечаемый на пост министра иностранных дел в составе будущего национального правительства Грузии.

За свою антисоветскую деятельность Гамсахурдиа неоднократно арестовывался нашими органами в 1922, 1924 и 1926 годах, однако, благодаря покровительству врагов народа, как это выясняется теперь, его освобождали из заключения.

Несмотря на наличие весьма серьезных компромат-материалов на Гамсахурдиа, он в течение многих лет пользовался покровительством у бывшего руководства НКВД Грузинской ССР, а затем и ЦК Компартии Грузии, когда там руководящие посты занимали враги народа.

Об этом свидетельствуют многочисленные агентурные данные и материалы литеры «Н» (справка по этим материалам прилагается).

В связи с тем, что ныне арестованные по делу врага народа Берия — Рапава и Шария лично оказывали свое покровительство Гамсахурдиа и знали о благосклонности к нему врага народа Берия, просим Вашего ходатайства перед руководством Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР о их допросе вокруг известных нам фактов преступной связи Гамсахурдиа с приспешниками врага народа Берия и с ним лично...»

В приложенной к письму справке объемом 15 страниц машинописного текста содержался так называемый «компромат»:

«...Источник Особого отдела УГБ НКВД Грузии „Квишхеты“ 2 августа и 10 октября 1936 года сообщал:

«Гамсахурдиа очень доволен своим приемом у Л. П. Берия. Он говорит, что 13 июля Л. П. беседовал с ним очень долго... и обещал всякую поддержку. На вопрос Л. П. — почему Гамсахурдиа прорабатывает руководящих работников по поводу М. Горького и другим вопросам — он, Гамсахурдиа, по его словам, убедил и внушил Берия, что грузинские писатели должны уважать и ценить первым долгом самих себя и свое достоинство...

По его словам, Берия во всем с ним согласился и обещал ему сделать через ЦК КП(б) Грузии спецпостановление об издании всех его произведений... Руководство НКВД знает об этом, при встрече с Л. П. Берия присутствовал Рапава...

„Это дает мне возможность спокойно и достойно продолжать свою работу, — заявил Гамсахурдиа. — Нужна сейчас только здравая литература, нужно воспитание молодежи и внедрение в нее национального духа“».

О близком знакомстве Гамсахурдиа с бывшим наркомом внутренних дел Грузии Рапавой свидетельствуют также имеющиеся в архивном агентурном деле «Шовинисты» рапорта бывшего зам. начальника 2 отделения Секретно-политического отдела НКВД ГССР Микава от 22 марта и от 16 апреля 1942 года.

Источник «Августовский» 11 октября 1937 года сообщил, что в беседе с ним Гамсахурдиа сказал: «Лаврентий Павлович столько сделал для меня хорошего, другой бы вместо него не оставил бы меня на воле. Много раз он спасал меня, и за это я должен крепко его отблагодарить...»

По сообщению источника «Консул» от 31 июля

1939 года, в беседе с ним Гамсахурдиа сказал: «Ежов требовал моей головы, но Лаврентий Павлович меня спас...»

По сообщению источника «Юрина» от 31 января 1940 года, в беседе с ней — «Гамсархурдиа возмущен предельно тем, что партбюро Гослитиздата вмешалось в дело издания его книги и рецензирует. „Кто они такие? — восклицал Гамсахурдиа. — Меня Берия принимает, меня Шария знает. Берия за то, чтобы печатать эту книгу (речь идет о книге «Детство вождя»)“».

Источник «Маяковский» в сообщении от 25 сентября 1940 года указывает, что зав. редакционным сектором Гослитиздата Евгенов в разговоре с ним сказал: «Константин Гамсахурдиа надоел всем нам, каждое свое дело он связывает с именем Л. П. Берия... и даже в деле издания этой книги угрожает мне именем Берия... (речь идет о книге „Десница великого мастера“»).

По сообщению источника «Шмидт» от 10 февраля 1941 года, Гамсахурдиа, оставшись наедине с Шалва Нуцубидзе, стал говорить с ним о назначении Берия наркомом внутренних дел СССР:

«Гамсахурдиа: Нет, все же это плохо, что Л. П. не будет иметь отношение к госбезопасности.

Нуцубидзе: Ты чего-то боишься?

Гамсахурдиа: Бояться-то я не боюсь. Но и приятного будет мало. Подумай, кто-нибудь из новых людей набрел на наши дела. Ведь они, наверное, лежат там где-то на полке.

Нуцубидзе: Ну и что?

Гамсахурдиа: И заинтересовался — на каком таком основании эти люди освобождены? Дайте сюда раба божьего. И вот нас с тобой опять потянут. Вот что может случиться.

Н у ц у б и д з е: Брось, напомнить о себе можем только мы сами. По архивным следам к нам не придут.

Г а м с а х у р д и а: Не забывай, что Л. П. Берия человек, который спас нас с тобой. Мы не можем быть безразличными к этому».

По сообщению источника «Августовский» от 23 августа 1941 года, Гамсахурдиа в беседе с ним сказал: «Если меня в текущем году не арестуют, я буду спасен. В данный момент я нахожусь в таком же критическом состоянии, как в 1937—1938 годах. Тогда меня спас Л. П., а теперь никого нет...»

Мероприятием литеры «Н» зафиксировано, что Гамсахурдиа, находясь 27 мая 1942 года в помещении гостиницы «Интурист» в Ереване, в присутствии Григоряна Грачика и неизвестной женщины сказал: «Знаете, я такой человек, что не люблю просить и не буду просить, я в жизни никогда не просил. Однажды сам Берия говорил, что ты хочешь — машину, я сказал, что нет, дорогой, большое спасибо, не хочу...»

И далее там же:

«...я много раз был в ЦК — сказал, объяснил все, и при Берия объявил, не вру, клянусь, я не шучу. Он успокоил меня и сказал: „Идите, спокойно работайте...“».

По сообщению источника «Михайловский» от 19 января 1944 года, в беседе с ним поэт-переводчик Ананиашвили Элисбар Георгиевич говорил о Гамсахурдиа: «При его сомнительной политической позиции он давно бы сошел на нет, если бы его не поддерживал Берия».

Источник «Кадр» 26 октября 1953 года сообщил в отношении произведения К. Гамсахурдиа «Похищение луны»:

«...пропагандируя, что, якобы, существование Советской власти убивает поэзию (луну), роман этот явился злостным поклепом на нашу действительность. В нем показан комсомолец, полный суеверий. Комсомолец убивает отца, кости его вешает на дереве и делает невообразимые глупости. Одновременно в романе восхваляется бездельник — аристократ Таращ. Характерно, что этот роман был издан в Грузии и на русском языке...

Используя свои связи с Берия, Константин Гамсахурдиа навязал «Похищение луны» Гослитиздату в Москве. Хотя там роман издан не был, но это не помешало Гамсахурдиа получить гонорар около 200 000 рублей...»

Вот, пожалуй, все наиболее существенное из этой справки.

А где же, спросите вы, данные о шпионской работе на кайзера Вильгельма II Гогенцоллерна, на генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга и, наконец, на фюрера Адольфа Гитлера? Где адреса конспиративных квартир, где рабочие ключики агентов, завербованных немецким резидентом Гамсахурдией, где шифры и средства связи, без которых стратегическая разведка не стоит и выеденного яйца? В справке об этом ни полслова. Что же остается — ноль без палочки?

Это, извините, как посмотреть. Тем, кто не застал казарменного социализма в годы его могущества, информация тогдашних стукачей о каждом шаге помещенного «под колпак» писателя наверняка покажется кучей сплетен, не более того. Однако зациклившиеся на бдительности контрразведчики оценивали ее по-иному: раз действовавшие независимо друг от друга «источники» подтвердили, что Гамсахурдиа опасался ареста, а, как известно, дыма без огня не бывает, то, значит,

он определенно замешан в чем-то вредительском. Кто в нашей замечательной стране, где, по словам любимого народом поэта-песенника Лебедева-Кумача, «так вольно дышит человек», панически боится возмездия? Лишь тот, в ком совесть нечиста! С какой стати бандит Берия, издавна сотрудничавший с британскими спецслужбами, стал вызволять из тюрьмы Гамсахурдию? Понимаете, куда ведут следы?

Центр всемерно помогал периферии разоблачать врагов народа, поэтому просьба тбилисских контрразведчиков была воспринята на Лубянке с глубоким пониманием. В доказательство привожу выдержки из протокола допроса Рапавы от 26 мая 1954 года:

В о п р о с: Как давно вы знаете писателя Гамсахурдиа Константина Семеновича и чем объясняется ваша с ним близость, ваше покровительство в тот период, когда вы были наркомом?

О т в е т: Как видного писателя Грузии я знал Гамсахурдиа очень давно, примерно с 1926—1927 годов. Близкого знакомства у меня с ним не было... на квартире у меня он никогда не был.

В о п р о с: Что вам известно о встречах Гамсахурдиа с Берия, когда последний бывал в Грузии?

О т в е т: Припоминаю туманно, что Гамсахурдиа как будто встречался с Берия в Москве, куда он ездил с ходатайством о своем брате, который был арестован органами НКВД и впоследствии расстрелян...

В о п р о с: Почему при наличии многочисленных показаний в 1937 году о том, что Гамсахурдиа участвует в нелегальных антисоветских организациях и ведет вражескую работу, он не был арестован?

Ответ: Я не знаю почему, так как в 1937 году я не занимался вопросами разработок и арестами, хотя и был заместителем народного комиссара внутренних дел Грузии. Позднее Гамсахурдиа разрабатывался нами как антисоветски настроенный человек, а к 1946 году уже стоял вопрос об его аресте, о чем мы вместе с Чарквиани докладывали Сталину на его даче в Гаграх. Однако он не разрешил арестовывать Гамсахурдиа...

Вопрос: Вам зачитывается агентурный материал источника „Квишхеты“ от 10 октября 1936 года, в котором приведен разговор источника с Гамсахурдиа:

«На предупреждение источника, чтобы Гамсахурдиа был осторожнее в выражениях — «Неужели ты не считаешься с НКВД? Ведь тебя могут посадить», — Гамсахурдиа ответил: „Нет, в этом отношении я перестраховался, у меня наилучшие отношения с НКВД. Товарищ Гоглидзе меня очень хорошо знает, с Чичико Рапава я бываю очень часто то за обедом, то за ужином, у меня с ним задушевный разговор. Я смог заслужить доверие и уважение к себе тех работников, от которых зависит нахождение на свободе“».

Как видите, Гамсахурдиа еще в 1936 году бравовировал своей близостью с вами. Почему вы скрываете эту близость?

Ответ: Я считаю, что в данном случае это просто хвастовство Гамсахурдиа, так как никогда я с ним не сидел ни за одним столом и между нами никогда не было задушевного разговора. Думаю, что он врет и о своих отношениях с Гоглидзе.

Вопрос: Известно ли вам было, что с 1925 года по 1945 год Гамсахурдиа разрабатывался

органами НКВД как буржуазный националист и агент немецкой разведки с 1913 года?

О т в е т: Мне было известно из агентурных донесений об антисоветских настроениях Гамсахурдиа, об его нездоровых националистических разговорах. Однако никаких серьезных материалов, говорящих о вражеской деятельности Гамсахурдиа, до 1946 года не было.

В о п р о с: Следственными и агентурными материалами, поступившими в НКВД Грузии, было бесспорно установлено, что Гамсахурдиа поддерживал тесные связи с немецкой разведкой с 1913 года вплоть до 1936 года включительно. Почему вами своевременно не был поставлен вопрос об аресте Гамсахурдиа?

О т в е т: Я утверждаю, что мне не было известно о причастности Гамсахурдиа к органам немецкой разведки, таких агентурных донесений я не читал. Не известны мне и следственные материалы, которые устанавливали бы факты работы Гамсахурдиа на пользу немецкой разведки. Если бы мне это было известно, я бы немедленно арестовал Гамсахурдиа...»

По-своему не менее показательны разъяснения Петра Шарии (доктора философских наук, профессора, действительного члена Академии наук Грузинской ССР, до ареста — помощника первого заместителя Председателя Совета Министров СССР), которые он дал на допросах 13 и 30 июля 1954 года:

«В о п р о с: Что вам известно о покровительстве Берия писателю Гамсахурдиа Константину Семеновичу и какую помощь оказывали ему вы в издании его произведений и по встречам с Берия?»

О т в е т: Лично я познакомился с Гамсахурдиа

в 1932 году, когда он, как корректор грузинского издательства, имел отношение к изданию моей брошюры о Спинозе.

Когда я в 1930 году был направлен на работу в Грузию, мне был прислан на отзыв из какого-то отдела ЧК (ГПУ) Грузии экземпляры новелл Гамсахурдиа под названием „Табу“. Я дал резко отрицательный отзыв ввиду грубой порнографичности и аморальности большинства помещенных в книге новелл.

Непосредственного контакта с Гамсахурдиа я не имел до 1938 года, когда он работал над романом из жизни Вождя (насколько мне известно, по поручению Бери) и обращался ко мне несколько раз за консультацией в связи с полученным им разрешением ознакомиться со специальным фондом материалов архива грузинского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина, директором которого я был назначен тогда по совместительству...

Вообще Гамсахурдиа считался политически одиозной фигурой, не то в начале, не то в середине двадцатых годов он был сослан на Соловки, и по партийным документам мне было известно, что он принадлежит к крайне правому флангу грузинских писателей, за что подвергался резкой критике в отчетных докладах ЦК КП(б) Грузии и в других выступлениях руководящих работников республики...

В период моей работы в ЦК КП(б) Грузии в 1936—1938 году я не имел отношения к вопросам литературы и искусства... Помню только случай, когда в ЦК разбирался вопрос об идейной чуждости романа Гамсахурдиа „Похищение луны“, но не знаю, кем этот вопрос был поднят. Должен признаться, что я не мог читать его про-

изведений ввиду архаичности языка и претенциозной манеры его стиля и не принуждал себя. В свете сказанного я могу предположить, что Берия дал поручение Гамсахурдиа написать роман о Вожде с целью его (Гамсахурдиа) реабилитации в мнении партийной и советской общественности. В этом же плане я рассматриваю вскользь брошенное замечание Берия не то в мае, не то в июне 1953 года, что он в Крыму в конце сороковых годов передал Сталину, якобы жаловавшемуся на бессонницу, книгу (роман) Гамсахурдиа „Десница великого мастера“ и что по ее прочтении Сталин якобы ночью разбудил его (Берия) и сказал: „Оказывается, Гамсахурдиа замечательный писатель, а я не знал...“

Приблизительно в 1944—1945 годах Гамсахурдиа получил (за наличный расчет) автомашину американской марки «виллис». Он говорил всем, что его лично принял Микоян и дал указание о продаже машины. Хотя обстоятельства дела мне не известны, смело могу утверждать, что без какого-либо участия Берия Гамсахурдиа не смог бы быть принят Микояном и получить от него автомашину.

Лично мне Гамсахурдиа не раз надоедал различными просьбами, но в основном он добивался удовлетворения главных своих претензий от Чарквиани. Вообще он очень назойливый и вместе с тем хитрый человек... Я всегда оставался низкого мнения о его морально-гражданском облике, считая его холодным эгоистом...

За время моей работы в НКВД — НКГБ СССР я никогда не ведал приемом Берия посетителей и не могу ничего сказать о том, по каким вопросам и как принимал его Берия в Москве...

В мае или июне 1953 года, когда я работал

в аппарате Берия при Совете Министров СССР, ко мне по «ВЧ» из Тбилиси позвонил Гамсахурдиа с жалобой на ЦК Грузии, что они не удовлетворяют его претензий. Он требовал, чтобы ему удвоили тираж и гонорар. Гамсахурдиа, видимо, рассчитывал, что я об этом доложу Берия, но его тон возмутил меня, и я ответил, что вмешиваться не буду, пусть ведет себя скромнее и разберется на месте.

Решив, что Гамсахурдиа может позвонить Берия... я как-то сказал, что звонил Гамсахурдиа, и подробно передал его претензии. На этот раз Берия заметил, что пусть он замолчит, а то мы его еще раз арестуем...»

Взаимоотношения между художником и власть предержащими — тема неисчерпаемая. Я мимоходом прикоснулся к ней, на примере академика Гамсахурдиа чуть-чуть приподнял крышку той «руководящей и направляющей» силы соцреализма, которая сжимала в одной руке и заскорузлый от крови кнут, и микроскопических размеров пряник, служивший не столько средством поощрения, сколько приманкой — изобрази действительность такой, какой она не была, но должна быть согласно нашему замыслу, и, будь уверен, глотнешь сладкой слюнки.

Гамсахурдию не расстреляли, как Паоло Яшвили или Тициана Табидзе, он умер своей смертью в 1975 году. Почему же он не разделил судьбу тех, чьи фамилии стояли рядом с ним в проскрипционных списках? Наряду с элементом случайности здесь, без сомнения, просматривается и некая, что ли, закономерность: борясь с опаснейшим двоемыслием, новоявленные оп-

ричники по отношению к интеллигенции действовали в духе французской поговорки «лучшее средство от перхоти — гильотина», тогда как столпы режима вроде Берия выступали в амплу опытных бракеров, на глазок определявших, кому жить, а кого немедля стереть в лагерную пыль. При этом какую-то, пусть не главную, но все-таки роль играло то, насколько талантлив тот или иной фрондер, ибо во все времена власть имущие очень хотели считаться меценатами. В этом смысле казарменный социализм наделил их правами богов при поистине ничтожных затратах — ведь самым щедрым даром властей художникам являлась их же жизнь.

Константин Гамсахурдиа прожил долгую жизнь, но насколько она, эта дарованная верхами жизнь, была счастливой? Может быть, он сам повинен во всех своих бедах и горестях. Что скрывать, он же не любил рабоче-крестьянскую власть.

А за что он должен был ее любить? За то, что она трижды бросала его за колючую проволоку? Он, мягко говоря, отвечал ей взаимностью.

На Гамсахурдию в основном доносили его же друзья и знакомые — мне удалось установить подлинные имена почти всех «источников». Предательству, разумеется, нет прощения, но признаюсь, у меня не поднялась рука сорвать маски, потому что среди доносчиков не нашлось добровольцев — они стали агентами политического сыска в результате подлейшего шантажа. Чтобы читатели поняли, как это делалось, процитирую отрывок из докладной записки от 7 апреля 1939 года, адресованной Берии и подписанной Кобуловым и Деканозовым:

«Гражданин (следует фамилия и имя. — К. С.),

в дальнейшем именуемый «Шмидт», и гражданин (снова фамилия и имя. — К. С.), в дальнейшем именуемый «Рабат», привлекаются к работе в качестве агентов на базе их собственного признания об активной антисоветской работе и сотрудничестве с германской разведкой.

Как «Шмидту», так и «Рабату» прямо объявляется, что их освобождение является условным и дальнейшая их реабилитация зависит от честного выполнения ими заданий, которые они будут иметь от НКВД...»

Надеюсь, всем ясно, что ни сам Гамсахурдиа, ни его знакомые не служили ни в германской, ни в английской разведках, а все «изобличавшие их материалы» есть не что иное, как параноидальный бред чинов из НКВД, или, выражаясь деликатнее, игра больного воображения. Что же касается буржуазного национализма, термина, кстати, отнюдь не бесспорного, то это был образ их мыслей, а не действий. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на показания бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Грузии К. Чарквиани, допрошенного 22 июня 1954 года в качестве свидетеля по делу Рапава:

«В 1945 году Рапава явился инициатором фальсификации уголовного дела против грузинской интеллигенции. По оговору арестованного Готуа было создано дело о так называемом «фашистском» правительстве, якобы организованном в Грузии. Были оговорены виднейшие представители нашей интеллигенции, причем Рапава ставил вопрос об их аресте.

Когда я лично стал проверять это дело, Готуа отказался от своих первоначальных показаний, и вся надуманная система обвинений провалилась».

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МУЖИК

Особняком от других преторианцев стоит генерал-лейтенант Власик — тот самый, что был безгранично предан Сталину, охранял его в течение 25 лет и являлся одним из немногих постоянных собеседников и сотрапезников Вождя. Что же представлял собой главный кремлевский телохранитель?

Николай Сидорович Власик, белорус, член ВПК(б) с 1918 года, образование — церковно-приходское, родился в 1896 году в деревне Бобиничи Слонимского района Барановической области, в семье крестьянина-бедняка, с 7 лет пас скот, с 12 лет работал поденщиком у местного помещика, в 15 лет стал землекопом на строительстве Самаро-Златоустовской железной дороги. В 1915 году Власик был призван в армию, отправлен на Западный фронт в 167 Острожский полк и год спустя получил Георгиевский крест вместе с чином младшего унтер-офицера. После ранения попал в Москву, в 251 запасной пехотный полк, где в 1917 году был избран членом полкового комитета. В 1918 году добровольно пошел на гражданскую войну с Рогожско-Симоновским рабочим батальоном, отличился под Царицыном и командовал взводом при штабе 10 армии. В дальнейшем его зачислили в преторианцы.

Охранять Сталина было занятием хлопотным и нервным, потому что, как утверждал Власик, рядом всегда были интриганы, пытавшиеся отстранить его от этой работы. Впервые такая попытка имела место в 1934 году. А в 1935 он, Власик, «своим телом прикрыл Сталина, когда прогулочный катер был обстрелян с берега постом погранохраны, и, не растерявшись, органи-

зовал ответный пулеметный огонь, после чего выстрелы по катеру прекратились». Вождь проникся доверием к Власику, десять лет Николая Сидоровича не беспокоили интригами, а затем снова начались треволения.

«В 1946 году мои враги оклеветали меня, и я был снят с должности начальника Управления охраны МГБ СССР, — вспоминал Власик в своих жалобах конца пятидесятых годов. — Но т. Сталин отнесся к этому со всей чуткостью, сам разобрался во всех выдвинутых против меня обвинениях, абсолютно ложных, и, убедившись в моей невинности, вернул мне прежнее доверие.

В 1948 году был арестован комендант дачи «Ближняя» Федосеев. Следствие вел Серов под непосредственным руководством Берия. У Федосеева было взято показание на меня, что я якобы хотел отравить т. Сталина. Т. Сталин усомнился в этом и лично проверил, вызвав на допрос Федосеева, где тот заявил, что это ложь, которую побоями заставили его подписать. Дело Федосеева передали из МВД в МГБ...

Вскоре Серов вызвал на допрос нового коменданта дачи «Ближняя» Орлова и тоже требовал, чтобы тот подписал на меня ложный протокол, но Орлов отказался. А добиться санкции на арест Орлова Серов не смог...»

Крупные неприятности выпали на долю Власика весной 1952 года, когда комиссия ЦК ВКП(б) под председательством Г. Маленкова выявила вопиющие безобразия — пользуясь бесконтрольностью, верные телохранители кремлевской элиты на господских дачах центнерами пожирали черную икру и балыки, предназначавшиеся для номенклатурных желудков! В ответ на вопрос: «А ты куда смотрел?» — Власик объяснил, что ввиду

малограмотности ему трудно было заниматься финансово-хозяйственной деятельностью, поэтому контроль за этой стороной работы Главка он возложил на своего зама. Что же касается тех коньяков и балычков, которые привозили с дачи Сталина для его личного потребления, Николай Сидорович ответил: «Да, такие случаи были, но за эти продукты я иногда платил деньги. Правда, были случаи, когда они доставались бесплатно».

Судя по всему, Николаю Сидоровичу было невдомек — чего к нему пристают из-за каких-то рыб?! Ежели он по занимаемой должности десятки лет бесплатно столовался у Сталина, то — мать-перемать! — велика ли разница: съест он полкило икры на глазах у Вождя или же возьмет с собой ту же икру, так сказать, «сухим пайком»?

Справедливости ради отмечу, что четкой регламентации на сей счет не существовало, если не считать стародавнего лакейского правила: прислуге дозволяется брать себе только то, что не доели за столом сами хозяева и приглашенные ими лица — фрукты из ваз, нарезанную лепестками семгу, лососину, ветчину, хоть и полные, но уже раскупоренные бутылки со спиртными напитками и т. п. Но, с другой стороны, обязан ли был генерал Власик руководствоваться нормами поведения для лакеев, коль скоро он сам из бедняка-поденщика давным-давно превратился если не в социалистического графа, то по меньшей мере в барона или виконта — ведь у него была своя шикарная госдача с персональным поваром, которого Николай Сидорович форменным образом терроризировал и с которым, согласно показаниям свидетельницы П., «разговаривал исключительно с применением отборного мата, не стесняясь присутствовавших женщин»?

Вешать на Власика ярлык несуна не захотели, однако наказали его примерно, исключив из партии и с позором назначив не на генеральскую, а на офицерскую должность заместителя начальника исправительно-трудового лагеря на Урале, в городе Асбесте. Там он прослужил всего лишь шесть месяцев, а в декабре 1952 года был арестован за измену Родине — оказывается, это он, Власик, в 1948 году должным образом не отреагировал на донос Лидии Тимашук о злодейском умерщвлении А. Жданова.

И на следствии по делу евреев-врачей, и потом, до конца своей жизни, Власик неизменно утверждал, что Иосиф Виссарионович Сталин ценил его. Интересно знать, что бы он сказал, если бы его ознакомили с рапортом заместителя начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковника Федотова, где, в частности, содержится такая информация:

«...в феврале 1953 года т. Игнатъев, вызвав меня к себе и передав замечания по представленному товарищу Сталину протоколу допроса Власика, предложил... применить к нему физические меры воздействия. При этом т. Игнатъев заявил, что товарищ Сталин, узнав, что Власика не били, высказал упрек в том, что следствие „жалует своих“...»

Словом, товарищ Сталин, как видите, был большим душелюбом и отнесся к Власику «со всей чуткостью». А Власик? «Люди холопского звания сущие псы иногда, чем тяжелей наказание, тем им милей господа» — как верно это сказано!

Когда же выяснилось, что врачи-убийцы были только врачами, но отнюдь не убийцами, Берия, как уже говорилось, не спешил освободить Власика. Точно так же поступили и те, кто пришел на

смену Берии, — в ходе следствия обнаружили кое-какие факты, позволявшие призвать Власика к ответу. Например, при обыске в его доме нашли трофейный сервиз на 100 персон, 112 хрустальных бокалов, 20 хрустальных ваз, 13 фотоаппаратов, 14 фотообъективов, 5 перстней и — так записано в протоколе — «инострannую гармонь», которые Власик приобрел незаконным путем без оплаты. Кроме того, Власик признал, что в 1945 году по окончании Потсдамской конференции «вывез из Германии три коровы, быка и двух лошадей, из них своему брату отдал корову, быка и лошадь, сестре — корову и лошадь, племяннице — корову; скот был доставлен в Слонимский район Барановической области на поезде Управления охраны МГБ СССР».

Но и это еще не все. Следствие установило, что Власик морально разложился, систематически пьянствовал и сожительствовал с женщинами, получавшими от него пропуска на трибуны Красной площади и в правительственные ложи театров, а также поддерживал знакомство с лицами, не внушавшими политического доверия, разглашал в беседах с ними секретные сведения, касавшиеся охраны руководителей партии и советского правительства, хранил у себя на квартире служебные документы, не подлежащие оглашению.

Невзирая на то что Власик с жаром доказывал, будто выпивки и бессчетные связи с женщинами происходили только в свободное от работы время, Военная коллегия Верховного суда СССР 17 января 1955 года вынесла приговор:

«Власика Николая Сидоровича лишить звания «генерал-лейтенанта», на основании статьи 193 — 17 п. «б» УК РСФСР с применением статьи 51 УК РСФСР подвергнуть ссылке на 10 (десять) лет

в отдаленную местность СССР. В силу статьи 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии сократить это наказание наполовину, т. е. до 5 (пяти) лет, без поражения в правах.

Лишить Власика медалей: «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «В память 800-летия Москвы», «XXX лет Советской Армии и Флота», двух почетных знаков «ВЧК — ГПУ».

Возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении Власика правительственных наград: трех орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды, ордена Кутузова I степени и медали «XX лет РККА».

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

По иронии судьбы сослали Власика туда, где некогда отбывали наказание декабристы. Однако «во глубине сибирских руд» Николай Сидорович не задержался — ближайшая амнистия быстро вернула его в Москву. А дальше он исписал горы бумаги, добиваясь реабилитации и отмечая свои выдающиеся заслуги — ведь он, а не кто-то другой был ответственным за безопасность глав великих держав в Ялте, он, Власик, встречал и обеспечивал всем необходимым Черчилля, де Голля и доверенных Рузвельта — Гопкинса и Гарримана, и т. д. В поддержку Власика выступали такие видные военачальники, как маршалы Г. Жуков и А. Василевский, но и это не помогло — реабилитация не состоялась.

Я полностью привел резолютивную часть приговора по делу Власика только потому, что там нет ни слова об измене Родине — ему вме-

нили лишь злоупотребление служебным положением. И, как ни странно на первый взгляд, именно это обстоятельство сделало приговор неопровержимым.

К ОБЩЕМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ

Суд над Рюминым состоялся в первых числах июля 1954 года.

Почему же предварительное следствие по не очень сложному и громоздкому — всего один обвиняемый — уголовному делу заняло столько времени?

Причиной вынужденной затяжки явился арест Берии и последовавшая за этим кадровая перетряска на Лубянке, ненадолго утратившей главенствующую роль в преследовании государственных преступников. С середины 1953 года «центр тяжести» переместился на Пушкинскую улицу, в Прокуратуру Союза, куда на укрепление руководства направили с Украины Р. А. Руденко, возложив на него персональную ответственность за разоблачение врагов народа. Руденко с завидной энергией включился в работу, в течение шести месяцев лично допрашивал Берию и его подельцев, а до других, как говорят, не доходили руки. Тем временем арестованный № 5 по-прежнему содержался в Лефортово, где его почти не беспокоили допросами, и в надежде на спасение строчил пространные послания Маленкову, клятвенно заверяя глубокоуважаемого Георгия Максимилиановича в неизменной преданности коммунистическим идеалам и объясняя свою бескомпромиссную борьбу с евреями исключительно любовью к родной партии и к советскому правительству.

Военная коллегия Верховного суда СССР признала Рюмина виновным в преступлениях, предусмотренных статьей 58—7 УК РСФСР (вредительство), и приговорила к расстрелу с конфискацией имущества, невзирая на его утверждения, что дело на него было создано врагами народа Берией, Кобуловым, Гоглидзе и Влодзимирским, которым он, по его же словам, мешал, как «кость в горле» или «заноза в глазу». Примечательно, что в последнем слове Рюмин просил у судей не снисхождения, а оправдания.

Рюмину позволили подать прошение о помиловании, оставленное без удовлетворения, а 22 июля приговор привели в исполнение, о чем на следующий день сообщили в центральных газетах.

Мера наказания Рюмина не вызывает у меня возражений, чего, увы, не могу сказать о формуле обвинения. Диспозиция статьи 58—7 УК РСФСР подразумевает наличие прямого контрреволюционного умысла на вредительство, тогда как намерения Рюмина были иными — он расправлялся с подследственными и фальсифицировал уголовные дела только в карьеристских, авантюристических целях, что нашло отражение как в тексте приговора, так и в газетных сообщениях.

Если придерживаться хронологической последовательности, то следующим процессом из этого же ряда было слушание уголовного дела Шарии, Мамулова, Людвигова, Ордынцева и Муханова, обвинявшихся по статьям 58—1«а» и 58—1 «б» УК РСФСР в измене Родине как члены банды Берии.

Поскольку названные лица не имели отношения к фальсификации уголовных дел, к пыткам и издевательствам над жертвами репрессий трид-

цатых, сороковых и начала пятидесятых годов, приговор Военной коллегии Верховного суда СССР обошелся без расстрелов — бывшие начальники Секретариата НКВД и МВД страны Мамулов и Людвигов получили по пятнадцать лет тюремного заключения, Шария — десять лет, а бывший заведующий секретариатом первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Ордынцев и заведующий кремлевской приемной Берии Муханов были приговорены к ссылке в отдаленные районы Советского Союза, ибо их действия переqualificировали со статьи 58—1«б» на статью 58—12 УК РСФСР (недонесение о государственном преступлении).

Об обоснованности приговора можно с полной ответственностью сказать, что правосудие там рядом не лежало. Разве кто-то из подсудимых выдал военную или государственную тайну, перешел на сторону врага либо бежал за границу с умыслом нанести ущерб военной мощи и территориальной неприкосновенности Союза ССР? Вся их вина, а вернее, беда заключалась в том, что они длительное время работали в непосредственном подчинении у Берии, пользовались его доверием. И не так уж трудно догадаться, что обнаруженный Хрущевым и Маленковым «заговорщиков», а следователи вкупе с судьями усердно выполняли поручение Кремля. Словом, все шло по принципу — пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу...

К таким неудачникам, без сомнения, принадлежал академик Шария. Больше года он ни за что ни про что просидел в тюрьме по делу мегрельских националистов, а сразу же после освобожде-

ния из-под стражи, в марте 1953 года, занял кабинет в Кремле, став помощником Берии по вопросам внешней политики. Это, собственно говоря, и погубило Петра Афанасьевича — ведь единственным сколько-нибудь серьезным обвинением против него было то, что он — жуткое дело! — не распознал в Берии заговорщика.

«Меня самого терзает мысль: «Почему не замечал? Почему не сумел помочь Партии в разоблачении подлого авантюриста?» — писал из тюрьмы Шария, обращаясь к секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову. — У кого-то из античных авторов рассказывается анекдот: Платону передали критическое замечание Актисфена, что он (Актисфен) в жизни видел много лошадей, но идею лошади — никогда, на что Платон ответил, что у Актисфена глаза замечают только отдельных лошадей, но не достигают идеи, в чем следует винить его глаза, а не идею.

С горечью должен констатировать, что при достаточной остроте моего зрения в области общих идей и принципов, о чем свидетельствует моя пропагандистская, научно-педагогическая и публицистическая работа, я не обладал должной остротой зрения в сфере конкретно-практической...»

До этапирования во Владимирскую тюрьму, где Шария отбывал наказание, он провел в лефортовской одиночке тринадцать месяцев и написал там поэму «К Партии». В ней 22 четверостишья, одно из которых стоит-таки привести:

«Обидно, горько погибать, за что не зная.
Ведь не в чем каяться, бороться не с чем мне!
Хотя бы ведал, что за сила роковая
Меня так медленно сжигает на огне...»

Петру Афанасьевичу можно только посочувствовать: он не сумел разглядеть то, чего не было. В то же самое время он, по-моему, переоценил остроту собственного зрения в области общих идей и принципов — кремлевские бонзы как до, так и после смерти Сталина свысока поплевывали на нравственность, на порядочность и на справедливость; это было не чертой чьего-то характера, а общей идеей, принципом жизни. Поэтому, как мне кажется, его мольба о реабилитации не была услышана.

А теперь буквально два слова о том, за что осудили Муханова и Ордынцева. О каком же государственном преступлении они не донесли? Оказывается, не то в мае, не то в июне 1953 года Берия назвал Сталина великим фальсификатором. Представляете? А Муханов с Ордынцевым, вместо того чтобы наперегонки бежать на Старую площадь с доносом, взяли и промолчали. Точно так же оба они вовремя не донесли в ЦК о некоторых новшествах, которые Берия готовил для обсуждения на Президиуме Совета Министров СССР. Тяжкие обвинения, не так ли?

Но верх идиотизма я обнаружил, читая приобщенное к делу заявление жены Ордынцева. Она тоже работала в аппарате Берии в Кремле и подверглась аресту одновременно с мужем. Спустя полтора месяца, не найдя оснований для привлечения к уголовной ответственности, ее выпустили из тюрьмы, но еще до суда над Ордынцевым исключили из партии лишь за то, что в своем муже она не разглядела опасного преступника. А Ордынцева осудили за то, что он не разглядел заговорщика в Берии. Забавная выстроилась цепочка!

Абакумова и пятерых его подчиненных в де-

кабре 1954 года осудили в Ленинграде как членов банды Берии, хотя оснований причислить их к бериевцам в деле не было.

В сентябре 1955 года предстали перед Военной коллегией Верховного суда СССР Рапава, Рухадзе и Церетели. Вместе с ними на скамье подсудимых в Тбилиси сидели бывшие сотрудники НКВД — МВД Савицкий, Кримян, Хазан и Парамонов, принимавшие самое активное участие в фальсификации уголовных дел конца тридцатых годов, а также Надарая, бывший телохранитель Берии, а до того — комендант Внутренней тюрьмы НКВД Грузии. Всех их обвиняли в измене Родине, в терроризме и в принадлежности к контрреволюционной организации.

О преступлениях Рухадзе и Церетели сказано, думаю, достаточно, а про Рапаву — почти ничего, если не считать соучастия в ликвидации четы Бовкун-Луганцев и не доведенной до конца фальсификации уголовного дела против грузинской интеллигенции. Между тем Рапава играл заметную роль в истреблении родственников Серго Орджоникидзе — им было возбуждено уголовное дело на Папулию Орджоникидзе, выдан ордер на арест Дмитрия Орджоникидзе, утверждено обвинительное заключение по делу Ивана и Антонины Орджоникидзе. Впрочем, на его совести и без этого хватало черных пятен — достаточно сказать, что в 1937 году, будучи председателем «тройки» при НКВД Грузии, Рапава лично рассмотрел 5685 дел и приговорил к расстрелу 2465 человек.

Наряду с Берией, Гоглидзе и Кобуловым, Рапава являлся организатором массовых репрессий в Грузии, в то время как Савицкий, Кримян и Парамонов были исполнителями, зверски избивав-

шими арестованных, чтобы добиться от них признаний в контрреволюционной деятельности. Подсудимый Кримян, в частности, истязал поэта Тициана Табидзе и буквально выбил из него ложное признание в том, что он поддерживал вражеские связи с Николаем Тихоновым, Петром Павленко, Миколой Бажаном, Максимом Рыльским и Александром Корнейчуком с целью объединения антисоветски настроенных писателей; Савицкий и Парамонов под пыткой заставили директора Тбилисского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина Эрика Бедию признаться в том, что он готовил теракт против Берии, и т. д. и т. п.

Если остальные подсудимые долгие годы служили в органах НКВД, то Александр Самойлович Хазан, одесский еврей, имевший высшее юридическое образование, потрудился на ниве борьбы с внутренними врагами, можно сказать, всего ничего, однако оставил столь яркий след, что о нем вспомнили через пятнадцать лет. Старший лейтенант госбезопасности Хазан с изощренной, поистине садистской жестокостью фальсифицировал уголовные дела на бывших секретарей ЦК КП(б) Грузии Кахиани и Мамулию, на наркома соцобеспечения республики, старого большевика-подпольщика Вашакидзе, на председателя Верховного суда ГССР, члена ВКП(б) с 1900 года Болквадзе и на целый ряд других партийных и советских работников. После допроса у Хазана в тюремной камере умер Арутюнов, бывший муж Татьяны Дуненко, которая впоследствии — насколько тесен мир! — стала женой Рухадзе. Нет, Хазан сам не бил Арутюнова, он прибегнул к помощи двух дюжих вахтеров, чьи пудовые кулаки, если верить акту, составленному комиссией из

трех послушных врачей, в одночасье довели арестованного до «заболевания менингитом».

Зуд борьбы с контрреволюцией овладел Хазаном до такой степени, что все окружающие казались ему недобитыми троцкистами. Тогда коллеги Хазана смекнули, что им несдобровать, и быстренько посадили его за решетку. При обыске у него в кабинете обнаружили обширнейшую картотеку — Александр Самойлович, как выяснилось, заполнял карточки на каждого, кого он видел хотя бы раз в жизни, и на всех тех, кто когда-либо упоминался на допросах, на очных ставках и в донесениях «источников». Трагикомическая подробность: на карточке, заведенной Хазаном на народного героя Грузии Георгия Саакадзе, которого турки казнили аж триста лет тому назад, имелась резолюция: «Разработать, выявить связи и арестовать». Чем же Георгий Саакадзе прогневил дипломированного юриста Хазана? Оказывается, это славное имя было произнесено арестованным Буду Мдивани, который в 1937 году сказал сокамерникам, что если бы он, Мдивани, находился у власти, то сделал бы для родной Грузии больше, чем Георгий Саакадзе. Внутрикамерный стукач донес об этом оперативникам, те, как положено, доложили наверх, а Хазан мигом проявил чекистскую бдительность.

Нарком Гоглидзе сжалился над Хазаном и приказал прекратить его уголовное дело, ограничившись увольнением из наркомата. Какое-то время опальный Хазан преподавал следственное мастерство в местной школе НКВД, а затем перебрался в Москву, где работал юрисконсультом в проектно-институте «Гипроэнергопром». Чтобы читатели полнее смогли оценить масштаб этой личности, сообщу о том, что в 1948 году

одно из московских издательств выпустило книгу А. Хазана «О моральном облике советского человека».

Последним на скамье подсудимых сидел Надарая. В бытность комендантом тбилисской тюрьмы он, насколько я знаю, установил никем не превзойденный рекорд, расстреливая за ночь до пятисот жертв, тогда как его московский собрат с Лубянки Блохин за сутки еле-еле справлялся с двумя сотнями обреченных. Метод у них был совершенно одинаковый — пуля в затылок, а вот манера исполнения разная: Блохин торжественно облачался для казни, надевал кожаный фартук до пят, натягивал на руки перчатки с крагами и покрывал голову кожаным картузом, а Надарая не тратил времени на переодевание и без усталости нажимал курок.

Тбилисский процесс интересен тем, что, в отличие от процессов Берии, Рюмина и Шарии, в нем участвовали стороны — обвинение поддерживал Генеральный прокурор СССР Р. Руденко, а защищали подсудимых члены Московской городской коллегии адвокатов В. Зорин, С. Галкин, Р. Уголев, С. Санников, К. Апраксин, А. Зверев и В. Гаврилов.

Каковы же были позиции сторон?

Как и следовало ожидать, государственный обвинитель исходил из того, что подсудимые, связав свою судьбу с Берией и его бандой, образовали враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, ставившую своей целью использовать органы НКВД — НКГБ — МГБ в интересах иностранного капитала для захвата власти и ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, для реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии. Под-

робно охарактеризовав преступления каждого из подсудимых в духе расширительного, тенденциозного толкования закона, Руденко так закончил свое выступление, длившееся более четырех часов (привожу выдержки из стенограммы с незначительными сокращениями):

«Для квалификации действий участников преступного сообщества, как участников заговорщической группы, решающим моментом является, что они отдавали себе отчет в направленности деятельности преступного сообщества и тех преступных целях, которые ставит перед собой организованная группа. Для того, чтобы констатировать наличие преступного заговора, вовсе не требуется, чтобы участники заговорщической группы собирались на какие-то «пленарные» заседания, составляли письменные программы, выдавали участникам группы особые удостоверения или членские билеты и т. д. ...

Говорят, что между отдельными подсудимыми были столкновения, ссоры, подчас даже резкие конфликты. Однако, о чем может свидетельствовать наличие подобных конфликтов? Только о волчьих традициях и нравах преступного общества, в котором каждый из участников преступной деятельности готов был перегрызть горло другому за руководящее положение среди остальных участников заговора. Они были едины, совершая уничтожение советских людей, противостоявших заговорщикам. Здесь между ними не было ни споров, ни ссор, ни конфликтов...

Сейчас некоторые из подсудимых пытаются объяснить свои преступления не политическими соображениями, а стремлением сделать карьеру или исполнением преступного приказа.

Эти объяснения подсудимых являются совер-

шенно несостоятельными для юридической квалификации их деяний как преступлений государственных. В самом деле, разве имеет значение, что шпион, похищающий государственные секреты и передающий их иностранной разведке, действует не из политических соображений, а из корыстолюбия. И разве имеет значение, что диверсант, совершающий взрыв или поджог, делает это за плату от иностранной разведки. В обоих случаях мы будем квалифицировать действия таких преступников как шпионаж и диверсию...

Совершая подобные преступления, подсудимые не могли не понимать, что эти злодеяния могут быть совершены только изменником Родины, так как они на руку лишь реакционным империалистическим силам и представляют исключительную опасность для Советского государства...

Таким образом, я считаю, что квалификация преступных деяний подсудимых по статьям 58—1 «б», 58—8 и 58—11 Уголовного кодекса является правильной и поддерживаю по этим статьям обвинение против всех подсудимых.

Очень трудно выделить кого-нибудь из подсудимых в смысле большей или меньшей виновности каждого из них. Несколько особняком в этой группе преступников стоит лишь подсудимый НАДАРАЯ, выполнявший для Берия функции, с одной стороны, палача, завершавшего расправы с невинными людьми и помогавшего скрывать истинные причины смерти арестованных, забитых во время так называемого «следствия», и, с другой стороны, сводника, поставлявшего Берия многочисленных женщин. Однако НАДАРАЯ не принимал непосредственного участия ни в фальсификации дел, ни в вынесении решений троек о расстрелах. Поэтому... я считаю

возможным применить к нему меру наказания в виде длительного лишения свободы.

Для того, чтобы приговор по этому делу был справедливым приговором, он должен быть суровым и сокрушающим.

Требую справедливого возмездия для РУХАД-ЗЕ, РАПАВА, ЦЕРЕТЕЛИ, ХАЗАНА, САВИЦКОГО, КРИМЯНА и ПАРАМОНОВА, я как государственный обвинитель не могу найти никаких обстоятельств, смягчающих вину любого из них.

Нет места этим выродкам на нашей советской земле!

И, поддерживая от имени государства обвинение против этих преступников, я прошу Вас о вынесении всем им, всем до одного, высшей меры уголовного наказания — РАССТРЕЛА».

Что же защита противопоставила обвинению?

Не в упрек адвокатам будет сказано, что занятая ими позиция находилась где-то между пассивной обороной и капитулянтством. Это не было случайным — теоретически наделенные равными процессуальными правами с государственным обвинителем, на практике они вынужденно довольствовались ролью если не статистов, то резонеров, ибо каждое слово правды могло обернуться неисчислимыми бедами. Тем не менее в речах всех без исключения защитников отчетливо прозвучало, что ни в материалах уголовного дела, ни в выступлении Руденко не содержится доказательств измены Родине: в преступных действиях их подзащитных нет квалифицирующих признаков статьи 58—1 «б» УК РСФСР.

Чем объяснить, что защита безоговорочно признала состав преступлений, предусмотренных

статьями 58—8 и 58—11 УК РСФСР? Причина, по-видимому, в том, что приговор по делу Берии и других имел силу закона СССР, защитники не могли ставить его под сомнение, а сам террор и заговор были, что называется, альфой и омегой. Поэтому защите приходилось искать смягчающие обстоятельства, не вступая в спор по существу обвинения. Адвокаты, в частности, ссылались на то, что Церетели был четырежды серьезно ранен в схватках с бандитами, что «обер-сатана» и «хамелеон» Берия неимоверно раздувал свой авторитет, а подсудимые слепо верили в его непогрешимость, и т. д. и т. п.

И еще — защита напомнила суду о сроках давности. Статья 14 Уголовного кодекса (в редакции 1926 года) предусматривала, что уголовное преследование не может иметь места, когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет, прошло десять лет. В тех же случаях, когда привлекаются к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления, давность применяется по усмотрению суда, но закон в примечании 1 к статье 14 гласит: если суд не найдет возможным применить давность, то при назначении им расстрела таковой обязательно заменяется другими мерами наказания. Так что те из подсудимых, которые виновны в преступлениях пятнадцатилетней давности, не подлежат смертной казни.

Как вели себя подсудимые? Что они сказали в своем последнем слове?

Признав себя виновным, Рухадзе категорически отрицал применение шомпола на пытках, уверяя, что избивал арестованных «куском плетеной

веревки, специально намоченным в воде для того, чтобы она была более упругой». Вымаливая жизнь, Кримиан просил принять во внимание, что преступал закон исключительно по молодости лет — в 1937 году ему было только 23 года. Церетели достойно заявил, что в 1919 году с великой радостью вступил в ряды Коммунистической партии и до дня ареста в течение 34 лет никаких преступлений не совершал, и в заключение громогласно проклял Берию, назвав его кровожадным злодеем. Рапава и Надарая тоже не признали себя виновными.

Военная коллегия Верховного суда СССР в составе председательствующего генерал-лейтенанта юстиции А. А. Чепцова и членов — полковников юстиции А. А. Костромина и А. А. Долотцева признала всех подсудимых виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58—1«б», 58—8 и 58—11 УК РСФСР, и приговорила Рапаву, Рухадзе, Церетели, Савицкого, Кримиана и Хазана к расстрелу с конфискацией имущества, а Парамонова и Надарая к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 (двадцать пять) и 10 (десять) лет с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 (пять) лет.

Примерно в том же ключе прошли и другие процессы над сотрудниками Берии, а последняя точка была поставлена в феврале 1959 года, когда судили Саркисова, бывшего начальника личной охраны Берии.

Кстати сказать, Берия незадолго до смерти Сталина избавился от Саркисова. Именно тогда Берия жаловался Ордынцеву, что Саркисов обленился, обнаглел — «на плечи садится» — и вдобавок, оглох — «какая это охрана?!». Арестовали

Саркисова в конце июня 1953 года, и он решил, что это мечь Берии.

Первое время поведение Саркисова в тюрьме было обычным, ничем не примечательным, а потом начались отклонения — он вообразил, будто изобрел новую текстильную машину сверхвысокой производительности, и принялся лепить ее модель из хлебного мякиша. А несколько месяцев спустя военный прокурор полковник юстиции Павлов подал рапорт следующего содержания:

«Сегодня 29 марта 1954 года мною на допрос был вызван обвиняемый Саркисов Рафаэль Семенович. В процессе допроса Саркисов стал проявлять странности, в частности, давая ответы на вопросы, он заявил: «Мне другой следователь через технику радиолокации мешает сосредоточиться и давать показания. Прошу снять с моей головы технику радиолокации».

Кроме того, на допросе Саркисов просил зачитать ему приговор и расстрелять его, так как он по радиолокации слышит, что уже расстреливают.

В связи с таким поведением Саркисова подписать его допрос не представилось возможным, и он был мною отправлен в камеру».

Саркисова подвергли судебно-психиатрической экспертизе, признали невменяемым и отправили в Ленинград, где он почти пять лет содержался в специализированном медицинском учреждении системы МВД. А затем, сочтя его состояние нормальным, без проволочек предали суду.

Чтобы читатели явственно представили себе ход процесса над Саркисовым, приведу выдержки из стенограммы заседания Военной коллегии Верховного суда СССР:

«Саркисов: Чтобы всем было ясно, я должен заявить, что Саркисов был одним из преданнейших большевиков и честных передовых рабочих.

Председательствующий: Подсудимый Саркисов, суд просил бы вас давать более конкретно показания по предъявленным вам обвинениям.

Саркисов: Я обо всем скажу подробно. В настоящее время я являюсь сумасшедшим. У меня бывают «заскоки ума», и я, как попугай, повторяю то, что твердит в моей голове какой-то голос. Я имею большие заслуги перед нашим народом. Работая ткачем, я выполнял пятилетку за 8 месяцев, а при внедрении в производство моего нового изобретения семилетний план по выпуску тканей может быть выполнен за два месяца. Я активно участвовал в революционной борьбе за построение социализма в СССР, а сейчас меня, передового рабочего, бросили в тюрьму, составили подложные протоколы и предали суду. Все это направлено на то, чтобы уничтожить резервы рабочего класса. Кроме того, меня превратили в сумасшедшего. Считаю, что это не является большевистским методом работы. Меня били и калечили и никаких мер по моим заявлениям принято не было.

С 1932 года я работал в органах госбезопасности, мною было разоблачено много сотен контрреволюционных групп. Я был секретным сотрудником, проводил наружное наблюдение...

Председательствующий: Сколько времени вы находились на службе в личной охране Берия?

Саркисов: 15 лет — с 1938 года по 22 февраля 1953 года. Вначале я был старшим сотрудником, затем начальником группы.

Председательствующий: Какие у вас были взаимоотношения с Берия? Доверял ли он вам?

Саркисов: Нет, Берия не доверял мне ничего, кроме вопросов, касавшихся женщин. Я никогда не принимал участия в контрреволюционной организации заговорщиков во главе с Берия. Я всегда защищал Советскую власть...»

Военная коллегия Верховного суда СССР в составе председательствующего генерал-майора юстиции А. А. Костромина и членов — вице-адмирала Е. М. Симонова и генерал-майора А. И. Захарова приговорила Саркисова за измену Родине к десяти годам лишения свободы.

У меня нет никаких сомнений в том, что осудили сумасшедшего, — отбыв наказание, Рафаэль Семенович Саркисов ненадолго заехал домой, в Москву, и тут же отправился в Тбилиси, чтобы внедрять свой ткацкий чудо-станок.

КОММЕНТАРИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЮСТИЦИИ А. Ф. КАТУСЕВА

Основная обязанность комментатора — давать точные оценки фактам с позиции представителя той профессии, к которой принадлежишь. Наряду с этим комментатор полемизирует с автором, когда не вполне разделяет некоторые взгляды и суждения, отраженные в рукописи. И, наконец, комментатор имеет право на информационные дополнения, если знает что-то, автору неизвестное и им не затронутое. Вот этим своим правом я сейчас и воспользуюсь.

Читатели, очевидно, помнят второй мой комментарий к «Голгофе», где говорится о судьбе совершенно секретных документов, изъятых при

обыске в квартире бывшего министра госбезопасности СССР В. Абакумова и содержавших компромат на Берию и Маленкова. Указанные документы не были приобщены к уголовному делу Абакумова и бесследно исчезли. Скорее всего, их уничтожили из боязни разглашения даже в очень узком кругу.

А как обстояло дело с личным архивом Берии после его ареста? Неужели архив попал в руки следователей Прокуратуры Союза, миновав сито особо доверенных контролеров, свято оберегавших безупречность репутации высших руководителей страны?

Последний вопрос, конечно, чисто риторический. Новые хозяева относились к уголовно-процессуальному закону столь же пренебрежительно, как Сталин, вследствие чего собранные Берией материалы о неблагоприятных делах его соперников были тотчас же изъяты и уничтожены. Однако в уголовном деле Ордынцева остались кое-какие следы допущенного произвола.

1 июля 1953 года Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко вынес постановление о производстве обысков в кремлевских кабинетах Берии и его ближайших сотрудников. В тот же день был составлен нижеследующий документ:

«Протокол обыска

1953 года, июля 1 дня, на основании постановления от того же числа, военный прокурор полковник юстиции Успенский, в присутствии представителей ЦК КПСС Николаева и Пузанова, произвел обыск в служебном кабинете б. сотрудника Секретариата Заместителя Председателя Совета Министров СССР Ордынцева Г. А.

При обыске осмотрены сейф, служебный стол и книжный шкаф.

В результате осмотра обнаружены документы, имеющие значение для дела, которые были изъяты и на месте в упакованном виде переданы тов. Суханову Д. Н.

Протокол составлен в 1 экземпляре.

Успенский
Николаев
Пузанов».

Что изъяли, в каком количестве — из текста не понять, хотя закон требует подробной описи. Далее — в каком качестве выступали Николаев и Пузанов? Они что, были понятыми? Тоже вопрос, оставшийся без ответа. А кто такой «тов. Суханов Д. Н.», поименованный в протоколе без указания места работы и должности? Здесь ответ нашелся — в то время Дмитрий Николаевич Суханов занимал пост заведующего особым сектором ЦК КПСС.

Данный протокол, возможно, и не попал в надзорное производство по делу Ордынцева, если бы два года спустя не разыгрался неожиданный скандал, начавшийся с маленькой, бесхитростно составленной бумажки:

*Генеральному прокурору СССР
Руденко
от осужденного по ст. 58—12
УК РСФСР Ордынцева Г. А.*

ЗАЯВЛЕНИЕ

При вскрытии Прокуратурой моего сейфа в Кремле были изъяты принадлежащие мне об-

лигации государственных займов общей суммой около 80 тыс. руб. вместе с описью на них. В моем следственном деле никаких указаний об изъятии этих облигаций нет. Как заявил следователь полковник Струков, где находятся эти облигации в настоящее время, также неизвестно. В связи с этим прошу вас дать указание о розыске моих облигаций и возвращении их жене — Леоновой А. И.

Г. Ордынцев

8/Х—54 Бутырская тюрьма».

Почему Ордынцев раньше не вспоминал об облигациях? Ему было не до них, ибо за измену Родине людей его ранга обычно расстреливали, а если и сохраняли жизнь, то приговаривали к длительным срокам лишения свободы с конфискацией принадлежавшего им имущества. Когда же деяния Ордынцева переквалифицировали на недонесение о государственном преступлении и вынесли ему наказание в виде ссылки без конфискации имущества, он, естественно, заявил о своих законных правах.

Как же отнеслись к заявлению Ордынцева? Обратились к Успенскому, а тот развел руками и написал справку.

«При обыске в кабинете Ордынцева присутствовал я. Изъятию из сейфов подвергались только документы, имеющие значение для дела. Все изъятые не описывались, а будучи сложенным в отдельные пакеты — оставлялось на месте для последующего осмотра. В осмотре изъятых документов я не участвовал. Если облигации Ордынцева хранились в сейфе, то все они должны были остаться там же, в его кабинете».

Попытки выяснить в ЦК КПСС местонахождение облигаций Ордынцева тоже ни к чему не привели. И все — на нет суда нет.

Ордынцев уже из Игарки, куда его сослали, снова обращается с заявлением к Р. А. Руденко и, кроме того, в Секретариат Президиума ЦК КПСС — к Д. Н. Суханову, но все без толку — оба адресата не ответили ссыльно-поселенцу. Тогда он в феврале 1955 года просит Н. С. Хрущева вмешаться и защитить его законные требования, указав в письме, что имеет двух малолетних детей, фактически лишенных средств для существования.

В материалах дела нет сведений о том, кто на сей раз дал команду разыскать облигации и где именно они нашлись, известен лишь итог — 12 марта 1955 года жена Ордынцева получила в Прокуратуре Союза облигации на сумму 75325 рублей. Вернули ей не все: те облигации, на которые в течение 1953—1954 годов пали выигрыши, ей не отдали.

В этой процедуре Прокуратура Союза выступила в незавидной роли передаточной инстанции. Но этим действия Прокуратуры не ограничились — налицо были признаки преступления. Поскольку установить номера облигаций, ранее принадлежавших Берии и его окружению, не составляло особого труда, была, скажем так, раскинута тонкая сеть, после чего оставалось ждать, когда в ней запутается птичка.

В начале второй декады мая 1956 года в одной из сберегательных касс города Москвы при получении выигрыша в 10000 рублей задержали гражданку Ч., оказавшуюся ответственной сотрудницей Управления делами Совета Министров СССР. На допросе Ч. призналась, что уже полу-

чила выигрыши по 17 облигациям и что дал ей эти облигации ее непосредственный начальник — товарищ Суханов Дмитрий Николаевич.

Здесь, думаю, не обойтись без пояснения. Дмитрий Николаевич Суханов, 1904 года рождения, русский, из рабочих, образование низшее, на заре трудовой деятельности был курьером на Ярославской спичечной фабрике, а в дальнейшем прочно связал свою жизнь с партаппаратом: семь лет (с 1922 по 1929) он ведал статистической частью Ярославского губернского комитета ВКП(б), три года возглавлял сектор регулирования роста партии в ЦК КП(б) Узбекистана, а затем попал прямо в оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б). Анкетные данные у Дмитрия Николаевича были лучше некуда, и в 1936 году он стал бессменным помощником Г. М. Маленкова. Наименования должностей Суханова менялись по мере возвышения патрона, но существо взаимодействия оставалось неизменным — он следовал за Маленковым как нитка за иголкой. В 1954 году, уже похитив облигации, он был назначен помощником Председателя Совета Министров СССР, а с середины февраля 1955 года — заведующим Секретариатом заместителя Председателя Совета Министров СССР, ибо к тому времени путеводная звезда Маленкова покати́лась вниз.

Совершив преступление, Суханов твердо рассчитывал на безнаказанность и, не случись губительный для него прокол с приговором по делу Ордынцева, прослужил бы в Кремле еще долго. Да и гражданка Ч., давняя любовница Суханова, не выдала бы его, потому что ничего не знала о происхождении облигаций.

На предварительном следствии взятый под стражу Суханов признал себя виновным в том,

что похитил облигации на сумму 106500 рублей, а также восемь штук часов различных марок и золотой значок, которые были изъяты при аресте Берии и его подчиненных.

17 августа 1956 года Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда вынесла приговор: «Суханова Дмитрия Николаевича на основании статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 года «Об уголовной Ответственности за хищение Государственного и общественного имущества» подвергнуть заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 (десять) лет, без поражения в правах, с конфискацией лично принадлежащего ему имущества».

Квалификация преступного деяния, совершенного Сухановым, абсолютно верная — он похитил облигации, ранее принадлежавшие Берии и другим лицам, но в момент совершения преступления находившиеся под юрисдикцией государства.

Что побудило меня рассказать о Суханове?

В 1991 году на страницах журнала «Журналист» были помещены главы из книги А. Г. Маленкова «Противоборство», где автор рассказывает о борьбе своего отца с Ежовым и Берией, ссылаясь на авторитетные свидетельства ныне здравствующего Д. Н. Суханова. На кого и как ссылаться, это, конечно, личное дело А. Г. Маленкова, и я не стал бы заострять внимание на этой мелочи, если бы не одно обстоятельство — оказывается, Рюмин принес донос на Абакумова именно к Суханову. Спасибо за информацию, теперь мы будем знать, под чью диктовку этот донос многократно переписывался Рюминым для придания большей остроты и кто передал его в руки Сталину. Что же, рыбак рыбака видит издалека.

Завершая комментарий к «Преторианцам», напоследок выскажу свое отношение к выбору персонажей.

Строго говоря, слово «выбор» здесь не подходит: автор не выбирал одних в ущерб другим, все предопределил ход реальных событий и рамки конкретного периода истории страны. В том отрезке времени в охранной «гвардии» действовали грузин Рухадзе, армянин Саркисов, русский Рюмин, белорус Власик, еврей Хазан и многие другие. Режим личной власти нуждался в преторианцах и не испытывал недостатка в добровольцах различной национальности.

Были ли они националистами или шовинистами? Обилие в повести грузинских фамилий, рюминская версия международного «заговора» и некоторые из прочих «разоблачений» могут вызвать и такой вопрос, тем более у людей, помнящих депортации целых народов.

Следственные и судебные материалы не дают серьезных оснований для утвердительного ответа. Даже антисемитское содержание последней разработки Рюмина не берусь приписать его личному национальному сознанию. Какое там сознание или неожиданное прозрение, когда сам-то он лучше других знал вымышленность заговора и действий «заговорщиков»! Нет, во многих ситуациях преторианцы демонстрировали официальный интернационализм и клановую солидарность.

Не возникает и ореола борцов за суверенную Грузию вокруг имен Барамии, Рапавы и их «сподвижников». И мегрельский национализм, и борьбу за отделение Грузии от СССР подсказал следователям пронизательный вождь народов для маскировки заурядной интриги против Берии, «подсовывавшего» ему своих людей. Из собствен-

ного опыта Сталин хорошо понимал значение опоры на личные кадры и в целом не осуждал перетаскивание подручными их привычного прежнего окружения к новым местам службы. Такая нормальная для жестко административной системы практика особо развилась в 60—70-е годы и не исчезла в наши дни. Просто в последние два десятка лет сложилась терпимость к наличию собственной свиты, то бишь «команды», у каждого лидера, тогда как Сталин не признавал теорию пирамиды вождей и допускал существование единственного живого Вождя — самого себя. Забывшего об этом ждала кара, круто менявшая и судьбы людей из их окружения. В общем, из тех, кто находился в поле зрения, комплектовались приближенные, и зачастую из них же — «враги народа». Потом всплески дворцовых интриг расходились волнами шельмования и массовых репрессий совсем непричастных к ним граждан.

ЖУПЕЛ

Стоило ли глотать архивную пыль и тратить время на изучение сотен томов старых уголовных дел ради воссоздания череды событий чуть ли не полувековой давности? И вообще, что нам до судеб каких-то генералов и полковников госбезопасности, чьи невесты где захороненные трупы давным-давно смешались с землей?

Вопросы эти отнюдь не праздные. Дело в том, что знакомство с преторианцами полезно для постижения структурных основ казарменного социализма, для выявления взаимосвязей его конструктивных элементов, их «прочностных» характеристик.

Официальная пропаганда неизменно препод-

носила нам ежовщину и бериевщину как персонифицированное олицетворение зла и, главное, как искривление линии партии, как подлую дискредитацию политической системы социализма. Отсюда и уничижительные эпитеты — «предатели интересов народа», «вурдалаки», «изуверы», «душегубы» и пр., что мы охотно повторяли и к чему издавна привыкли. Да и могло ли быть иначе, коль скоро в нашем сознании эти лица ассоциировались со всякого рода «тройками», «особыми совещаниями» и другими методами внесудебных расправ?

Вдумаемся, насколько это верно, и в поисках ответа обратимся к истории.

Еще 5 сентября 1918 года постановлением Совета Народных Комиссаров «О красном терроре» Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) предоставлялось право заключать классовых врагов в концлагеря и устанавливалось, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам.

Постановлением VI Чрезвычайного съезда Советов от 6 ноября 1918 года органам ВЧК было предоставлено право брать заложников и содержать их под стражей.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 28 марта 1924 года было подтверждено Положение о правах ОГПУ, где предусматривалось образование Особого совещания для рассмотрения дел в отношении социально опасных лиц.

Циркуляром ОГПУ от 29 октября 1929 года в центре и в республиках были созданы «тройки», а по приказу НКВД СССР от 27 мая 1935 года такие же «тройки» возникли в краях и областях.

Таким образом, внесудебные карательные ор-

ганы существовали и до появления «изуверов» и «вурдалаков» на Лубянке и изначально задумывались как эдакие, что ли, конвейерного типа устройства для массовых репрессий. А что заочное, в основе своей нецивилизованное судилище обрекало на муки и на гибель великое множество ни в чем не повинных людей — это никого не тревожило ни в Кремле, ни в его ближних и дальних филиалах. Посудите сами, мог ли тот же Рапава, председательствовавший в «тройке», обеспечить хоть какое-то подобие справедливости, если на каждое заседание выносили в среднем сотню дел, а члены «тройки», в глаза не видя арестованных, соглашались с мерой наказания, заранее предложенной работниками следствия? Спора нет, Рапава не заслуживает доброго слова, но кто назовет нам другого председателя «тройки», который проявил себя с лучшей стороны? Положительных примеров не могло быть, это противоречило бы замыслу конструкторов репрессивного механизма.

Что из этого следует? И сам Берия, и другие преторианцы являлись властными функционерами, вполне отвечавшими духу времени и потребностям тоталитарного режима. При жизни их эффективно использовали по прямому назначению, а после уничтожения не без выгоды утилизировали как жупел, чтобы отвести гнев народа от социализма вообще и от Сталина в частности.

Мало кто знает, что в некоторых своих проявлениях Берия был вовсе не таким, как его трактуют последние сорок лет. После смерти Сталина он, например, выступил за отмену паспортных ограничений в стране, в том числе в Москве и в Ленинграде. При обсуждении бюджета на 1953 год Берия настаивал на отказе от выпуска госу-

дарственного займа. Он же предлагал сократить темпы индустриализации ГДР, распустить там колхозы и оказать экономическую поддержку индивидуальным хозяйствам, кустарям и мелким предпринимателям. «До сих пор мы вели линию на объединение Германии только на словах, — объяснял Берия Ордынцеву и Шарии. — Ведь мы в Восточной Германии строили социализм, насаждали колхозы. Как же мы могли бы создать объединенную Германию из капиталистической Западной Германии и социалистической Восточной? Нужно делать Германию буржуазно-демократической республикой. Не нужно строить социализм в ГДР, не нужно насаждать колхозы, от которых крестьяне бегут на Запад...» Берия первым выступил против культа личности Сталина. Незадолго до ареста он ставил вопрос о написании правдивой книги о войне, так как, по его словам, «неправильно приписывать все успехи одному человеку — вождю», звонил в Генштаб и просил выделить двух военных историков. В то же время не кто иной, как Берия, — цитирую документ из его уголовного дела — «высказывал капитулянтские планы возвращения Японии спорных островов Курильской гряды, если это будет способствовать улучшению взаимоотношений между двумя странами». Наконец, прямо говорил о том, что у нас не должно быть двух властей: партийной и советской. Власть, считал он, должна быть сосредоточена в Совминах Союза и республик, а на местах — в облисполкомах.

Надеюсь быть правильно понятым — я вовсе не обеляю Берию, а лишь подчеркиваю, что между ним, с одной стороны, и Маленковым и Хрущевым, с другой стороны, налицо не качественная, а только количественная разница. Все бли-

жайшие соратники Сталина причастны к репрессиям тридцатых, сороковых и начала пятидесятих годов — это установленный факт. И все они, каждый в меру своего понимания, так или иначе пытались очеловечить казарменный социализм, придать ему кое-какие привлекательные черты. Между ними нельзя ставить знак равенства, кто-то был чуть лучше, чуть хуже, но все они — одного поля ягода. Поэтому крах Берии — не закономерность, обусловленная здоровыми началами социализма, а результат конкурентной борьбы, где увенчанные лаврами победители всегда выглядят спасителями Отечества, а побежденные — исчадием ада. Так повели себя Хрущев с Маленковым, чьи злодеяния все еще не стали достоянием гласности только потому, что их до сих пор не исследовали.

Комментируя приговор по делу Берии с позиции юриста, А. Катусев не рассматривал сугубо политических обвинений, в частности, обвинения в намерении поставить органы госбезопасности над партией и правительством. На мой взгляд, оно заслуживает пристального внимания. Размышляя об этом, А. Авторханов в книге «Загадка смерти Сталина» верно заметил, что Берии незачем было это делать: органы давно уже занимали данную позицию.

Действительно, казарменный социализм изнутри представлял собой жесткий арматурный каркас, в узлах которого, неусыпно надзираая над всеми, в том числе и за партаппаратчиками, гнездились сотрудники ЧК, единственной из властных структур, чьи действия никем, кроме Сталина, не контролировались. Зато чекистов время от времени выжигали паяльной лампой и тут же взамен старых ставили новых, чтобы по прошествии пя-

ти, десяти или пятнадцати лет — это уж кому как повезет — вновь подвергнуть распылению. Примечательно, что каждый последующий отряд блюстителей государственной безопасности считал казнь предшественников правым делом, не усматривая опасной для себя тенденции. И если первый слой уничтоженных частично состоял из людей идейных, то им на смену пачками приходили преторианцы, исповедовавшие все что угодно, кроме так называемых светлых идеалов.

Для подтверждения приведу фрагмент из показаний полковника госбезопасности Савицкого:

«Однажды в Германии Б. Кобулов в присутствии моей жены и адъютанта Микитенко сказал, что в наследственности народ делится на «избранных», которые, как и их потомство, должны руководить и занимать ведущее положение в обществе, и «неизбранных», которые должны только работать. На мои возражения Колубов заявил: „Не болтай, ты ничего не понимаешь!“».

Что ж, мысль эта не новая, но по-своему весьма содержательная, особенно если учесть, что высказал ее не рядовой преторианец, а генерал-полковник, первый заместитель министра, кандидат в члены ЦК КПСС. Тем не менее преторианцы исправно несли службу, благодаря чему сталинский социализм отличался завидной прочностью.

Будучи ярким приверженцем метода проб и ошибок, Хрущев в угаре реформаторства расшатал устои некогда надежной конструкции, вовсе не рассчитанной на гуманные сдвиги. Это при нем партаппарат был избавлен от бдительного ока госбезопасности и начал позорно разлагаться. Правда, Хрущев хотел ограничить срок пребывания каждого «выборного» функционера (кроме

высших руководителей партии) на одном посту четырем годами, но из благой затеи ничего не вышло — корпоративный интерес оказался выше государственного. Что же касается народа, вернее сказать, населения, то его мнения, как всегда, не спрашивали. Хотя при Хрущеве люди заметно изменились: страх у них поумерился, а аппетит возрос — ликвидация железного занавеса позволила узреть «язвы» капитализма в ином свете, и в сознании наших сограждан государственная собственность из общенародного достояния мало-помалу превратилась в бесхозное имущество, которым грех не попользоваться.

При Брежневе помпезное здание социализма просело и обветшало, что, впрочем, мало кого тревожило — под звуки фанфар и барабанов верхи золотили купола и подновляли фасад, ни на миг не забывая о своем личном интересе, а низы принимали повышенные социалистические обязательства и встречные планы, дружно делали вид, что продуктивно трудятся, и втихомолку растаскивали все, что плохо лежит.

Исполненный добрых намерений, Горбачев задумал перестроить то, что подлежало сносу. Но как только от разговоров перешли к делу, каркас затрещал, с потолков посыпалась штукатурка, двери перекошились, в окнах полопались стекла, засорилась канализация, зато разгорелись парламентские дебаты — с чего начинать: с крыши или фундамента? И вообще — больше надо социализма или меньше? Мнения разделились, а тем временем люди хваткие, коммерческие, равнодушные к политике, вышли, как теперь говорят, из экологических ниш и среди бела дня принялись спорить переводить рубли из безналичных в наличные, меньше всего задумываясь о том, к какой

экономике они принадлежат — к теневой или к обыкновенной. Не отставали от них маститые государственные деятели — пока шли споры о допустимости собственности частной и о приватизации государственной, они, не мудрствуя лукаво, за бесценок скупали роскошные дачи вместе с мебелью, люстрами, коврами, холодильниками и т. д. Обозначился недостаток денежных знаков в обороте, и правительство лошло по линии наименьшего сопротивления — запустило печатный станок в три смены.

Вот тогда обнаружилась обывательская тоска по сильной руке — пусть Усатый Батяка кое в чем перебарщивал, зазря, бывало, пускал народную кровушку, зато при нем был порядок, была колбаса, цены снижались, и каждый трудящийся мог свободно купить бутылку за два восемьдесят семь!

В зависимости от культурного уровня сторонников «социалистического выбора» их аргументация в пользу сохранения прежнего фундамента общества может быть и более серьезной, однако ее существо практически не меняется — и зачем нам какая-то демократия вкупе с рыночной экономикой, ежели она не обеспечивает всеобщего равенства?! А что всеобщее равенство в нищете — не Бог весть какое завоевание и что так называемый социализм не имеет даже теоретических контуров, об этом предпочитают умалчивать: зачем отпугивать простаков с короткой памятью?

Что такое социализм — не берусь толковать, насаждавшееся у нас бесчеловечное, безнравственное устройство нуждается в каком-то другом названии, которое еще не найдено. Пусть его ищут политики, а мне, очевидцу и в то же время исследователю трагических событий прошлого,

представляется, что реанимировать покойника и недостойно, и бессмысленно.

Если же все-таки сбудутся чаяния откровенных сталинистов, во что я, признаться, не верю, но чего, увы, полностью не исключаю, то ждите появления преторианцев и возрождения ГУЛАГа — одно без другого не бывает. Сколько-то лет проживем в крошечной тьме, зато с колбасой и водкой, затем все окончательно рухнет, но прежде, минут эдак за пять до катастрофы, нас снова примутся уверять, будто отечественный социализм — это прекрасный и самый что ни на есть человеколюбивый общественный строй, одна только беда — к власти каким-то образом пробрались не те люди, которые — на тебе! — опять дискредитировали бессмертную идею.

Когда некоторые из нас многословно твердят о необходимости партийного покаяния, у меня это вызывает грустную улыбку. Зачем каяться и посыпать головы пеплом? Не проще ли пустить в ход очередной жупел?

ДЕЛО КАПИТАНА СОЛЖЕНИЦЫНА

Факты и комментарии

ПОСТАНОВЛЕНИЕ НА АРЕСТ

По-моему, есть смысл привести этот документ без существенных сокращений — он не столь уж велик и точно передаст читателям как суть дела, так и дух времени.

«Гор. Москва, 30 января 1945 года.

Я, ст. оперуполномоченный 4 отдела 2 Управления НКГБ СССР, капитан Госбезопасности ЛИБИН, рассмотрев поступившие в НКГБ СССР материалы о преступной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, урож. гор. Кисловодска, русского, беспартийного, с высшим педагогическим образованием, находящегося в настоящее время в Красной Армии, в звании капитана,

НАШЕЛ:

Имеющимися в НКГБ СССР материалами установлено, что СОЛЖЕНИЦЫН создал антисоветскую молодежную группу и в настоящее время проводит работу по сколачиванию антисоветской организации.

В переписке со своими единомышленниками СОЛЖЕНИЦЫН критикует политику партии с троцкистско-бухаринских позиций, постоянно

повторяет троцкистскую клевету в отношении руководителя партии тов. СТАЛИНА.

Так, в одном из писем к своему единомышленнику ВИТКЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫН 30 мая 1944 года писал:

«...Тщательно и глубоко сопоставив цитаты, продумав и покурив, выяснил, что (СТАЛИН) понятия не имеет о лозунгах по крестьянскому вопросу и (нецензурно) мозги себе и другим. В октябре 17 года мы опирались на все кр-во, а он утверждает, что на беднейшее...»

В письме к ВИТКЕВИЧУ от 15/VIII — 44 г. СОЛЖЕНИЦЫН указывает:

«...3) В отношении теоретической ценности (СТАЛИНА) — ты абсолютно прав. Больше того, (он) очень часто грубо ошибается в теории, и я наглядно мог бы продемонстрировать тебе это при встрече на примере трех лозунгов по крестьянскому вопросу (одному из кардинальнейших вопросов Октябрьской р-ции)».

В письме к своей жене РЕШЕТОВСКОЙ, в ответ на ее сообщение о результатах экзаменов, которые она сдавала в аспирантуру, СОЛЖЕНИЦЫН 14/X — 44 г. писал:

«...А что ты не ответила на вопрос о трех сторонах диктатуры пролетариата, не унывай, ибо это уже не ленинизм, а позже — понимаешь? И ничего общего с серьезной теорией не имеет. Просто кое-кто, не понимая всей глубины бесконечности, любит примитивно считать на пальцах».

По этому же поводу СОЛЖЕНИЦЫН пишет ВИТКЕВИЧУ:

«...Я указал ей (жене), что всякие учения о трех сторонах, пяти особенностях, шести условиях никогда даже не лежали рядом с лени-

низмом, а выражают чью-то манеру считать по пальцам».

В письме тому же адресату СОЛЖЕНИЦЫН 15 августа 1944 года указывал о необходимости после войны обосноваться в Ленинграде, мотивируя это следующим:

«...Москва тоже не нужна, а нужен Ленинград, не свободный город торгашей, а пролетарский и интеллигентный умный город... К тому же по традициям (подумай!) чужд (СТАЛИНУ)...» Будучи на фронте, СОЛЖЕНИЦЫН в письмах советует единомышленникам *избегать боев*, беречь «силы» для активной борьбы после войны.

В письме к ВИТКЕВИЧУ от 25 декабря 1944 года он пишет:

«...Письмо и злоба твоя отозвались во мне очень громко... Я всегда стараюсь избегать боя — главным образом потому, что надо беречь силы, не растрачивать резервов — и не тебя мне пропагандировать в этом...»

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 146 и 158 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича подвергнуть обыску и аресту с этапированием в Москву для ведения следствия...»

Кроме Либина, постановление подписал его начальник, подполковник Свердлов, в левом верхнем углу поставил размашистый утверждающий росчерк заместитель наркома, комиссар госбезопасности 2-го ранга Кобулов, а днем позже арест капитана Солженицына санкционировал заместитель Генерального прокурора СССР Вавилов.

БАНКА С ПАУКАМИ

Думаю, что читателям небезынтересно будет поподробнее узнать, как сложилась дальнейшая судьба должностных лиц, приложивших руку к этому документу.

Богдан Захарьевич Кобулов, впоследствии генерал-полковник, заместитель министра внутренних дел СССР и ближайший соратник Л. П. Берии, в конце 1953 года был расстрелян вместе со своим шефом.

Афанасию Петровичу Вавилову повезло больше — на основании постановления Совета Министров СССР от 6 августа 1955 года, подписанного Н. С. Хрущевым, он был лишен воинского звания «генерал-лейтенант юстиции» и разжалован в рядовые, т. е., выражаясь на старинный манер, уволен без мундира и пенсии. Впрочем, позднее нашлись ходатаи, сочувствовавшие опальному прокурору, и Л. И. Брежнев, проявив монаршую милость, велел установить Вавилову полковничью пенсию.

Причиной его бед и позора послужил один весьма поучительный факт — в 1950 году Вавилов, не читая, утвердил обвинительное заключение по так называемому «ленинградскому делу» Вознесенского, Кузнецова, Попкова и других. Правда, произошло это при необычных обстоятельствах: его вызвали в Сочи, на дачу Сталина, и не пустили на территорию — к проходной подошел Власик, начальник охраны Вождя народов, протянул Вавилову папку, дал карандаш и буркнул: «На, подписывай». — «Мне бы почитать, ознакомиться», — робко попросил Вавилов. «Ты что, товарищу Сталину не веришь?!» Вавилов со-

образил, что промедление смерти подобно, вздохнул и подписал.

Напоследок расскажу про Андрея Яковлевича Свердлова, сына Якова Михайловича, первого президента страны Советов. Свердлов-младший, надо полагать, лучше других разбирался в антисоветизме вообще и в троцкизме в частности. Хотите верьте, хотите — нет, но на сей счет есть любопытнейшие записи в его деле: «...в 1927 году (тогда ему было шестнадцать лет. — К. С.) сочувствовал троцкистам и выступал в их защиту на занятиях политкружка... В 1930 году встречался с Беловым... на квартире Слепкова был Бухарин, который допустил резкий выпад против Генерального Секретаря ЦК ВКП(б), носивший террористический характер...»

Андрей Свердлов дважды — в 1935 и 1937 годах — арестовывался органами НКВД за антисоветские высказывания в кругу молодежи, что не помешало ему в дальнейшем служить в центральном аппарате НКГБ и МГБ СССР. Однако закончилась его служба драматически — осенью 1951 года (в документе написано — «октября 19 дня») другой офицер госбезопасности, майор Гришаев (впоследствии профессор Всесоюзного юридического заочного института, ныне — на заслуженном отдыхе), вынес постановление об аресте полковника А. Я. Свердлова, поскольку тот — цитирую — «...вынашивал антисоветские убеждения, находился в преступной связи с особо опасными преступниками и как их сообщник проводил подрывную деятельность, направленную против ВКП(б) и Советского государства».

Согласовал это прямо-таки убойное постановление небезызвестный полковник Рюмин, кото-

рый, скажем так, своим умом дошел до раскрытия никогда не существовавшего заговора еврейских буржуазных националистов в МГБ, положил начало нашумевшему делу евреев-врачей и два года спустя как фальсификатор был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

На следствии, продолжавшемся девятнадцать месяцев, Свердлов отрицал свое участие в какой-либо вражеской работе, но признал на допросах, что «в его присутствии отдельные лица — Иткин, Матусов, Л и б и н (подчеркнуто мною. — К. С.)... допускали националистические высказывания о том, что лиц еврейской национальности увольняют из МГБ и других советских учреждений, что лучше быть негром-батраком в США, чем евреем в СССР...»

Тем не менее в обвинительном заключении по делу Свердлова черным по белому написали следующее:

«...совместно со своими единомышленниками занимался вредительством в чекистских органах... тайно хранил вражескую литературу, взрывчатые и ядовитые вещества, снаряды и в значительном количестве огнестрельное оружие... Полностью признал себя виноватым по ст. ст. 58—10 и 182 ч. 1 УК РСФСР...»

Однако под суд Свердлов не попал — умер Сталин, рожденный фантазией Рюмина еврейский заговор рассыпался, как карточный домик, и 18 мая 1953 года Л. П. Берия утвердил подготовленное полковником А. Г. Хватом и согласованное генералами Б. З. Кобуловым и Л. Е. Влодзимирским (расстрелян в конце 1953 года вместе с Берией и Кобуловым) постановление, где гово-

рилось, что «выдвинутое против Свердлова обвинение не подтвердилось, в связи с чем следствие по делу обвиняемого Свердлова производством прекратить, а его реабилитировать и из-под стражи освободить...».

Что же касается капитана госбезопасности Либина, то мне не удалось обнаружить следов его привлечения к уголовной ответственности. Однако тот факт, что его фамилия фигурировала в протоколах допросов Свердлова, дает основания предполагать, что ему тоже довелось хлебнуть лиха.

Рассказал я об этом вовсе не для того, чтобы ввести в строго документальное повествование некий мистический дух — мол, смотрите: все, кто причастен к аресту писателя Солженицына, плохо кончили. Нет, просто этот экскурс в прошлое наглядно показывает, что тогда в органах госбезопасности, равно как и в высших сферах государства, безраздельно царили самоедские принципы: одни пожирали, говоря словами Бальзака, мелкую человечину, вроде никому в ту пору не известного артиллерийского капитана Солженицына, ими самими питались крупные хищники с генеральскими звездами на погонах, тех, в свою очередь, с аппетитом съедали приближенные Сталина, а он сам в тиши бессонных ночей мысленно выстраивал своих ближайших соратников в очередь на заклание и, посмеиваясь в усы, отправлял их в преисподнюю. Вот, собственно и все.

УПРОЩЕННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Одного мощного толчка оказалось вполне достаточно — дальше все пошло-поехало по нака-

танной колее: тот же капитан Либин тем же числом вынес постановление об избрании Солженицыну (адрес — полевая почта № 07900 «Ф») меры пресечения в виде содержания под стражей и, коль скоро речь шла о фронтовике, передал документы для исполнения в Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата Обороны СССР. Оттуда последовало телеграфное распоряжение от 2 февраля 1945 года № 4146 за подписью генерал-лейтенанта Бабича о немедленном аресте командира батареи звукоразведки 68 артбригады капитана Солженицына А. И. и доставлении последнего в Москву. Арест был произведен 9 февраля, однако оформление бумаг на 2-ом Белорусском фронте несколько задержалось — они датированы 14 февраля. Еще одна любопытная подробность — при обыске у Солженицына были изъяты портреты Троцкого и царя Николая II.

В Москве делом Солженицына занимался следователь Езепов, аккуратно заполнявший бесцветные протоколы допросов. Почему бесцветные? Судите сами — я приведу один из них, заключительный, где кое-какие сокращения сделаны лишь затем, чтобы избежать повторов уже известной информации:

«1945 года мая 28 дня Военный прокурор ГВП КА подполковник юстиции КОТОВ и помощник начальника 3 отделения XI отдела 2 Управления НКГБ СССР капитан государственной безопасности ЕЗЕПОВ допросили в качестве обвиняемого СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича.

В о п р о с: Все ли Вы рассказали следствию о преступлениях своих и известных Вам лиц?

Ответ: О преступлениях своих и известных мне лиц я рассказал следствию все правильно и свои показания подтверждаю и сейчас.

Вопрос: В предъявленном Вам обвинении виновным себя признаете?

Ответ: Да, в предъявленном мне обвинении виновным себя признаю.

Вопрос: В чем именно?

Ответ: В том, что начиная с 1940 года при встречах и переписке с другом детства, ВИТКЕ-ВИЧЕМ Николаем Дмитриевичем мы клеветали на вождя партии, отрицая его заслуги в области теории, утверждая, что в отдельных вопросах он якобы не имеет Ленинской глубины... мы клеветали на ряд мероприятий внутренней политики Советского правительства, утверждая, что якобы не были полностью готовы к войне 1941 года. В этих же беседах мы клеветнически утверждали, что в Советском Союзе отсутствует свобода слова и печати и что ее не будет и по окончании войны. В связи с этим мы пришли к выводам о необходимости в будущем создания антисоветской организации и эти свои намерения мы записали в так называемой резолюции № 1. Мы считали, что создание антисоветской организации непосильно нам двоим и предполагали, что у нас могут найтись единомышленники в столичных литературных и студенческих кругах.

Вопрос: Что практически Вами сделано по вопросу создания антисоветской организации?

Ответ: Конкретных предложений о вступлении в антисоветскую организацию я никому не делал...

Вопрос: Хотите ли Вы дополнить свои показания?

Ответ: Дополнить свои показания мне не чем.

Вопрос: Какие заявления и ходатайства имеете к прокурору?

Ответ: Заявлений и ходатайств к прокурору я не имею...»

Стало быть, Солженицын во всем признался. Как это произошло — сразу? Нет. На первом допросе 20 февраля он заявил, что антисоветской деятельностью не занимался (лист дела 20). Что же вынудило Солженицына изменить первоначальные показания?

Сам А. И. Солженицын отмечал в книге «Архипелаг ГУЛАГ»: «Мой следователь ничего не применял ко мне, кроме бессонницы, лжи и запугивания — методов совершенно законных». Написаны эти слова, без сомнения, с изрядной долей горькой иронии, поэтому понимать их надо отнюдь не буквально. Но, с другой стороны, достаточно ли подобного психо-физического воздействия, чтобы за каких-то десять дней (первое признание Солженицына датировано 3 марта — лист дела 31) сломить волю подследственного, вчерашнего фронтовика, не раз лицом к лицу сталкивавшегося со смертельной опасностью, и склонить его к признанию? Думаю, что все обстояло сложнее — Солженицын, судя по всему, быстро ощутил бесперспективность борьбы, ибо противостоял не следователю Езепову, а молоху бездушной государственной машины, которую тот олицетворял в меру своих способностей. Кроме того, письма и дневники вкупе с актом судебно-графической экспертизы служили доказательствами

ми по делу, а в дневниках встречались записи покруче тех, что возмутили капитана Либина, — там, в частности, содержалось утверждение, что наше государство — подумать только! — «приняло в основу буржуазные, а еще чаще феодальные способы правления» (лист дела 84). Присущий каждому инстинкт самосохранения диктует гибкую тактику — в поистине безвыходных условиях предпочтительнее не отрицать, а соглашаться. Вспомним «Один день Ивана Денисовича»: «Расчет был у Шухова простой: не подпишешь — бушлат деревянный, подпишешь — хоть поживешь малость».

Но, как мне кажется, и это еще не все. Успешнее других сопротивляются следствию тугодумы, люди необразованные, неконтактные, тяготеющие к лаконичным, уклончивым ответам типа «нет»; «откуда мне знать?», «не был», «не видел», «не помню» и т. п. Вовлечь такого подследственного в разговор — задача чрезвычайной сложности, посильная лишь мастерам своего дела. А если перед следователем сидит интеллигент, то, как правило, разговорить его проще простого. Интеллигент сам подсознательно стремится к ясности, к определенности и легко «садится на крючок» в том случае, когда мало-мальски опытный следователь откажется от лобового напора и прибегнет, скажем так, к игре мягкой лапкой. 26 февраля в ответ на вопрос Езепова, с какой целью Солженицын хранил портрет Троцкого, Александр Исаевич заявил: «Мне казалось, что Троцкий идет по пути ленинизма» (лист дела 21). А это, по тогдашним представлениям, означало, что обвиняемый дерзко противопоставил Сталина Ленину и тем самым — не пытайтесь оспаривать! — до-

катился до оголтелого антисоветизма. Отсюда до полного признания вины, согласитесь, один шаг.

Полностью приводить весь текст обвинительного заключения нет резона — там не содержится ничего нового. Прочитую лишь начало и конец:

«...В НКГБ СССР через Военную Цензуру поступили материалы о том, что командир батареи звукоразведки Второго Белорусского Фронта — капитан СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич в своей переписке призывает знакомых к антисоветской работе...

...Виновным себя признал. Изобличается вещественными доказательствами (письма антисоветского содержания, т. н. резолюция № 1).

Считая следствие по делу законченным, а добытые данные достаточными для предания обвиняемого суду, руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР и приказом НКВД СССР № 001613 от 21.XI.1944 года — следственное дело № 7629 по обвинению СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича направить на рассмотрение Особого Сопещения при НКВД СССР, предложив меру наказания 8 лет ИТЛ.

Обвинительное заключение составлено 6 июня 1945 года, в городе Москве...»

Вместе с капитаном Езеповым этот документ подписали его начальники — полковник Иткин (припоминаете показания А. Я. Свердлова о высказываниях его коллег по МГБ СССР?) и подполковник Рублев, а двумя днями позже его утвердил комиссар государственной безопасности 3 ранга Федотов.

Итак, теперь нам известно, что компматери-

алы на капитана Солженицына поступили в Москву только из Военной Цензуры (по сей день кто-то распространяет слухи, будто его чуть ли не в течение года разрабатывала контрразведка «Смерш») и что следствие фактически предопределило меру наказания.

Несколько слов о восьми годах исправительно-трудовых лагерей. Много это или мало по меркам тех лет? Вскользь замечу, что за антисоветскую агитацию в военное время могли приговорить и к расстрелу, это оговорено в законе. А уж дать срок на всю катушку было бы в порядке вещей. Вот что написал сам Александр Исаевич о сроках наказания в книге «Архипелаг ГУЛАГ»: «За что дали?» (спросил конвоир у заключенного, которому отверстали двадцать пять лет по статье 58-1«а» (за измену Родине. — К. С.) — «Да ни за что». — «Врешь. Ни за что — десять дают!» В этом контексте восемь лет — меньше меньшего, если хотите, едва ли не мера поощрения. Чем это объяснить? Причин, на мой взгляд, две: во-первых, только что отпраздновали победу над Германией и, быть может, временно подобрали и, во-вторых, следовательно Езепов оказался хозяином своего слова — в обмен на чистосердечное признание он обещал Солженицыну снисхождение и не обманул.

7 июля 1945 года за совершение преступлений, предусмотренных ст. 58 — 10, ч. 11 и 58 — 11 УК РСФСР, Особое Совещание при НКВД СССР заочно осудило Солженицына Александра Исаевича к 8 (восемью) годам ИТЛ.

ОБ СТЕНУ ГОРОХ

О жалобах политзаключенных тридцатых, сороковых и начала пятидесятых годов написано столько, что едва ли возможно что-либо добавить по существу. Хотелось бы, однако, подчеркнуть вот что — в душах тех, кто упорно не желал смириться с вопиющей несправедливостью, жила непоколебимая уверенность, что дорогой товарищ Сталин не знает и даже представить себе не может всего ужаса, что все противоправное творят за его спиной, тогда как добрый и мудрый Отец народов и верный продолжатель бессмертного дела Ленина, будь он в курсе событий, никогда бы не допустил произвола. Подобный взгляд на вещи позволял, вопреки доводам разума, сохранять веру в светлые идеалы, облегчая страдания, помогая выстоять в нечеловеческих условиях ГУЛАГа.

У А. И. Солженицына веры в из ряда вон выходящую исключительность Сталина и уж подавно в его мессианское предназначение не было, поэтому и жаловаться ему было некуда. Но разве мыслимо напрочь отказаться от борьбы и таким образом похоронить пусть даже эфемерную надежду на досрочное освобождение? И по прошествии двух лет заключения он из «Матросской тишины» пишет «гражданину Генеральному прокурору Союза СССР»:

«...Известно, что всякое к/р (контрреволюционное. — К. С.) преступление, в том числе для состава ст. 58 п. 10, требует наличия к/р умысла...

...Я родился в 1913 г., воспитан в Советской школе, пионерском отряде, Ленинском комсомоле. Советская власть дала мне возможность полу-

чить высшее физико-математическое образование и даже Сталинскую стипендию (см. справку).

В 1941 г. я пошел на Отечественную войну таким, каким был воспитан в детстве — отдать всю свою жизнь, но защитить Советскую власть, нашу Советскую Родину.

Я начал войну рядовым, а окончил ее капитаном и дважды орденосцем. Два года на фронте я был командиром батареи звуковой разведки. В прорывах под Орлом, Гомелем, Рогачовым и на реке Нарев, на участках фронта в 7 км я со своей батареей обеспечивал полное выявление всех артиллерийских и минометных батарей противника, подавленных при артподготовке по моим координатам. Моей батареей при моем руководстве и моем личном участии обнаружено на закрытых позициях 1200 артиллерийских и минометных батарей противника. Из них по моим координатам и с моей корректировкой подавлено 180 и уничтожено полностью 65 батарей...

Как свидетельствует моя боевая характеристика Командования, за неделю до моего ареста по настоящему делу в ночь с 26 на 27 января 1945 г. в Восточной Пруссии при контратаке немцев моя батарея попала в окружение. Гибель ценной секретной техники и личного состава казалась неминуемой. Я же, действуя в исключительно трудных условиях, вывел личный состав из окружения и технику спас...

Невозможно представить, чтобы человек с к/р настроениями, с к/р умыслом, а следовательно враг Советской власти, до дня своего ареста (9 февраля 1945 г.) так полно и беспредельно отдавал свою жизнь для того, чтобы отстоять Советскую власть и все ее завоевания.

Сложность моего дела заключается в том, что я в переписке с Виткевичем и при встречах с ним допускал неправильное толкование по отдельным теоретическим вопросам... Однако во всем этом не было к/р умысла, а действовал я, опьяненный самомнением молодости, увлеченный диалектическим материализмом, и, переоценивая свои способности, пытался поскорее иметь свои собственные «оригинальные» суждения и впал в горькое и тяжелое заблуждение...

Но если допустить, что меня в какой-то мере можно считать виновным по ст. 58 п. 10, если все мои ошибки считать преступлением по ст. 58 п. 10, то обвинение по пункту 11 ст. 58 УК исключается совершенно...»

Словом, это была попытка оспаривать постановление Особого Совещания с позиции логики и норм права, что в те времена было заведомо обречено на неудачу. Так и случилось — жалоба Солженицына путешествовала по инстанциям примерно два месяца, после чего ему был направлен ответ трафаретного содержания:

*«Начальнику ОЛП МВД
Москва, Матросская тишина, 18 с. т.*

Прошу объявить з/к лагучастка № 121 СОЛЖЕНИЦЫНУ Александру Исаевичу, 1918 г. рождения, что его дело прокуратурой проверено.

Жалоба СОЛЖЕНИЦЫНА о пересмотре решения по его делу оставлена без удовлетворения.

*Военный прокурор ВП войск МВД СССР
полковник юстиции
Кузьмин.*

23 августа 1947

№ 2/257395—47».

Без сомнения, найдутся люди, склонные и сегодня упрекнуть Солженицына в двуличии, в лживости и в прочих смертных грехах. Еще бы, в только что процитированном заявлении он, видите ли, уверял, что готов был отдать жизнь за социализм, построенный в одной отдельно взятой стране, а сколько едких, как щелочь, мыслей впоследствии написано о пороках того же социализма?

Поверьте, я не собираюсь ни защищать, ни обвинять Солженицына, что, впрочем, не мешает мне высказать кое-какие общие соображения об отношении личности к тоталитарной власти.

Во-первых, взгляды всякого человека с годами претерпевают качественные изменения, и если ты, допустим, десять лет назад думал и говорил одно, а теперь — совсем другое, даже вплоть до диаметрально противоположного, это вовсе не означает, что ты лжец, двурушник и т. п. Соль — в жизненном опыте, в накопленной сумме знаний, в объеме информации, подлежащей осмыслению, в субъективной, у всех у нас разной способности когда-то отрешаться от любых догм, с детских лет заложенных в нас как аксиомы, как истины в последней инстанции. Разве только Солженицын сначала верил в догмы, а потом разуверился в них до стадии полного отрицания? Во-вторых, вправе ли мы ставить знак этического равенства между жалобой заключенного и гражданской позицией человека после насильственного перемещения за пределы Советского Союза? Или кто-то из ортодоксальных максималистов докажет нам, будто честный русский интеллигент органически не способен к вынужденному лукавству с властью предержажными, чье правление зиждется на страхе и лжи?

НА «СВОБОДЕ»

Прошло еще восемь лет, прежде чем А. И. Солженицын, теперь уже не заключенный, а, скажем так, третьесортный гражданин СССР, вновь официально обратился в Москву.

«Секретарю ЦК КПСС

*тов. Хрущеву Н. С.
адм-ссылного Солженицына
Александра Исаевича, 1918 г.
рождения, проживающего в
с. Берлик Коктерекского р-на
Джамбульской обл.*

Заявление

Все годы Отечественной войны я находился в Советской Армии, в том числе с конца 1942 г. по февраль 1945 г. непрерывно на передовой в составе 794-го ОАРАД (позже — 68 Севско-Речицкой ПАБр) в качестве командира артиллерийской батареи, в звании капитана. Награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды, в январе 1945 г. представлен к ордену Красного Знамени, но утверждению его помешал арест (9.2.45). В деле моем должны храниться мои боевые характеристики. Вообще в ходе следствия моя боевая деятельность никак не была опорочена или поставлена под сомнение.

Только на основании моей вздорной юношеской переписки с моим другом детства, извращенной, искаженной и раздутой до неузнаваемости в протоколах, вынужденных бессонницей и физическим изматыванием, как это практиковалось при ныне разоблаченном Абакумове, я без всякого суда

был подвергнут административному решению ОСО НКВД от 7.7.45 — заключению в ИТЛ на 8 лет.

Однако, и по отбытию срока и не будучи лишен гражданских прав, я не был освобожден, а на этот раз даже без чьего-либо специального решения, механически зачислен «вечно-ссылным», и в этом положении живу третий год.

В настоящее время я смертельно болен — у меня рак (метастаза семеномы в брюшинные лимфатические железы), официальное подтверждение можно запросить в Узбекском Республиканском онкологическом диспансере, в к-ром я уже 1,5 года нахожусь на лечении. Однако мое положение ссыльного делает для меня затруднительными (с длительной перепиской и процедурой) поездки на проверку и лечение, к тому же лечение должно быть систематическим.

Прошу Вас снять с меня ограничения в передвижении, а по возможности и прочие ограничения.

А. Солженицын».

К заявлению прилагались справка с места работы, копия трудовой книжки, три справки Республиканского онкологического диспансера УзССР с указанием диагноза, сроков пребывания в стационаре и вида проведенного лечения — глубокой рентгенотерапии, копия вузовского диплома с отличием, сведения о прохождении службы в Советской Армии и о наградах, а также две характеристики — «на преподавателя математики-физики в 8—10 классах Средней школы им. Кирова Коктерекского р-на Джамбульской области Казахской ССР», подписанная заведующим

РОНО Сейдалиевым, и «на ссыльно-поселенца», собственноручно составленная помощником коменданта спецкомендатуры № 254 лейтенантом Кусмагамбетовым.

Чем примечательны эти документы? Для А. И. Солженицына пишущая машинка тогда была недоступной роскошью, поэтому большая часть приложений написана им от руки. Надеюсь, что со временем эти листки дешевой бумаги, мелко исписанные фиолетовыми чернилами, займут достойное место в ЦГАЛИ. А о характеристиках чуть подробнее — там, в частности, говорится, что «...т. Солженицын сочетает глубокие знания предмета с педагогическим тактом и любовью к своей работе... преподавание ведет на политехнической основе, широко применяет наглядность... использует научные факты и явления для воспитания учащихся в духе коммунистического и атеистического мировоззрения... Хорошо зарекомендовал себя и в качестве классного руководителя и при организации учащихся для помощи колхозу в сельхозработках...» Если зав. РОНО в основном отмечал профессиональные качества характеризуемого, то лейтенант делал упор на специфические особенности поведения: «...живет одинокий, в составе семьи ни каго не имеет... установленный режим для ссыльно-поселенцев не нарушал, контрольную регистрацию проходит своевременно. В побеговых отношениях не замешан».

Я привел выдержки из текста вовсе не для того, чтобы читатели посмеялись над лейтенантом Кусмагамбетовым. В конце концов столичный следователь Езепов тоже показал себя не Бог весть каким грамотеем — вспомним хотя бы та-

кие его «перлы», как «Что практически Вами сделано по вопросу создания контрреволюционной организации?» и «Дополнить свои показания мне не чем». Главное в другом — не побоявшись положительно отозваться об абсолютно бесправном Солженицыне, лейтенант Кусмагамбетов делом показал, что у него есть честь и совесть.

И, наконец, последнее — в заявлении А. И. Солженицына содержится одна неточность, допущенная им, надо полагать, по незнанию. Я подразумеваю его слова о том, что после отбытия наказания он «без чьего-либо специального решения, механически зачислен вечно-ссылным». На самом деле документальным основанием для ссылки Солженицына явился наряд 9 Управления Министерства государственной безопасности СССР от 27 декабря 1952 года № 9/2 — 41731.

Тотальное беззаконие отнюдь не противоречило надлежащему ведению делопроизводства в карательных органах казарменного социализма. А что Солженицыну «забыли» сказать об этом — мелочь, эдакий, если хотите, пустяк. Мыслимое ли дело при таком огромном количестве врагов народа цацкаться с каждым из них в отдельности?

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Сотрудники Главной военной прокуратуры только-только приступили к рассмотрению заявления Солженицына, когда произошло чрезвычайное событие — состоялся XX съезд КПСС, впервые основательно тряхнувший Главного

Конструктора казарменного социализма. И Со-
лженицын немедленно пишет Н. С. Хрущеву:

*«...XX съезд КПСС и речи, произнесенные с его
трибуны руководителями ЦК, дают мне смелость
обратиться к Вам...*

*...Единственный протокол моего следствия, со-
ставленный без искажения истины и без угроз, был
первый. Он состоит из вопроса:*

*— Расскажите о вашей антисоветской дея-
тельности?*

И ответа:

— Я был и остаюсь предан делу Ленина.

*Объективное рассмотрение моих писем
и записей, приобщенных к делу, убеждает
в этом. Из них с несомненностью явствует, что,
воспитанный с детских лет в духе ленинизма,
я безоговорочно поддерживал политику нашей пар-
тии и Советского государства.*

*В преступление мне были зачтены содержащие-
ся в этих письмах высказывания (действительно,
резкие) против господствовавшего тогда куль-
та личности, против безмерного восхваления
одного человека в ущерб творческому духу марк-
сизма-ленинизма. Но культ личности ныне ре-
шительно осужден.*

*Я, действительно, тревожно переживал тог-
дашнее состояние наших экономической, истори-
ческой и литературоведческой наук, что пронизи-
вает мои письма и записи. Но ныне с трибуны XX
съезда товарищами Хрущевым, Микояном и други-
ми членами ЦК признано как раз неудов-
летворительное состояние этих на-
ук. Больше не было никаких объектив-
ных данных для моего осуждения...*

...17.9—55 г. объявлен Указ Верховного Совета

об амнистии, по которому я должен был бы быть освобожден хотя бы от ссылки со снятием судимости, — но даже и этот Указ не применен ко мне без всяких на то объяснений.

Я ПРОШУ:

- 1. Полной реабилитации.*
- 2. Возврата моих боевых орденов.*

24.2—56 г.

Солженицын А. И.»

В той же тональности были выдержаны письма Солженицына заместителю Председателя Совета Министров СССР Микояну, министру обороны маршалу Жукову и Генеральному прокурору СССР Руденко.

Надо сказать, что реабилитация Солженицына оказалась делом канительным. Причина ее годичной задержки была, по-видимому, не в одной лишь бюрократической волоките, а главным образом в том, что подобные жалобы и заявления в те дни писали многие десятки тысяч невинно пострадавших, тогда как не готовые к шквалу реабилитации органы прокуратуры и государственной безопасности в полном смысле слова изнемогали от перегрузки.

14 июня 1956 года помощник Главного военного прокурора полковник юстиции Прохоров обратился в КГБ с просьбой выполнить некоторые следственные действия, необходимые для принятия решения по жалобам Солженицына.

29 сентября заместитель председателя КГБ генерал-лейтенант (ныне — генерал армии)

П. И. Ивашутин утвердил подготовленное старшим следователем капитаном Орловым заключение, согласно которому следовало «возбудить ходатайство перед Генеральным прокурором СССР о внесении протеста в Верховный суд СССР на предмет отмены постановления Особого совещания от 7 июля 1945 года в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА А. И. и прекращении его дела по п. «б» ст. 204 УПК РСФСР».

28 декабря Главная военная прокуратура направила в Военную коллегия Верховного суда СССР надзорный протест за подписью генерал-майора юстиции Терехова, где ставился вопрос об отмене постановления ОСО НКВД и прекращении дела Солженицына по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР, то есть за отсутствием состава преступления.

И, наконец, 6 февраля 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР (председательствующий — полковник юстиции Борисоглебский, члены — полковники юстиции Долотцев и Конов) вынесла определение, полностью реабилитирующее А. И. Солженицына, о чем его уведомили 2 марта по новому месту жительства: Владимирская обл., п/о Торфопродукт, деревня Мильцево.

КОММЕНТАРИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЮСТИЦИИ А. Ф. КАТУСЕВА

Можно было обойтись без вмешательства юриста, если бы у истории многолетних злоключений А. И. Солженицына не обнаружилось мало кому известное продолжение, вследствие чего на

папке с надзорным производством по делу 2/2 № 369445 рядом с понятной записью «начато 3 февраля 1945 г.» соседствует более чем странная — «окончено 24 января 1974 г.».

Вызвано это тем, что в Прокуратуру Российской Федерации нежданно-негаданно поступило заявление:

«Из сообщения газеты «Комсомольская правда» от 5 сентября 1973 года я узнал, что писатель А. Солженицын занимается антисоветской деятельностью. Учитывая, что он уже ранее привлекался к ответственности за аналогичное преступление и ошибочно был реабилитирован, ходатайствую о привлечении Александра Солженицына к уголовной ответственности по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР».

Ниже шли подпись «доброжелателя» — некоего гражданина Р., жителя Москвы, и дата — 5.09.73 г.

Из Прокуратуры России заявление Р. переслали в Главную военную прокуратуру, а там поразились — при чем тут мы? Ведь Солженицын давным-давно не служит в Советской Армии!

Между тем гражданин Р. взялся за Солженицына всерьез — вслед за первым заявлением он 12 ноября шлет грозную жалобу на имя Генерального прокурора страны:

«Более месяца тому назад из Прокуратуры РСФСР мне было письменно сообщено, что мое заявление направлено для рассмотрения в Главную военную прокуратуру.

Однако, в нарушение Указа П. В. С. СССР от 12.04.68 г., о результатах рассмотрения указанного заявления ответа от Г. В. П. я не имею.

Пожалуйста, внушите Главному военному прокурору, что законы Советской власти нужно неукоснительно и точно выполнять».

Из мифологии мы знаем случай, когда во время войны с галлами из-за молчания нерадивых собак защитники древнего Рима едва не пропустили врага и спаслись лишь благодаря истощенному крику капитолийских гусей. Здесь напрашивается аналогия — коли правоохранительные органы, по мнению гражданина Р., хлопают ушами, спасение многострадального Отечества вынуждено становиться прерогативой наиболее сознательных его граждан. Знакомая песня?

Прочитав жалобу, тогдашний Главный военный прокурор генерал-полковник юстиции А. Г. Горный поручил сотрудникам пригласить к себе гражданина Р. и разъяснить ему, что вопрос, который он ставит, в настоящее время в компетенцию ГВП не входит. «Что же касается прошлого, — написал в резолюции А. Г. Горный, — то в силу закона к нему возврата быть не может. Р. это должно быть известно».

Последняя фраза генерала Горного нуждается в пояснении. Дело в том, что гражданин Р. большую часть сознательной жизни прослужил — где бы вы думали? — в органах военной прокуратуры.

Находясь в рядах Красной Армии с 1940 года, Р., имевший в ту пору образовательный багаж в объеме шести классов школы, сперва занимался чисто технической работой, а позднее, в 1943 году, стал военным следователем. В 1945 году он закончил заочную юридическую школу, пять лет спустя — Всесоюзный юридический заочный институт и посвятил следственной работе целых

двенадцать лет, после чего до увольнения в запас (август 1968 г.) в звании подполковника юстиции служил прокурором 7-го отдела Главной военной прокуратуры.

Казалось бы, дипломированный юрист обязан знать, что, будь ты хоть сто раз не согласен с определением Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации Солженицына, возврата к старому нет. Почему же тогда Р. проявил упорство? Может быть, заочно обретенные и не столь уж прочные знания за двадцать лет выветрились из его головы. Или, что тоже нельзя исключать, он вознамерился таранить Солженицына, полагая, что независимый пенсионер может исходить не из норм закона, а прежде всего из собственных представлений о революционном правосознании. Точного ответа у меня нет, но одно мне совершенно ясно — Р. истово поклонялся Сталину, из-за чего воспринимал Солженицына как сосуд со скверной.

В конце ноября 1973 года Р. пригласили на беседу, в ответ на что он заявил, что «ему нечего делать в ГВП». Тогда ему без обиняков разъяснили, что заниматься старым делом Солженицына никто не собирается и что иного решения по его жалобам не будет.

Трудно сказать, как повел бы себя Р. в дальнейшем, если бы Солженицына вскоре не выдворили из СССР.

Что впоследствии стало с Солженицыным, известно всему миру. Гражданин Р., естественно, менее популярен, поэтому напоследок скажу несколько слов о его теперешнем состоянии. Недавно один из старейших работников ГВП случайно встретился с Р. на улице, вежливо позд-

ровался с ним и был неприятно озадачен тем, что Р. не отреагировал на приветствие. «Не обижайтесь, — стеснительно вымолвила жена Р., держащая мужа под руку. — Он и меня не узнает».

Комментировать этот факт, по-видимому, нет необходимости.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ГОЛГОФА. <i>Генерал-полковник Абакумов. Факты и комментарии</i>	
Часть I	
В «МАТРОССКОЙ ТИШИНЕ»	
Аресты	11
Допросы	15
Тактический ход	20
Мастера «французской борьбы»	24
Вспоминает И. А. Чернов, бывший полковник	32
Комментарий генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева	38
Часть II	
В ЛЕФОРТОВСКОЙ ТЮРЬМЕ	
Нити заговора	44
Застенок	47
Цепь улик	51
Вспоминает А. И. Чернов, бывший полковник	54
Письма мертвого человека	56
Комментарий генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева	62
Часть III	
В БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ	
Железная маска	66
И. В. Сталин	70
Профессиональный подход	77
Классовый враг	80

Часть IV

ВО ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЕ

Канитель	92
Вспоминает А. И. Чернов, бывший полковник	95
Слово перед казнью	99
Сын за отца не отвечает	106
Вспоминает генерал армии Герой Советского Союза П. И. Ивашутин	110
Гипотезы	113
Вина и ответственность	122
Комментарий генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева	130
Послесловие	137

ПРЕТОРИАНЦЫ. *Факты и комментарии*

Без грима и мундира	151
Путь наверх	157
Обед у Сталина	162
Мегрело-националистическая группа	168
Следователь № 1	174
«Вдохновение»	185
Плоды изысканий	192
Нервотрепка	197
Комментарий генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева	205
Отщепенец	216
Замысел вождя	223
Сортировка	232
Арестованный № 5	236
Комментарий генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева	242
Бремя страстей человеческих	249
Человек чести	260
Специальная операция	267
Похищение жены маршала	272
Политический сыск	278
Хозяйственный мужик	292
К общему знаменателю	298
Комментарий генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева	314
Жупел	322

ДЕЛО КАПИТАНА СОЛЖЕНИЦЫНА. Факты и комментарии

Постановление на арест	333
Банка с пауками	336
Упрощенное производство	339
Об стену горох	346
На «свободе»	350
Реабилитация	353
Комментарий генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева	356

Кирилл Анатольевич Столяров

ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Ответственный за выпуск Е. Кожедуб
Младший редактор Н. Лопатина
Художественный редактор В. Горин
Технический редактор Л. Бирюкова
Корректоры Т. Ширма, З. Петрова

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96 г.

Сдано в набор 10.03.97 г. Подписано в печать 28.05.97 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 17,36.
Доп. тираж 11 000 экз. Изд. № 97-22-Д. Заказ № 2897. С 619.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
103030 Москва, Новослободская, 18

Полиграфическая фирма «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

КИРИЛЛ СТОЛЯРОВ

Кирилл Столяров мастерски работает в разных жанрах: от романа до публицистики. Его документальные книги, основанные на изучении секретных архивов, увлекательны, как остросюжетная беллетристика.

**...Я долго пробирался сквозь ворох лжи, прежде чем с пожелтевших страниц передо мной возник совсем другой Абакумов...
...Мне пришлось перелопатить уголовные дела Берии, Рюмина и множества других лиц, обобщенно названных здесь "преторианцами", и неожиданно выяснилось, что Берия тоже не соответствует образу жуткого монстра...**

